

Богдан Заднепровский

**ЭССЕ ПО ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТИ
НАЦИОНАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА И РАСЫ**

СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Почему востребован НС сегодня в России?

Часть I. О национальном социализме

1. Деспотический социализм и новый социализм
2. Нацизм и национал-социализм: есть ли разница?
3. Инволюция – «третий путь»
4. Национальная сущность социализма
5. Концепция развития НС в современных условиях
6. Национал-социализм не нуждается в оправдании
7. «Русский национальный социализм» – становление понятия
8. Преодоление этногенеза. Этногенез и национал-социализм

Часть II. Путь расы

1. Расизм в Новейшей истории
2. Путь расы
3. Расизм, фашизм и досуг
4. Судный день
5. Расовый смысл истории

Почему востребован НС сегодня в России?

1. Русское движение на нынешний момент в кризисе:

- Что явно показал невнятный Русский марш 2008;
- Развал разных национал-патриотических объединений (к примеру, НСО);
- Уход части лидеров «старой гвардии» и объединений либо в сектантство, либо во внутреннюю эмиграцию (научно-публицистическую работу).

Тот, кто близок к живому политическому процессу русского движения, может и сам по своим наблюдениям привести многочисленные примеры нынешнего идейного распутья.

Главная причина – идеологический раскол и разброд, накопившийся за 90 гг. прошлого века и начало 21-го. Также непонятное высокомерное нежелание учиться у тех исторических движений и партий, кто добился реального успеха на определенном историческом отрезке в прошлом: в любой стране было 2-3 успешных партии, остальные сотни союзов, объединений, партий пусть с самыми высокопарными политическими манифестами, названиями, амбициями – канули в Лету. На самом деле это закономерная и нормальная ситуация «идейного хаоса», которая требует от Русского движения перехода на новый конструктивный и продуктивный уровень. Пришло время для переосмысления и обновления, наступает Новая эпоха Русского движения. Требуется объединение усилий.

2. Почему НС?

Если сопоставить все нынешние платформы русского движения в идеологическом плане: по структуре, тезисам, манифестам и проч., то неизбежный и неоспоримый вывод будет таким – Русское движение сегодня, в конце концов, вышло на путь национального социализма, что с точки зрения истории закономерно и логично.

Все недоразумения по поводу национал-социализма происходят от непонимания исторической значимости и обусловленности этого поистине ключевого исторического явления.

Ирония судьбы заключается в том, что сами враги национал-социализма, скрупулезно изучая мотивы массового сознания, приводящие к его восприятию и историческую ситуацию его эпохи, фактически доказали объективность и закономерность национал-социализма, как исторического явления и психиче-

ского факта. Много ушло у них труда на то, чтобы выставить национал-социализм как негативное явление, как иррационализм, как всеобъемлющее зло. Понапрасну.

На самом деле для объективного феномена не важно – хороший он или плохой. Важно то, что приводит к нему человеческие сообщества, что заставляет принять его и жить в соответствии с ним.

Любое природное явление или социальное содержит в себе как позитивные, так и негативные свойства для субъекта его восприятия. Но свойства эти обусловлены природой и историей. Их манифестация и развитие зависят от окружающих их обстоятельств и ситуаций. И если отбросить всю пропагандистскую профанацию либеральных исследователей, то можно придти к следующим, неутешительным для них самих выводам, однако к вполне ясным, объективным.

НС – не идеология. НС – мировоззрение. Чтобы возник НС нужны определенные объективные причины, которые совершили бы толчок в сознании в сторону НС. Таковыми являются – политический кризис государственной власти, развал экономики, позор нации, деградация населения в эпоху максимального капиталистического производства. Психологический механизм тут весьма прост. НС – это реакция на условия, которые для сторонников его идеалов негативные. НС упирается в вопросы выживания этого массового сознания, массы, как некой совокупности, общности – нации, государства (по Ратцелю и Шмиту – как органической формы народа). Люди сталкиваются с весьма непростыми условиями жизни и рационализируют эту ситуацию, свой способ жизни, причем так, чтобы можно было не просто прозябать и терпеть эти условия как данность, а преодолеть их, и наладить жизнь в свою пользу. Это естественный процесс. Опосредованный же через историю человечества, примененный к ее политической ситуации и эволюции процесс этот приводит к историческому феномену НС.

Национал-социализм с одной стороны явился закономерным и наиболее логичным следствием политического и социально-экономического кризиса всей мировой системы империализма, стал попыткой его преодоления. И с другой стороны он был также окончательным диалектическим результатом развития социалистических учений – отрицанием марксизма. То есть он отрицал Старый мир полностью.

Национал-социализм проявился не в национализме или мистицизме – на чем акцентируют все его современные очернительские профанации, он начался с экономических обоснований (патернализма) и требований – со «Слома кабалы процента» Готфрида Федера, с учения Рудольфа Юнга о паразитической маммоне: в обоих случаях национал-социализм выступил, прежде всего, против спекулятивного финансового капитала. Что чрезвычайно актуально и сегодня.

На дворе вновь мировой финансовый кризис, который спекулянты-финансисты и спровоцировали, который ввергнет в ближайшее время в нищету миллионы людей и в хаос все основные политические системы. Возобновится непримиримое антагонистическое противостояние классов – внутренняя логика борьбы Старого мира. Против него также когда-то выступил национал-социализм, отрицая хаос мировой революции большевиков. Он предлагал органический проект народнического государства, основанного на приоритете общих, общенациональных интересов, примиряющих классовое противоречие. С помощью идеи нации преодолеть классовую борьбу, сделать общество солидарным на национальной основе. Национал-социализм также поднял впервые на политическом уровне проблемы миграции, меньшинств, проблемы белой расы, истощенной кровавыми войнами за непомерную буржуазную лихву. Поднял назревший геополитический вопрос о крупных континентальных государственных и региональных объединениях, с расой в качестве принципа консолидации исторических сообществ. Все эти проблемы как никогда злободневны сегодня, так как кризисы буржуазной системы мира – это историческая закономерность, научно доказанная. Причем нынешний кризис мира вышел на новый виток. Поэтому и возвращается национал-социализм. Он продиктован временем*.

(* прим. – и в 20-30-х гг. прошлого века НС проявился как раз после кризисов – политического 1919 г. и экономических 1928 г. Веймара и 1929 г. – Мирового кризиса)

Таким образом, сделаем далеко идущий вывод – национал-социализм был ни изобретением, ни мифом, ни идеологией одной партии и одного человека. Нет, это все поверхностная профанация. Национал-социализм был историческим событием, он был объективно обусловленным прогрессом общественно-исторического развития.

В НС рано или поздно, как в точке сходятся наиболее прогрессивные правые и левые взгляды. Это также доказано, как учеными-критиками и противниками НС, так и его сторонниками. Достаточно взглянуть на пестроту идейной борьбы только в Германии 20-х гг. прошлого века, и на результат этой борьбы – НС. Несмотря на широкую палитру мнений практически все национально мыслящие люди хотя бы раз обращались к опыту НС, как с позиций критики, сопоставлений, так и с позиций поиска новых идей и тезисов, впрочем также и с позиций позитивного восприятия.

Даже сам символизм НС демонстрирует нам его идейную объединительную конструкцию, как Мировоззрения. Три полосы, как три направления, пути, НС-триколора* – красный, черный, белый – содержат подспудно в себе все три платформы национального движения (их чередование и расположение не столь важно – оно может отражать текущую или предыдущую историческую

ситуацию). В данной интерпретации идеологический расклад выглядит следующим образом (он отличается от практического, реального, представленного в статье «Русское движение и НС»):

Красный – это символ социализма (как внутренней социализации общества), а в еще более широком понимании левого крыла Мировоззрения. В нем в центре борьба за социальную справедливость и классовый вопрос. Его социальные лозунги: «Общие интересы превыше частных» – борьба против международного капитала, «Социальное через национальное» (лозунг современной НД). Степень эскалации в левом крыле слева направо выглядит следующим образом: крайне левый национал-большевизм, далее к центру «штрассерианство», в центре национал-демократия, далее все правее национал-либерализм (СБ), потом правее национал-капитализм Севастьянова. Их всех в первую голову интересует классовый вопрос.

Черный – это центральное направление, полоса НС. Его главные принципы: 1. Кровь и Почва, 2. Нация и государство. Этноэгоцентризм. И тут как раз наиболее левым, и в то же время обширным, фактически половиной и центром этого направления будет НС германского образца – его принципы: государство – это средство, нация превыше всего. К этой модели очень близко и русское черносотенство. Максимальным интеллектуальным идейным историческим выражением этого центра можно считать «консервативную революцию» (понятие содержит в себе усиленные смысловые степени «национал» и «социализм»). Чуть правее (и, следовательно, немного ближе к старому миру) будет модель Итальянского фашизма (автаркия), еще правее будет идея Высшего авторитета (монарха) и Империи (эта модель государства правых очень хорошо разобрана у Эволы), и тут же в правой нише можно поместить и все религиозно окрашенные проекты, типа «Железной гвардии» («Союз Архангела Михаила») К. Кодряну. Почему же это все центр? Потому что он связан с идеей Государства, как такового, и соответственно Национального Государства.

Белый – это правое уже «мондиалистское» (внешнее, экспансионистское) направление. Это идея Расы, как наиболее максимальная правая идея. Здесь Переход и поэтому действует Закон сближения крайностей, некий «зеркальный эффект» – то, что на левом месте является на самом деле наиболее правым, то что на крайне правом схоже с крайне левым. Если не учитывать эту закономерность, то цельная картина мира рассыпается и мы приходим ко всем противоречиям нынешнего реального момента во всех платформах. С этой же конструкцией (которую можно вывести из классической диалектики Гегеля, эзотерически ее описал традиционалист Р. Генон, в худлите Ю. Мисима «Мой друг Адольф Гитлер», и частично заявил А. Молер в «Фашистском стиле») мы получаем НС – как Кольцо Силы, как метафизическую и диалектическую точку схождения. Итак, слева здесь продолжение правого курса от центра – это эзотерическое язычество и Традиционализм с темой расы, а не государства (которое центр, а раса – восхождение, социализм – стабилизация), вплоть до

идей Черного Ордена. И уже справа – геополитика (теории, к примеру, жизненного пространства, культурных кругов, стержневых государств, харт-лэнда и т.д.) и Белый интернационал – более светская, более открытая расовая тема (поэтому соединяется с крайне левым, красным): расиализм, этно-плюрализм.

Так вот сообразуется в цветовом спектре мнений и идей (триколоре) Новый тип общества (Gemeinschaft) – закрытого, как кольцо, со своим внутренним левым и правым (поэтому название – НС). Это Новый мир, порывающий со Старым, где антагонисты империализм и коммунизм. НС – это Третий путь, Альтернатива на смену гибнущему Старому миру.

(* прим. – см. трактовку цветов в МК. А.Г. считал неприемлемым старый имперский триколор, который отражал по его мнению старый ушедший мир. Поэтому он предложил свое всем нам знакомое знамя. Где в центре черная свастика. Знамя НСДАП отражает символически германский этноэгоцентризм: где в центре немецкая нация, далее по значимости ее расовая экспансия – белый цвет, и экспансия эта на Старый мир в виде революционных преобразований социально-экономической жизни – красный цвет. Таковой была символическая логика Третьего Рейха. Здесь черный также взят за центр).

3. В чем правда?

История нас разделяет. Но историю эту оценивали и комментировали те, кто разделял. А это Старый мир. Попробуем оторваться от этого «разделенного» видения, продиктованного закономерностями Старого мира. Посмотрим на него с возвышенности Нового мира.

Мировоззрение, которое в конечном счете, выразилось как НС, формировалось далеко не только в Германии. Оно возникло гораздо раньше, как всемирно-исторический идеал и носило отчасти умозрительный, прогностический характер, было опосредовано трудами философов, мистиков, историков, живым политическим процессом. Наряду с германским народом в этом процессе участвовал и русский народ. Следует согласиться с идеей «консервативных революционеров» и национал-социалистов 20-х гг. о «бунте молодых народов» против загнивающего мира Запада. Таковыми народами считались именно русский и немецкий народ. Об этом бунте писал еще Достоевский! И беда этих расово единых сущностей в том, что Старый мир сумел через свои механизмы влияния и ложные стереотипы сравнить именно эти две великие нации. Посмотрите на итоги 20 века. Победила англо-масонская система мира. В упадке и убытке именно русский и немецкий народ.

И что же мы видим в последние годы: *«За последние 8 лет число граждан, в той или иной степени поддерживающих лозунг «Россия для Русских», увеличилось по данным ВЦИОМ с 27% до 60%, что в пересчёте на 82% Русских*

*составляет почти ¾. Это – главная победа Русского национального возрождения и Русской национальной идеологии. Это – тот рубеж, за которым начинается качественно новый этап борьбы Русского народа за свою национальную государственность. **И этот этап требует обязательного и непременно опережающего теоретического осмысления поставленной цели**».*

Можно смело утверждать, и статистика, и даже простое наблюдение за окружающей социальной действительностью говорит нам о том, что думающее молодое поколение уже перешагнуло через исторический стереотип Нюрнберга. Оно его уже не хочет впитывать как догму, оно сопротивляется его мифу о Холокосте. Новое поколение Русского движения не хочет все время влачиться за прошлым, быть в кабале у настоящего, оно устремлено в будущее. Был преодолён Версаль, теперь преодолён и Нюрнберг.

У либералов уже давно нет абсолютного согласия во взгляде на историю. Все их попытки создать историческую картину своего морального превосходства, шиты белыми нитками. И все чаще приводят к самоотрицанию.

В нашем нынешнем состоянии у людей, даже либерального взгляда нет однозначного восприятия истории 60-летней давности. Вот несколько мнений из дискуссии «правозащитников» об НС:

- «На мой взгляд никакого противоречия нет – война 1941-1945 гг. не была войной против фашизма как такового (с фашистами до самого начала войны были самые теплые отношения), а была войной одного дикого режима против другого дикого режима. Риторика «борьбы с фашизмом» использовалась для мобилизации масс на войну и для легитимации собственного кровавого правления, в конечном итоге для удержания власти коммунистов. Нет в местной традиции неприятия фашизма, а наоборот вполне органично он существует. Также эта риторика используется и сейчас для оправдания оккупации Прибалтики».

- «Да, согласна. Я это же хотела написать. Не зря же война – Отечественная. т.е. воевали не потому что они фашисты, а потому что они, иноземцы, на нашу землю приперлись нас завоевывать. ну да, конечно, они назывались – «фашисты». Люди заучили это слово применительно к стороне противника в той войне. Что интересно – в советском искусстве о войне ведь тема фашизма и не звучит почти совсем. Там тема – защита Отечества от захватчика, в отличие от искусства европейского».

- «Для большинства – есть абстрактный фашизм-нацизм (немецкий прежде всего), про который все «знают», что это плохо, потому что Великая Отечественная война. А есть нелюбовь к чужим – начиная от традиционных евреев, продолжая людьми с Кавказа, из Средней Азии, и так далее. И это две совершенно разные картинки, не связанные друг с другом».

- «Мне, честно говоря, кажется, что не так важно, что там с фашизмом, с антифашистской символикой, пока первое и второе у обычного человека в голове не связано. Потому что запросто можно стирать свастику со стены дома, потому что воевал дед, а потом спокойно идти резать, скажем, киргизов».

- «Да потому, что после Победы не было сделано выводов, разжевано главного в фашизме – откуда это, что и как, с кем мы собственно боролись? Т.е. всегда был образ внешнего врага, а зерна фашизма в собственном социуме не были ни осознаны, ни отторжены. Вот и вылезло. Понятное дело – СССР был тоталитарным режимом, подавляющим индивида. Анализ Третьего Рейха мог привести к неприятным аналогиям».

Так рассуждают «хорошие мальчики и девочки», их выводы весьма далеки от старого официоза. Что уже говорить о тех, кто реально столкнулся с политическими, экономическими проблемами, историческими вызовами и проблемами дня сегодняшнего.

Русское движение чрезмерно привязано было до сих пор к истории, особенно к ее эмоциональной стороне. По этому поводу очень прозорливое мнение высказал историк Тони Джадт: *«Даже если бы современная Европа могла навсегда сохранить "живую" память о преступлениях прошлого (именно этой цели служат памятники и музеи, хотя их одних мало), в этом не было бы особого смысла. Дело в том, что сама по себе память пристрастна и необъективна: то, что один помнит, другой всеми силами стремится забыть. Память мало что дает нам для понимания истории. В первые годы после войны европейцы постарались сделать основой своей жизни вычеркивание памяти, забвение. Но в 1989-м все изменилось; начиная с этих пор Европа, напротив, зиждется на чрезмерном внимании к памяти: институционализованный общественная память стала фундаментом европейской коллективной идентичности. Сейчас понятно, что Европа не могла и дальше жить в состоянии амнезии, но и жить одними воспоминаниями она тоже не должна. Чтобы общество было здоровым, ему нужно переступать через свое прошлое и даже его забывать».* Добавим к этому положению мнение великого историка Ренана, по мысли которого чрезмерное внимание к воспоминаниям мешает становлению и объединению нации: *«Забвение (я даже готов сказать: "исторические заблуждения") играет важную роль в формировании национального самосознания: чересчур бурное развитие исторической науки зачастую представляет опасность для нации. Ведь благодаря историкам мы узнаем, что даже самые полезные политические институты были образованы путем насилия. Между тем процесс объединения никогда не проходит без применения силы».*

Что касается нас, русских, то тут, чтобы рана зажила ее не надо постоянно беречь. Чем как раз занимается нынешний буржуазный антинародный режим. Следует вспоминать с почтением об этой великой битве титанов 20 века,

где они, несмотря на ослепление и отчаянность борьбы сумели выжить и вопреки козням Старого мира двинуть человечество в космические дали. Великая братоубийственная расовая война закончилась. Мы с высоты нового столетия можем понять эту трагедию и ее фундаментальные причины.

Сегодня как раз настало время переоценки ценностей. Мы имеем возможность вновь взрастить семена великого идеала уже на нашей почве.

Часть I. О национальном социализме

1. Деспотический социализм и новый социализм

Деспотический социализм

Дело 2000-летней давности – освобождение человека из-под гнета власти другого человека – отразилось в философских концепциях Просвещения, утопистов и марксизма в конце XVIII и середины XIX веков. Выразилось же это освобождение, как известно, в идее социализма – некоего особого справедливого уклада жизни людей. Зачатки этой справедливости восходят еще к Нагорной Проповеди Христа и его учению о Царствии Божьем. К сожалению, христианство послужило лишь становлению новой религии, новых государств, нового господства, утверждая, что в бренной жизни нет справедливости, а лишь грех. Уклад мирской жизни в свою очередь был порожден римским правом и немецким мечом: здесь не было места для общей справедливости, а лишь частный интерес и отношения власти.

Изначально существовал у людей лишь общественный интерес: выжить можно было только сообща. В то же время человек по природе индивидуален, и у него со временем развивался личный интерес. Основа его в сознании «Я есть». Человек окружает себя предметами и заботами личного свойства. Он осваивает мир. В сферу его «Я есть» входит все больше и больше. Но нет еще частного интереса, а исключительно личный и общественный «Мы есть». «Мы есть» – это национальное проявление общественного организма, его самоидентификация. Однако экспансивная природа вида «человек» приводит его к неограниченному освоению бытия. Это его волевое «Я могу» развивает общественный интерес из национального в социальный «Мы имеем». Постепенно выделился сильный тип человека «Я имею». Он обладал цельностью «Я могу» и «Я имею». Люди стали «разноценными». Борьба за существование, создание государства, а вместе с ним культа личности и рабства внесли в сознание два общинных принципа разделения: внешний – «Мы и не Мы» (национальное) и внутренний – «Я имею – ты должен». Конкретный личный интерес, ставший частным, возвысился над отдельным личным интересом и стал абсолютным принципом, отождествленным с абсолютным принципом общественного (обычай, религия).

В самом общем виде – «объективном» (утописты и социал-демократы) социализм понимался как общественный уклад (строй). Он исходил из необходимости нивелирования классовой структуры государства – классовой борьбы, но не самого государства. Борьба идет, прежде всего, за интересы целого слоя общества («толпы») против другого («сословие»). Проблема человека рассматривается глобально и исторически, а не лично, как в экзистенциализме. Во главе угла экономические отношения, а не потребности отдельной личности. В этом порочность «объективного» социализма – он не гуманен. Для него важно равенство между индивидами, он – за обобществление. Но личность не хочет и не может владеть всем: это по силам лишь государству. Личный интерес состоит в том, чтобы владеть своим. Но «объективный» социализм с этим не считается. Его волнует лишь унификация общества.

«Насилие является повивальной бабкой старого общества...» – пишет Маркс в «Капитале», но является ли оно средством для построения «справедливого» общества, которого еще не существовало? Принцип насилия сохранен в идее государства (иррациональная идея: государство – аппарат насилия; рациональная идея: государство – аппарат безопасности). Новое правительство «бесклассового» общества – диктатура пролетариата. «Демократия» состоит в том, что власть выбрана большинством. Но большинством по отношению к кому? Во время революции 1917 года идет борьба с частным интересом, выросшем на основе личного («Я имею»), за общественный («мы имеем»). Государство обобществляет всю собственность. Личный интерес не имеет экспансивности частного в деле производственных отношений, он лишь потребительский, но отождествляется с частным и признается ущербным по отношению к социальному интересу.

Война с внешним врагом за национальное («Мы есть») помогает и внутренней борьбе, так как внешняя угроза является самой страшной изначально. Она мобилизует и личный, и национальный, и социальный интересы против частного и «чужого» интереса.

И вот победа. Общество почти едино в классовом плане и борьба уже может идти лишь вовне государства. Эта «война» с внешним и довольно агрессивным врагом становится главной и героической. Государство опять становится абсолютным принципом безопасности и мобилизует все резервы общества, но социалистическое государство не может разделять, так как нет частного интереса, а может лишь обобществлять: нет частного интереса, а личный и национальный дискредитируются.

Сам уклад обожествляется и становится обычаем посредством сравнения «лучше-хуже», а не «правильно-неправильно». Безопасность требует приоритетов и соответственно, воинов, жрецов и чиновников: отсюда намечается приход к «культу личности» (культу героя), но не к частному интересу. Можно

осуществлять власть, но нельзя владеть, так как все общее. Владение (господство) возможно лишь в виде власти, но не как богатство.

Сознание унифицировано в единое, нет проблемы идейного выбора (идейные враги физически уничтожались). Выборы становятся формальными (единогласными): все уже равны, враги за границей. Идеологи берут их конкретную часть на себя. Также остаются выборы, лишённые содержания, как подтверждение демократической формы правления – ещё один метод универсализации.

При этом власть не выбрана большинством, а поставлена во главе большинства. Здесь нет меньшинства в идейном плане, но есть в структурном – «диктатура пролетариата» – небольшая группа общества над большой. Формирование этой малой группы происходит не внутри ее самой, а отбор в нее идет из большой, по принципу заслуг (героический принцип продвижения во власть был изначальным).

Религия уничтожается, как идейное обоснование предыдущего уклада (не строя) жизни. Народ не дождался Царствия Божия на Земле, и попробовал создать его сам (чем черт не шутит, авось получится).

Так как диктатура – метод правления, то государство осуществляет насилие, помимо воли общества, но во имя его целей. В 20-30х гг. основная цель советского общества – отстоять жизненный уклад социализма, доказать его жизнеспособность. Этому немало способствовал энтузиазм большинства (после побед всегда верится в свою правоту), также внешний фактор агрессии. «У всех жизнь станет лучше» – вот лейтмотив новой эпохи.

Но как этого добиться – ведь враг силен. Пришлось догонять мощь врага. Смысл чего – «делай также, делай лучше». Что означало следовать тем же экономическим курсом. Развивать капиталистический (индустриальный) способ производства, но не на частном интересе. Нужна промышленность, нужны рабочие руки. Их надо найти миллионы. Индустриализация, энтузиазм и далее коллективизация. В принципе, обобществление земли не было столь уж важным, но оно проходило под видом уничтожения частного интереса. И вот здесь появились кулаки, подкулачники (подклассы – мелкая буржуазия). Тут уже обнаруживается первое противоречие социализма: а является ли структура общества классовой? Коммунист – это класс? Нет – наиболее сознательная часть пролетариата (действует принцип идейной целостности/отождествления). Красноармеец – класс? Нет – сын пролетариата на защите Отечества. А как насчет национальностей? – Fraternit; и Egalit; (братство и равенство) – факторы количества и качества национального состава в расчет не берутся. Всех в кучу – интернационал. Девальвация национального ради социального у одних народов и культурный и нравственный подъем для других ради соци-

ального и равного положения. С таких позиций произошла экспроприация рабочей силы из села (все по Марксу), но не для частного интереса, а против него.

То, что западный капитализм добивался в течение сотен лет при частном интересе, то Советский социализм добился всего за пару десятков лет. Но насколько может хватить такого рывка? За Советским социализмом оставался геополитический и экономический резерв бывшей империи. Было из чего строить. Но если частный интерес губил десятки миллионов своих и чужих людей и народов, то «объективный» социальный интерес пожирал лишь собственные миллионы, также не считался с их личным и национальным интересом, как и частный.

В государстве с большевистским социальным интересом возможна власть, но не владение. Отсутствует принцип разделения богатства, но есть его распределение. «От каждого по способностям, каждому по потребностям» – принцип этого распределения шел в противоречие с более верным с точки зрения личности положением «от каждого по способности, каждому по труду». Именно здесь вскрывается нарушение личного интереса: потребности унифицированы по принципу «все равны», и поэтому личные способности не имеют значения, они не определяют количество и качество труда и его стоимость. Стоимость труда тоже унифицирована. В данном контексте просматривается тезис Макиавелли «В хорошо устроенных республиках все общество богато, а отдельные граждане бедны». Однако власть имущие в таком положении находят как раз возможность частного интереса, пусть и не во владении, но в неограниченном потреблении. Потребности психологически ничем не ограничены, тогда как труд физиологически и нормативно ограничен, хотя и труд можно не ограничивать, посредством уже навязанного идейно изначального энтузиазма (обычай – субботник, повышенные обязательства и пр.) и «героизма для всех», так как труд лишается стоимости по количеству и качеству, по причине одинаковых общих, а не личных потребностей.

Одним из основных принципов государства насилия становится «культ личности». Отбросим лукавство либералов и демократов. Государство вообще по своей сути тотально, когда берет на себя функции наказания и суда. Любому тотальному государству присущ принцип отождествления интересов государства с интересами общества, личные интересы в расчет не принимаются. Социальное отождествляется с личным как в Советской России, либо национальное отождествляется с личным как в нацистской Германии, либо частное с личным при монархиях и олигархиях. «Культ личности» – абсолютный принцип в подобных государствах. Кто-то должен править страной. Культ основан на принципе героизма и олицетворяет собой Бога или Отца народа (извращенный принцип старшинства). Но по сути эту личность можно сравнить с камнем часового механизма государства, этот персонаж представляет его историческую волю, является гарантом стабильности и власти, но не может отвечать за

всех власть имущих и неимущих, потому что он тоже человек. Основная же ответственность за события ложится на власть имущих в целом, ибо они владеют и потребляют, а также создают моральные ценности отношений между людьми в обществе и государстве. Им нужна лишь санкция «сверху». Ее то и обеспечивает правитель. Он тоже может осуществлять волю, но лишь через эту армию власть имущих, через эту малую общину.

Деспотизм социализма в России состоял в основном в том, что частный интерес («я имею») выродился в социальный («мы имеем»), и абсолютно не считался (как впрочем ранее и частный интерес) с личным интересом простого человека – индивида. Никому не интересно было, чем живет индивидуум. На многие сферы его жизни был запрет, чтобы не было возможности развивать частный интерес. Но самое страшное было не в этом: не каждый человек хочет быть правителем или хозяином, господином других, владельцем. Самым большим его несчастьем стало то, что его жизнь регламентировалась «объективным», отчужденным от него социальным укладом. Человек не может обобществлять личное: жену, привычки, жилье, обед и т.д. Но не в меньшей степени он не желает, чтобы это стало сферой чужого частного интереса. Это – атавизм его народного и индивидуального отделения от природы и других людей и племен. В этом личном – родовом (национальном) и собственно индивидуальном, кроется вообще природа свободы любого индивидуума.

Не классовая борьба, но осознание государствами и властью имущими ценности личного интереса каждого человека, хотя бы и стереотипного – его субъективного вот что требовалось для подлинного социализма, как освобождения и справедливости. Ведь именно из-за невыносимого отношения человека к человеку выростала ранее возможность революции в государстве.

Да, построение деспотического «объективного», унифицированного социализма в России несло в себе историческую ошибку и несовершенство. За это мы сегодня расплачиваемся. Но не все итоги так однозначно негативны, особенно для зреющего нового социализма.

Революция в России впервые показала, что правящий класс может пасть абсолютно и быть полностью уничтожен. И с этого момента стало ясным для мира, что надо считаться с классовой борьбой, с обществом в целом, а не только с его верхушкой, что необходимо придавать также значение народному элементу общества, чтобы сгладить классовую борьбу сплочением нации, что придется решать проблемы большинства, а также и меньшинств.

На фоне истории с 1500 г. злодеяния в СССР не кажутся такими уж ужасными в сравнении с колониальной политикой Запада и становлением капитализма как уклада жизни цивилизации в целом. Именно СССР привел к значительному упадку Западную империалистическую цивилизацию, как в деколонизации мира, так и в ядерном противостоянии.

СССР развалился, не выдержав гонки вооружений, и лишь частично вследствие упадка социального уклада жизни. Все ресурсы шли на «холодную войну», а не в потребительскую сферу.

Советский Союз рухнул из-за нехватки еды, одежды и жилья для населения, а не по идеологическим причинам. И, прежде всего, из-за отсутствия здоровой политической воли руководства – пример Китая тому подтверждение. Власть временщиков выродилась – такое происходит с любой властью, если она не гибнет от новой или обновляется, то, либо правитель умирает, либо стареют власть имущие, хотя еще и держат бразды правления, либо династия деградирует. Во все времена требовалась свежая кровь для власти и свежие идеи из хороших зерен хороших сортов идей.

Нам – наследникам России и ее истории требуется понять и другое. В 80-х годах в США был колоссальный дефицит бюджета. У СССР такого никогда не было. Он проиграл в «холодной войне». Положение в России тяжелое. Но, интересно, что явилось причиной такого дефицита в США: «холодная война» или эффективность экономики? Экономисты утверждают, что социалистическая экономика была очень неэффективна, все было неправильно. Но, что было причиной этой неэффективности: постоянные войны с «цивилизованным миром» или действительно внутренние пороки социалистической системы? Или все же причиной пороков являлась «добрая воля» «свободного мира»? Социализм в России был первым подобным историческим экспериментом, проведенным в рамках самых жестких испытательных условий.

Советский социализм можно представить как первый компьютер ЭНЕАК на лампах, построенный в 40-х гг. XX века. Но находился этот «компьютер» (устройство) не под крышей уютного здания, под присмотром заботливых квалифицированных инженеров и механиков, а под дождем, градом и камнепадом, под присмотром энтузиастов-самоучек. И испытывался не как компьютер, а как танк. Все окружающие цивилизованные «арифмометры» ненавидели его как дьявольскую машину в темном средневековье и пытались уничтожить, а не использовать. А он, этот несчастный механизм, старался работать вопреки всем невздам. И вот он сломался, и его стали переделывать в арифмометр. А самый большой и сложный «арифмометр» оказался надежней. Но, значит ли это, что этот «арифмометр» (капитализм) никогда не сломается?

Все «цивилизованные страны» ненавидели СССР, как смертельного врага, принесшего им неисчислимы страдания, хотя из него даже ни одной пули в эти страны не долетело. Может и хорошо, что мы сейчас проиграли. Мы освободились от исторической ошибки «объективности» и теперь свободны строить органичный социализм, где будет гармония и равновесие общего и личного, да и частного тоже.

Новый социализм

Какие же можно сделать позитивные выводы по прошествии целых двух столетий социалистической борьбы? Если абстрагироваться от идеализма и борьбы, глядя на реальный результат, то положительным можно утверждать следующее: социализм не есть некий безусловный «справедливый» строй. Исходя из семантики понятия *soció*, можно заключить, что социализм это такой социально-экономический уклад жизни, который решает основные проблемы общества. Не нужно рассматривать его, как нечто совершенное, идеальное и законченное и всеобъемлющее. Он не ведет к коммунизму. Коммунизм – это на сегодня химера. Социализм не решает проблемы всеобщего равенства. Но он может в отдельно взятой стране сбалансировать и сгладить особо острые социальные противоречия и помочь личности в общем и целом. Основная задача социализма – решить самые острые проблемы индустриального общества: нищета, безработица, организованная преступность. Вот жесткие рамки задач социализма. Они превращают его не в какой-то там тотальный порядок, а в конкретную идеологию, направленную на решение строго установленных проблем. Этой «объективности» вполне достаточно.

Говоря о социализме, следует понять, что это не экономическая теория. Надо отстраниться также и от историзма. Социализм не решает экономических проблем – этим занимается экономика; социализм пока что не строгая историческая формация. Но он – идеология, которая в течение многих веков определяется главной целью – решать основные социальные проблемы людей.

Социализм на сегодняшний день является наиболее приемлемой идеологией и практикой для построения сильного правового государства. Но что же стоит за подобным утверждением? Кто возьмется, и кто должен нести ношу строительства и созидания социализма?

Смысл социализма состоит в том, что социальную ответственность берет на себя каждый здравомыслящий человек, который отождествляет себя, свою личность с историей, культурой, созиданием и будущим своей страны. Смысл не в свободе личности, а в ответственности за эту свободу – совесть. «Совесть действует в пределах культуры человека и человеческого сообщества, традиций народа... Перед людьми большой культуры большой выбор решений и вопросов, широкие творческие возможности, где совесть определяет степень искренности творца и, следовательно, степень его талантливости, оригинальности и т.д.» (Д.С. Лихачев).

Подобное дело не по плечу ни личности, ни группе, ни элите, корпорации, партии, государственным институтам. Все они существуют в рамках собственного секулярного интереса: мафии, диаспоры, олигархии, технократии. Либе-

рализм слишком индивидуалистичен – он не включает понятие ответственности за свободу. Он лишь за разграничение и отделение от зависимостей общества и государства.

Для процесса социализации общества важно вовлечение наибольшего количества общественных индивидов – социального ресурса, то есть привлечение масс. Социализм – это не доминанта среднего класса, не попытка стирания классовых, корпоративных, сословных, этнических границ, а коллективное осознание – самоопределение и самоидентификация индивидуумов и групп с интересами общества и государства. Важность общего интереса для личности, внутренняя потребность отвечать за него, иными словами воспитанная потребность, а не насильно навязанная. Таким социальным ресурсом обладает нация, так как она несет культурный, исторический, географический, этно-социальный, психосоциальный пласт идентичный личности: нация – часть любой личности, ее ойкуменистический и культурный субстрат. Нация тождественна большинству личностей того или иного государства и общества. На нацию ложится историческая миссия, на личность – миссия собственной жизни и жизни близких людей. Социализм – это не только личный интерес и свобода, но ответственность за свободу и жизнь близких: семьи, коллектива, корпорации, государства, и не столько за пользу, сколько за вред. Национал-социализм сейчас следует рассматривать не как исторический феномен того, что было в Германии в 30-х гг. прошлого века. Это новый способ жизни государства, а не способ экспансии и агрессии: он – организация внутренне непротиворечивого компромисса в обществе.

Социализм, несмотря на поражения и негативный опыт, является наиболее перспективной идеей развития. Не стоит связывать его лишь с марксизмом и опытом Советского государства. Шпенглер уже в начале прошлого века так определил теоретический подход Маркса к социальным теориям: «...что касается величайшего противника Адама Смита, Маркса, то ничего не стоит его громкий протест против капитализма, в плену представлений которого он всецело находился: тем самым он полностью признает его и хочет только, опираясь на иной счет, переместить выгоды субъектов на объекты». Таким образом, можно даже сделать вывод, что в полной мере социализм еще не до конца проработан теоретически и не воплощен в жизни. Пожалуй, он – единственный выход из постиндустриального тупика истории. То, что подразумевалось под социализмом раньше, было отчасти несоциалистическим, а капиталистическим – индустриальным феноменом. То есть социалистические страны Восточной Европы несли в себе черты социализма, но в большей степени они все же были капиталистическими. Объясняется этот факт тем, что идеология социализма вытекала из учения Маркса об экономических формациях и отношениях, и о частичном их отрицании в интересах определенных слоев общества и государственной формы правления. Таким образом, социальная теория строилась на базе экономического учения и меняла лишь экономические приори-

теты общественной жизни. Так вырос капиталистический, индустриальный социализм, усиленный идеологической работой с массами. Но это был не чистый социализм. Он исходил из экономических показателей. Хотя многое из того, что было достигнуто индустриальным социализмом, стало позднее нормой для Запада: нормирование рабочего времени, планирование экономики, социальные гарантии наемного труда и др. Всего этого добились социалисты, а не либералы. Либералы были там только сдерживающим механизмом от тотальных действий, как со стороны консерваторов, так и со стороны революционеров и экстремистов разного толка. Чтобы сохранить буржуазный мир.

Подлинный социализм должен происходить из «социального принципа», как определяющего развитие государства и общества. «Экономическая религия» – экономизм – тормозит этот процесс, как и буржуазные политические идеологии. Социальному принципу должны подчиняться экономика и политика, а не он обязан отталкиваться от экономического и политического принципов. Таков исходный тезис социализма.

И ему как это ни парадоксально звучит, соответствует национал-социализм. Но под этим подразумевается не столько исторический опыт фашизма и нацизма, сколько философская составляющая концепта «национал-социализм». Задача национал-социализма: взятие государством на себя решения основных социальных проблем в соответствии со своеобразными – национальными интересами данного государства. Германский национал-социализм был отчасти порождением реваншизма и некоего «особого» неадекватного превосходства над другими народами. Итальянский фашизм же, изначально, ставит во главу угла примат государства над обществом: что не является национал-социализмом, в котором государство – это средство. Нынче же еще добавляется к этому: экономика – это средство. Средство для нации, для той консолидированной исторически, культурно, этнически общности, которая на базе своего государства, своей страны будет создавать социализм. По-другому, как показал крах «мировой революции», быть не может.

Национал-социализм – это идеология ответственности и солидарности общества и государства в условиях сложных политических и экономических кризисов. Далее он либо перерастает в национал-демократию, либо вырождается в буржуазный империализм. Почему так? А почему после войны Германия стала демократической страной? Ведь ее делало демократической именно поколение, воспитанное национал-социализмом, который спас Германию от большевизма (а большевизм на Западе всегда считался очень большим злом) и восстановил экономику после Первой мировой войны. Лишь незажившая рана уязвленного национального достоинства привела ко второму акту империалистической драмы передела мира. Нацизм (гитлеризм) утрировал национал-социализм. Он гипертрофировал национальную браваду бюргеров, надавил на больные чувства Версаля, заразил империализмом и идеей мирового господ-

ства массы, народность подменил культом личности, утвердил войну как средство достижения счастья, борьбу, как и марксизм, поставил целью, а не средством, направил созидательный труд на милитаризм.

Национал-социализм в нынешнем понимании – это уже не реакция, где царят примат государства над нацией, имперские замашки империалистической реакции над интересами всего общества, культ вождя над культом народа, аристократизм возвышенности над возвышенностью единства, истории и культуры всего общества, народа, личности. Это будет уже подлинный национал-социализм без «войны и тирании», национал-демократия, где своеобразие личности, народа, нации не будет умаляться ради уравниловки отчуждением и своеобразием меньшинств, корпораций, элит. «Национальный» – в первую очередь защита против тотальной универсализации народов в виде масс, толпы, т.е. национализм – за национальную культуру и своеобразие великих народов, великих культур. Малые культуры имеют равное право на существование с крупными, но не могут сравниваться с ними по значимости для целостности государства, страны, общества. «Социализм» – означает консолидированное решение самых болезненных и жизненно важных проблем общества: нищета, безработица, преступность, коррупция власти. Все ответственные и сопричастны, и все – государство, корпорации, общество, индивид – на равных обязаны решать эти проблемы. На равных не означает равную долю участия в этом процессе: если у кого-то больше прав и финансов, его ответственность пропорционально с этим потенциалом возрастает, его доля должна увеличиться.

Россия – страна парадоксов. Коммунизм в ней не построили, демократию с либеральной рыночной экономикой провалили. Возможно, только национал-социализм спасет Россию.

2. Нацизм и Национал-социализм: есть ли разница?

«...И вначале, и теперь мы должны признать, никто не знал, то ли национал-социализм это что-то хорошее, но имеющее плохие побочные эффекты. Или нечто зловещее, но имеющее какие-то хорошие стороны».

Иоханес Зан (Нацизм. Предостережение истории, фильм BBC)

Исследуя движения правого националистического толка, следует с самого начала установить тезис об отделении феномена нацизма от национал-социализма*. Это очень важно как с исторической, так и с идеологической точки зрения. Именно с этой позиции начинается определение современного нашей эпохе содержания позитивной правой идеи вне рамок правой консервативной

буржуазной Реакции. Слово «нацизм» считается сокращением от слова «национал-социализм». Произошло от сокращенного же обозначения сторонников НСДАП «наци» – так их называли противники: коммунисты и социал-демократы. Но простое ли это сокращение или же в нем заложен важный семантический подтекст, отражающий реальное изменение в содержании и практике идеологии национал-социализма? И действительно, термин «нацизм» не содержит в себе понятие «социализм». Политические противники Гитлера были в основном сторонниками социализма, и для них было важно размежевать идею социализма от одиозного курса вождя национал-социалистов. «Самым удачным оказалось появившееся в марксистской прессе словечко «нацисты», которое с одной стороны было похоже на гитлеровский термин (Наци), но при этом носило пренебрежительный оттенок»¹. Но не состоялся ли отказ от социализма и со стороны верхушки третьего рейха после прихода Гитлера к власти? Не случилась ли некая трансформация идеологии национал-социализма в нечто, что уже им не являлось по существу, а стало по форме и содержанию тем, чем стало – «нацизмом»?

Джордж Моссе рассматривает национал-социализм, пришедший к власти, еще до начала войны, поскольку она накладывает свой отпечаток на многие его идеи и действия, придавая им преувеличенное значение². Подобный подход к проблеме помогает объективно разобраться в развитии и трансформациях идеологии национал-социализма. Безусловно, что национал-социализм и до войны был довольно радикальным. Но одно дело расовая гигиена, евгеника – далеко не только немецкое увлечение тех лет, антисемитизм – ограничение прав евреев и прочих инородцев, их выселение – весьма распространенная тогда во всем мире буржуазная теория, политическая борьба с коммунизмом, Аншлюс, что не слишком уж и осуждалось, а порой и одобрялось, ставилось даже в пример другим. Еще в середине тридцатых годов Уинстон Черчилль говорил, что народ, получивший в час трудных испытаний в дар такого человека как Гитлер, благословен Господом Богом³. И совсем другое дело – «лагеря смерти», реваншистский «блицкриг», «война на уничтожение», теория «недочеловеков», и как следствие многомиллионные жертвы мировой мясорубки. Подход Моссе приводит нас к гипотетическому выводу, что если бы Германия ограничилась только преобразованиями довоенной поры, которые не были направлены на *германскую агрессию*, то национал-социализм остался бы самим собой, а не деформировался бы в нацизм. Однако история не терпит сослагательного наклонения. Амбиции Гитлера и его оппортунизм с империалистической буржуазией похоронили здравые идеи национал-социализма, на десятилетия выставили его на лобное место перманентной гражданской казни. Настало время подробнее вникнуть в эволюцию этого идеологического феномена.

Национал-социалистическому движению был присущ довольно жесткий внутренний фракционизм. «Национал-социализм, мы видим, бывает разный: левый и правый. Левый делает ударение на слове «социализм» и тянется к СССР;

правый – гитлеровский, расистский – дружит с капиталистами. Левые и правые борются и сотрудничают. В броуновском движении перетекают друг к другу коммунисты, левые и правые нацисты, национал-большевики. К 1930 году радикальные движения в Германии оказываются разделенными на два лагеря: расово-националистический (правое крыло НСДАП и их союзники из правых партий) и социалистический (коммунисты, национал-большевики и левое крыло НСДАП)⁴. Ситуация аналогична «партийной драме» в Советском Союзе, когда левацкий большевизм уступил в «дискуссии» жесткому реакционному сталинизму. Национал-социализм был извращен подобно тому, как ленинский большевизм (хотя предпосылки были) исказился в тоталитарном режиме Сталина. Поэтому будет вполне правильным и логичным обозначить нацизм как отдельный от предыдущего и последующего национал-социалистического движения политический феномен, отождествить его с гитлеризмом, также как это было сделано большинством исследователей со сталинизмом по отношению к коммунистическому движению на определенном этапе.

Ранний и оппозиционный курсу Гитлера национал-социализм содержит в себе много универсализма и социалистических идей, в то время как «немецкий нацизм был уникален»⁵; «нацизм – это специфически немецкий феномен»⁶, как, например близкий ему по содержанию сионизм – «идеология, разветвленная система организаций и политическая практика крупной еврейской буржуазии»⁷. Эту идею подтверждают исследователи нацизма времен Второй мировой Майкл Сейерс и Альберт Канн. Они пишут: «Вначале фюрер был одержим идеей «германизации» Америки...нацификацией всех лиц германского происхождения, проживавших за пределами «третьей империи»⁸. При этом по их словам вождь пренебрег советом создавать организации профашистского типа. Но и после того, как эта мера была пущена в дело с чисто прагматических позиций, ее эффект был значительно ниже чем от нацификации.

Многие политические движения в историческом процессе приобрели сильные индивидуалистические черты – *уникальность* персонального, топонимического, этнонимического характера: маккартизм, сталинизм, маоизм, итальянский фашизм. Вряд ли их опыт возможно повторить во всем его своеобразии – невозможно их оторвать от исторических событий. В то время как национал-социализм несет в себе более расширенное понимание, хотя и не настолько универсальное, как либерализм, социализм, консерватизм и т.д.

Сегодня «правые» исследователи убедительно доказали, что многие национал-социалисты, консервативные революционеры Германии, националисты, то есть те, кого относят к правому лагерю, были в прямой оппозиции нацистскому курсу, жестоко преследовались режимом. Еще до прихода гитлеризма к власти образовалась сильная оппозиция в стане национал-социалистов во главе с Отто Штрассером. «...Мы – социалисты, Гитлер же перешел на терминологию капиталистов...Если вы хотите сохранить капиталистический режим, – заявил Штрассер, – то вы не имеете права говорить о социализме...» Летом

1930 г. Отто Штрассер основал Боевой союз революционных национал-социалистов, который стал известен под названием «Черный фронт». Он издавал антигитлеровские листовки и памфлеты, печатал газеты, распространял компрометирующие материалы о Гитлере и других видных наци⁹. И в правление Гитлера борьба правых с ним продолжилась. В Третьем Рейхе действительно опасные для Гитлера заговоры замыслились немецкими правыми, от Канариса до Штауфенбергера¹⁰.

Говоря о довоенном прошлом и о дне сегодняшнем, не следует забывать, что тогда была совершенно иная система мироустройства – империалистическая система передела мира или колониализм. «Уже первая мировая война с ее тотальной мобилизацией и высокоразвитой технологией уничтожения людей показала, на каком хрупком основании до сих пор базировалась европейская цивилизация. Не зря многими современниками эта война расценивалась как «мировая катастрофа». Все три движения, о которых мы говорим, – большевизм, итальянский фашизм, национал-социализм – обязаны своим возвышением именно этой войне»¹¹. Основные исторические мотивации этого мироустройства и привели к великой драме в двух актах (Мировые войны). И далеко не со всем злом, можно отождествлять нацизм, национал-социализм и коммунизм той поры. По другую сторону были далеко не поборники мира, а мощные агрессивные реакционные империалистические державы: у каждой был свой план *Передела мира*, своя экспансионистская политика. «...самые «либеральные» европейские общества были нелиберальны, поскольку верили в законность империализма, то есть в право одной нации господствовать над другими нациями, не считаясь с тем, желают ли эти нации, чтобы над ними господствовали. Оправдание империализму у каждой нации было своё...»¹². И именно империалистические агрессивные методы как социальной политики внутри этих держав, так и геополитики послужили причиной становления мощных протестных оппозиционных идеологий коммунизма (большевизма), национал-социализма. Гитлеровский нацизм пришел к оппортунизму с империализмом той поры. Поэтому политика нацизма Гитлера (гитлеризма) была не какой-то особенной, а вполне типичной и обыденной для той эпохи. В этом плане *нацизм* оправдывал особую роль германского народа, также как монархия Великобритании, как президентская республика Франции (на самом деле на ту пору «олигархическая монархия») оправдывала колониальные захваты заморских земель. Подобную геополитическую тенденцию можно четко проследить у всех европейских держав и США (доктрина Монро), начиная с Великих географических открытий и заканчивая эпохой империализма 19-20-х вв. «Будем искренни и честны! Будем объективны! Разве империализм – специфическое свойство только германской политики и державы согласия не выступают под знаменем империализма? Разве «воля к мощи», «воля к расширению» не свойственна современной Англии? Вспомним англо-бурскую войну. Вспомним английскую политику в Египте, в Азии... Империализм невозможен без воинствующего мирозерцания, без постоянной заботы о внешнем могуществе»¹³. Нацизм был просто последним на тот момент реакционным имперским планом

Новой истории в этом многовековом Переделе мира. Его отличительной чертой стал выход за рамки династизма и в данном аспекте внешняя политика нацизма сближается с политикой тогдашних США и Франции.

Во внутренней политике нацизма тоже нельзя найти чего-либо нового, нигде ранее не существовавшего в истории. Она была продолжением внешней, но на родной территории и отражала реакционную политику национального эгоцентризма, свойственную тогдашнему Западу, и Германскому национализму, в частности. Все те же древние «Divide et impera» – лучший метод управления разноплеменным государством – разжигание национальной розни между народностями; излюбленный метод империализма. На эту германскую политику также ложился тяжелый груз поражения в первом акте империалистического безумия. «Важный урок прошлого состоит, в частности, в том, что фашизм и национал-социализм были результатом краха либеральных систем... Политика меняет свой облик, когда наступает такая ситуация, как в Веймаре в 1932 г., и государство перестает быть субъектом, правомочным и способным осуществлять окончательные решения, обязательные для всех, как это было раньше в духе Гоббса. Такая ситуация продолжалась на протяжении почти всего XX века»¹⁴. Версальский унижительный мир на многие годы лишил немцев возможности говорить с внешним миром на равных, «а гитлеровское безумие нашего времени – это паутина мифа, в котором немецкое Эго пытается противостоять Версалю. Ни один человек не рассуждает здраво, когда его самолюбие жестоко задето, и те, кто умышленно унижают нацию, должны быть благодарны только сами себе, если она становится нацией безумных»¹⁵. Отсюда появилась необходимость изыскать внутренние резервы реабилитации и консолидации нации в борьбе за свое против чужого господства – дополнительного внутреннего врага. В Германии ими стали евреи, в Советской России – кулаки, подкулачники и т.д. Примеров схожих с политикой нацизма, хоть отбавляй: геноцид ирландцев в Великобритании, сегрегация и вытеснение с земли коренных народов в США, Австралии, ЮАР, геноцид армян в Турции. Из более ранних времен западной политики одна инквизиция чего только стоит. Все это происходило в период довоенного империализма и колониализма, и ничем не отличалось от политики нацизма. Тогда нынешние либеральные ценности были еще в стадии становления и не занимали видного места в политике западных держав. Классический либерализм реализовывался через социальную и национально-освободительную борьбу: революции 1848 гг., Парижская коммуна, борьба за независимость на Южном Американском континенте, против Турецкого ига в Юго-восточной Европе, позднее забастовочное движение, которое беспощадно расстреливали за вполне мирные требования. Подобное отношение к геополитическим и внутренним проблемам в немалой степени оправдывает позицию А. Гитлера в этих вопросах, если судить объективно без эмоций, не с позиций измученных горем войны победителей. Не успели отгреметь выстрелы Второй мировой, как Франция тут же вернулась с войной на Индо-Китайский полуостров, Великобритания втянулась в борьбу за Суэцкий канал, даже Бельгия и Голландия не чурались колониальных войн. Отголоски

этой геополитики звучным эхом гремели в течение всего послевоенного, «либерального» мироустройства Новейшей истории.

Нацизм, трансформируясь в крайнюю реакционную идеологию 20-30-х гг. опирался на мелкобуржуазное мировоззрение. Психологическую ситуацию той «переходной поры» от национал-социализма к гитлеровскому нацизму лучше всего описал Э. Фромм: «... определенные социально-экономические изменения (особенно упадок среднего класса и возрастание роли монополистического капитала) произвели глубокое психологическое воздействие. Это воздействие было усилено и приведено в систему политической идеологией, сыгравшей в этом отношении такую же роль, как и религиозные идеологии XVI века. Нацизм психологически возродил нижние слои среднего класса и в то же время способствовал разрушению их прежних социально-экономических позиций. Нацизм мобилизовал эмоциональную энергию этих слоев и превратил ее в мощную силу, борющуюся за экономические и политические цели германского империализма»¹⁶. Немалую роль в становлении нацизма сыграла буржуазная антикоммунистическая истерия.

По этим причинам нацисты не слишком досаждали капиталистической системе. Также можно отметить, что идеологические воззрения немецких либеральных философов и социологов, если они не были коммунистами или оппозицией, не подвергались тотальной проверке на лояльность, как это было в Советском Союзе. В годы правления Гитлера в концепцию нацизма часто вписывались либеральные принципы. «Государство – только средство... Пока в центре внимания было государство, народ был только объектом государственной деятельности. В нашем государстве народ стал субъектом»¹⁷. Таков и один из основных тезисов «Либерального манифеста». «Интересно заметить, что в связи с этой вульгаризацией дарвинизма «социалист» Гитлер отстаивает либеральный принцип неограниченной конкуренции»¹⁸.

Вообще при нынешних настойчивых попытках сравнивать и увязывать нацизм с большевизмом, много общего от советской тенденции сравнивать нацизм с капитализмом. Общим местом в отождествлении являлся культ личности. Но для эпохи мирового экономического кризиса стереотип харизматического лидера был вполне приемлем и в «западных демократиях». Рузвельт правил Соединенными Штатами столько же, сколько Гитлер Германией. И его «Новый курс» на «государство всеобщего благоденствия» был весьма жестким, авторитарным, через активное внедрение государственно-монополистических методов регулирования экономики. В чем-то сходной с культом личности можно считать эпоху «железной леди», когда она безжалостно расправлялась с профсоюзами угольщиков, громила аргентинцев у Фолклендских островов, открыто поддерживала диктатуру Пиночета и всяческий антикоммунизм. Если отвлечься от империалистической реакции Гитлера: милитаризма, реваншизма, расизма – от нацизма как такового, то национал-социалистическая структура общества была более плюралистичной, нежели советский строй.

Партийно-государственная корпорация Германии в отличие от ВКП(б) допускала вполне мирное существование института Церкви, частных финансово-промышленных корпораций и вообще частной собственности и конкуренции, враги общества были четко определены. «Точности ради все же следует упомянуть довольно важные институты, сохранившие хотя бы формальную независимость, – церковь, бюрократия, отдельные экономические организации и армия»¹⁹. Большевизм в свою очередь исключал практически любую корпорацию, церковь, собственность, конкуренцию кроме государственной. Врагом мог стать любой человек – атмосфера страха и террора была тотальной. Речь уже не идет о свободе мысли, слова и передвижений: «немецкая философия 30-40-х годов (по крайней мере, весьма заметная часть этой философии) оставалась философией и тогда, когда была существенно созвучна идеологии национал-социализма; лояльность и даже приверженность к этой идеологии не означала для большинства немецких философов утраты своего философского лица, понижения уровня своего философского творчества – всего того, что было неизбежно для русских философов в период господства коммунистической идеологии»²⁰. Довоенную Германию таким образом нельзя назвать до конца тоталитарной.

Нацизм отошел от принципов национал-социализма, как сталинизм от ленинизма – в сторону консервативной контрреволюционной реакции. «Нацизм начал свой разрушительный путь. Небывалый белый террор против людей и социализма проходит под маской социализма. Для этого, его пропаганде пришлось возвести революционный фасад с отделкой Парижской Коммуны»²¹. Volks-элемент сменился расовой теорией превосходства, были преданы и надежды «консервативной революции» правых: «...идеи «революционных консерваторов», в том числе их мечта об органической народной общности, перерастающая в обожествление собственного народа, или стремление к слиянию мирской и религиозной сфер, ведущее к попыткам построить «царство Божие» на земле, были подхвачены нацизмом и по-своему воплощены в практике «тысячелетнего рейха»²². Социализм был фактически полностью отвергнут: было разгромлено профсоюзное движение. На всех заводах, фабриках и в учреждениях были ликвидированы рабочие советы, отменены право на забастовки и заключение коллективных договоров²³. Естественно, что идея превосходства – *массовый элитаризм*²⁴, полностью нивелировала и социалистическую идею равенства. Наиболее существенной социальной мерой стало решение проблемы безработицы, но в милитаристском ключе. На первый план вышел элитаризм и имперские реваншистские амбиции. Германский национализм эксплуатировался в целях тотального конформизма и в интересах крупных банкиров и промышленников, как местных, так и зарубежных. Подъем немецкого духа гарантировал их инвестиции. Нацисты могли готовить свои авантюры, зная, что на их стороне – поддержка влиятельных экономических групп западного мира²⁵. Война по-прежнему считалась лучшим методом наживы. «Для большинства немцев война, когда они о ней думали, сочеталась

с соблазнительными перспективами, какие она им сулила, полную уверенность в незначительности неприятностей, каких они могли опасаться ... Больше того, эта война доставила многим немцам материальные блага, более сытую жизнь»²⁶.

Чрезмерно оправдывать Гитлера и нацистскую верхушку нет смысла. Они совершили много ошибок, они привели свой народ к новому, еще более жестокому поражению и позору. Гитлер предал идеологию национал-социализма ради имперского реакционного культа личности в сговоре с милитаристами-консерваторами. Также как когда-то ради войны Наполеон предал идеи революции, также как его оппонент Сталин уничтожил ленинский НЭП. Нацизм высветил опасности, которые могут скрываться за фасадом консерватизма (а современный консерватизм очень уязвим в отношении экстремальных взглядов, хотя и отвергает их)²⁷. И если бы Запад действительно тогда был бы либеральным, а либерализм был бы господствующим мировоззрением, то драмы Мировой войны можно было бы избежать. Буржуазный либерализм, под видом мира, разрядки, гуманной отдушины – «...дорогу, которую сорок пять лет назад избрала Западная Европа»²⁸ – пришел пожинать лавры на руины чужой смертоносной битвы – империализма, коммунизма, фашизма. «Вот, смотрите, что получилось – война и тирания» – стоя над схваткой, вещал и продолжает до сих пор заклинать социум буржуазный либерализм. Но, что могло бы получиться у большевизма и национал-социализма, если бы не постоянно действующая агрессивная реакционная политика империализма, направленная на войну и передел мира, актуальность которой не утрачена и поныне? Ирак, Сербия, Афганистан, Ливан: войны и передел мира под эгидой идей либерализма и демократии.

Вывод: нацизм – это злокачественное реакционное перерождение идеологии национал-социализма, обусловленное культом вождя, сговором с крупной буржуазией (оппортунизм), теорией расового превосходства. «Но дело, прежде всего в том, чтобы мы сами верно поняли, продумали и прочувствовали дух национал-социалистического движения. Несправедливое очернение и оклеветание его мешает верному пониманию, грешит против истины и вредит всему человечеству. Травля против него естественна, когда она идет от Коминтерна; и противоестественна, когда она идет из небольшевистских стран. Дух национал-социализма не сводится к «расизму». Он не сводится и к отрицанию. Он выдвигает положительные и творческие задачи»²⁹.

Итак, начнем с чистого листа. Национал-социализм – это, прежде всего, правый, традиционалистский взгляд на социализм. Национал-социализм – наиболее левое крыло правых взглядов. Он за построение более социального государства, но без утраты национальной идентичности, за приоритет нации в жизни страны. Уже в 30-е гг. по этому поводу левый национал-социалист О. Штрассер, о котором мы упоминали выше, считал, что из марксизма следует

вычесть идею «диктатуры пролетариата», «утопический коммунизм» и «пролетарский интернационализм». Вместо этого Германия должна построить особый немецкий социализм, основанный на солидарности всей нации, справедливости и народном единстве. «Немецкий социализм» считал необходимым сочетать личную ответственность, независимость и творческую свободу с чувством принадлежности единой общине, к трудовому рабоче-крестьянскому и производительному коллективу³⁰

Джордж Моссе, определяющий национал-социализм в большей степени как культурную революцию, заметил очень важный антибуржуазный социальный аспект, идеал этой доктрины, дающий именно ей революционную перспективу социальной трансформации общества. В мире, созданном под воздействием индустриализации, личность была отчуждена не только от общества, но и от собственного природного разума³¹. Идея национал-социализма сочетать в себе традиционные устои общества и социальные преобразования стала попыткой положить конец отчуждению человека от современного общества. Подобную концепцию не содержал в себе большевистский социализм, полностью отдававший личность на попечение коллективизма и конформизма – в них он решал проблему отчуждения. Гитлер же затоптал этот росток надежд обывателей своими радикальными амбициями. Национал-социализм в нынешнем понимании – это уже не реакционный нацизм или корпоративный фашизм, где царят примат государства над нацией, имперские замашки Реакции над интересами всего общества, культ вождя над культом народа (демократии), аристократизм возвышенности над возвышенностью единства, истории и культуры всего общества, народа, личности. «Поэтому правы те, кто делает различие между доктриной национал-социализма и итальянским фашизмом, так как в фашистской доктрине, несмотря на то, что в Италии не существовало традиции аналогичной прусской (как мы уже видели), тем не менее признавался приоритет Государства перед «нацией» и «народом»³². Это будет уже подлинный национал-социализм без «войны и тирании», национал-демократия, где своеобразие личности, народа, нации не будет умаляться ради уравниловки своеобразием меньшинств, корпораций, элит. «Национал» – лишь защита против тотальной универсализации народов в виде масс, толпы, быдла, за национальную культуру и своеобразие великих народов, великих культур. Малые культуры имеют равное право на существование с крупными, но не могут сравниваться с ними по значимости для целостности государства, страны, общества. Недопустимо нахальное морализаторское вторжение общественного в личную жизнь. В этой области принципом должна стать свобода, непосредственно связанная с ответственностью, и еще в большей степени, с приоритетом принципов «высшей морали» перед конформистскими принципами «мелкой морали»³³. «Социализм» – означает консолидированное решение самых болезненных и жизненно важных проблем общества: нищета, безработица, преступность, коррупция власти. Все ответственные и сопричастны, и все – государство, корпорации, общество, индивид – на равных обязаны решать эти проблемы. На равных не означает равную долю участия в этом процессе: если у кого-то больше

прав и финансов, его ответственность пропорционально с этим потенциалом возрастает, его доля должна увеличиться.

Типичным примером действующей общественно-политической модели национал-социализма является «шведская модель социализма». Кое-кто, однако, не преминул отметить, что многие элементы и институты шведского государства никак не вяжутся с социализмом: в Швеции существует монархия, развитый частный финансовый капитал. Одним словом делается вывод, что там не социализм, а развитый социал-капитализм³⁴. В среде умеренности и аккуратности всеми силами пытаются абсолютно изжить идею о каком бы то ни было социализме. Естественно, что «шведская модель» имеет мало общего с советским социализмом. Но рассмотрим ее с точки зрения перспективного национал-социализма, о котором сказано выше. «Шведская модель» практически его олицетворяет. В Швеции, мононациональном государстве, где национальное большинство – шведы, было построено очень развитое социальное государство, политика которого полностью направлена на национальные интересы, и которое управляется исключительно шведами. Шведы отказались в своем национал-социализме от «войны» – Швеция уже более ста с лишним лет как объявила нейтралитет, и «тирании» – шведский национал-социализм не отрицает демократию – правящая там уже 80 лет партия социал-демократическая, которая ограничивает её рамками национальных интересов: для шведов демократия – это не «всеократия» или «равнократия», а именно «власть народа» Швеции. Шведское государство практически не вмешивается в частную жизнь и собственность – «шведский социализм работает на базе рыночной экономики: 95% наших предприятий – частные. Государственный сектор производства крайне незначителен – меньше, чем в Италии или во Франции. Но зато есть крупный сектор, которым распоряжается государство: социальное обеспечение, здравоохранение и образование. Все это требует больших затрат, потому и налоги, включая социальные отчисления, в Швеции достаточно высоки – примерно 60% валовой продукции»³⁵. Буржуазные фарисеи припомнят, конечно же, что коммунисты уже пытались строить «социализм в отдельно взятой стране». Однако им можно возразить, что большевики не строили «социализм для отдельно взятой страны и народа», как это было сделано в Швеции, и чем как раз должен заниматься национал-социализм: этим он будет отличаться от советской модели. Ведь СССР был для коммунистов-интернационалистов лишь плацдармом «мировой революции».

Кстати, в какой-то мере национал-социалистическим можно считать и Китай (коммунизма там пока не построили). Ведь Китай является также мононациональным государством – 97% населения принадлежат к основной народности хань, идеология – «коммунистическая», в большей мере социалистическая, направленная на построение социально справедливого государства. Китай – довольно замкнутое общество с имперскими традициями, его политика на сегодняшний день целиком и полностью опирается на внутренние национальные интересы китайского народа.

- ¹ Румянцев Д. «Вопросы терминологии или Националисты, нацисты и все, все, все...» – <http://www.nso-korpus.info/ns-termin.htm>
- ² Моссе Дж. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма. – М.: ЗАО Центрополиграф, 2003. – С.5.
- ³ Рормомзер Г. Кризис либерализма. – М., 1996. – С.118.
- ⁴ Горбунова А. Отто Штрассер. Гитлер и Я//»Критическая Масса» 2005, №3-4// Красные в НСДАП. Пер. с нем. С. Чарного; предисл. А. Севера. – М.: Эксмо, Яуза, 2005. 318 с.
- ⁵ Эко У. Вечный фашизм//»Пять эссе на темы этики». – СПб.: Симпозиум, 2000. – С. 49-80
- ⁶ Лаку-Лабарт Ф. Нацистский миф. – СПб.: «Владимир Даль», 2002. – С.23.
- ⁷ Иванов Ю. Осторожно: сионизм! Очерки по идеологии, организации и практике сионизма. Изд-е второе. – М.: Изд-во политической литературы, 1970. – С.4.
- ⁸ Сейерс М. Тайная война против Америки/М. Сейерс, А. Кан. – М.: Гос. издательство иностранной литературы, 1947. – С.145-153.
- ⁹ Нацисты против Гитлера//Штрассер О. Гитлер и я. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 1999. – 384 с.
- ¹⁰ Бенуа А. Загадка Гитлера
- ¹¹ Люкс Л. Большевизм, фашизм, национал-социализм – родственные феномены? Заметки к одной дискуссии// *Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры* – Русское издание. – 2004. – № 1. – <http://www1.ku-eichstaett.de/ZIMOS/forum/inhaltruss1.html>
- ¹² Фукуяма Ф. Конец истории? – <http://www.politnauka.org/library/dem/fukuyama-endofhistory.php>
- ¹³ Устрялов Н.С. К вопросу о русском империализме//Журнал внешней политики и права «Проблемы Великой России», No15, 15 (28) октября 1916 года, сс.1-5. – http://thelib.ru/books/ustryalov_nikolay/k_voprosu_o_russkom_imperializme_1916-read.html
- ¹⁴ Рормомзер Г. Кризис либерализма. – М., 1996. – С.66, 86-104.
- ¹⁵ Рассел Б. Происхождение фашизма. – <http://kaa.cust.ramtel.ru:9671/library/book/81014>
- ¹⁶ Фромм Э. Психология нацизма. Отрывок из книги «Бегство от свободы». – <http://psyho.ru/books/psyho/book8.htm>
- ¹⁷ Вайдеман И. Принцип единоличного руководства в системе управления// Индустриферлаг Шпет унд Линде. – Берлин, 1936 г.//Философия вождизма. Хрестоматия по вождеведению под ред. В.Б. Авдеева. Серия «Библиотека расовой мысли» /Перев. с нем. А.М. Иванова/.
- ¹⁸ Фромм Э. Психология нацизма. Отрывок из книги «Бегство от свободы». – <http://psyho.ru/books/psyho/book8.htm>
- ¹⁹ Моссе Дж. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма. – М.: ЗАО Центрополиграф, 2003. – С.8.

²⁰ Мальчевский Н. Каждому – своё. О немецкой философии в период национал-социализма. – <http://russamos.narod.ru/03-last-3.htm>

²¹ Ernst Bloch, «Inventory of a Revolutionary Facade», The Heritage of our Time (Polity, Cambridge, 1991), p. 64.

²² Алленов С.Г. «Консервативная революция» в Германии (К истории возникновения понятия и его ранних интерпретаций)//Исторические записки. Научные труды исторического факультета. Выпуск 2. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1997. С. 121-127.

²³ Моссе Дж. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма. – М.: ЗАО Центрополиграф, 2003. – С.6.

²⁴ Эко У. Вечный фашизм//»Пять эссе на темы этики». – СПб.: Симпозиум, 2000. – С. 49-80.

²⁵ Безыменский Л. Разгаданные загадки Третьего рейха. 1933-1941. – М.: Издательство Агентства печати Новости, 1981. – С.40. (Книга подробно освещает вопрос сношений и поддержки нацизма крупным капиталом)

²⁶ Филлипов И.Ф. Записки о Третьем Рейхе. – М.: «Международные отношения», 1966. – С.88.

²⁷ Моссе Дж. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма. – М.: ЗАО Центрополиграф, 2003. – С.32.

²⁸ Фукуяма Ф. Конец истории? – <http://www.politnauka.org/library/dem/fukuyama-endofhistory.php>

²⁹ Ильин И.А. Национал-социализм. Новый дух.//Возрождение. – Париж, 1933. – 17 мая.

³⁰ Мюдри Т. Отто Штрассер, отвергнутый пророк Германии//»Элементы» №8, 2000. – www.arcto.ru

³¹ Моссе Дж. Нацизм и культура. Идеология и культура национал-социализма. – М.: ЗАО Центрополиграф, 2003. – С.5-32.

³² Evola J. Il fascismo visto dalla Destra (con note sul III Reich). Settimo Sigillo: Roma, 1989, ч.2, гл. 3. (Перевод с итальянского Виктории Ванюшкиной) – www.nationalism.org

³³ ibid. ч.1, гл. 13.

³⁴ Зубко М. Шведская модель справедливости//Парламентская газета. – 2003. – №80. – 30 апреля. – <http://www.pnp.ru/archive/12090734.html>

³⁵ Секреты шведского социализма//Аргументы и факты. – 2000. – №6 (1007) – 9 февраля.

* Сходную с данной позицией очерка идею выдвигает Юлиус Эвола: *«Во-первых, необходимо отделить общеизвестные отрицательные черты «нацизма» (концентрационные лагеря, преследование евреев, ответственность за начало второй мировой войны, нелепые прихоти Гитлера и т.д.). Во-вторых, для многих справедливую оценку затрудняет та чрезмерная роль, которую в Германии (еще в большей степени, чем в Италии) сыграла определенная личность, а именно Адольф Гитлер, так как в период его правления Германию можно было*

назвать *Führer-Staat*, т.е. «Государство Фюрера». В третьих, необходимо отметить, что как за границей, так и в современной Германии ярлык «нацизма» второпях навесили на весь период от распада Веймарской Республики до окончания второй мировой войны, как если бы речь шла о чем-то абсолютно едином и однородном. При этом забывают об отдельных компонентах нацизма, сыгравших значительную роль в зарождении и строительстве Третьего Райха, между которыми зачастую существовали разногласия и напряженность отношений, скрытые тоталитарной структурой». (Evola J. *Il fascismo visto dalla Destra* (con note sul III Reich). Settimo Sigillo: Roma, 1989, ч.2, гл. 1. (Перевод с итальянского Виктории Ванюшкиной) – www.nationalism.org)

3. Инволюция – «третий путь»

Наиболее острым противостоянием с начала 20 века и на всем его протяжении стала борьба империализма и социализма. Но в пылу этой битвы возник «третий путь» – желание альтернативного развития и борьбы. В случае с империализмом, достигшим своего апогея в прошлом столетии, развивалась Реакция – попытка остановить развитие социума на закрепленных консервативной буржуазией позициях. Единственным выходом из реакционного тупика предполагалась социалистическая революция – переход от буржуазных отношений к социалистическим, как к последовательной эволюционной стадии общественного развития. Социализм является логическим продолжением эволюции человечества с точки зрения философии Просвещения и ничего более, казалось бы, не может подразумеваться. Однако эволюция была заторможена реакцией, которая через философию истории Гегеля определяла конечность социального развития общества. А потому для преодоления этой метафизической конструкции потребовалась материалистическая диалектика истории и революция. В рамках этого противоборства империализма и социализма возникло два дополнительных движения: с одной стороны рационалистическое – буржуазный либерализм, с другой традиционалистское – «консервативная революция». Они пытались стать альтернативой развития, но так и не смогли. Разберемся с этим поподробнее.

Либерализм 20 века – полностью буржуазный. И поэтому он отказывается от революции, как основного метода коренных изменений. Он становится попыткой компромисса между революцией и реакцией. Его основа – прогресс, прогрессизм. То есть эволюционное развитие без рывков, постепенное преодоление социальных и экономических противоречий. Либерализм занял позицию отхода от насильственной идеи Великой французской революции, которая была одновременно и либеральной, и социальной, и национальной. Либерализм подобно остальным пытается создать «новый тип человека», тоже проповедует «непреходящие ценности» – свобода, рационализм, частная собственность. Прогрессизм есть закономерная, последовательная, объективная и обязательная эволюция социально-экономических отношений. Он выступает

против умеренного консерватизма в условиях мягкой, не слишком напряженной политической борьбы. Но для борьбы с реакцией, и последствиями ее радикальной деятельности, его явно уже недостаточно. Он – полумера развития, не альтернатива. Часто прогрессизм становится видимостью развития, прикрывает частные интересы буржуазии.

«Консервативная революция» также была полумерой, а не альтернативой. Она призывала к возвращению к истокам, традиции, к этакой политической пасторали. К деволуции – отрицательной эволюции. Мёллер Ван ден Брук призвал к объединению противоречий: «Мы должны иметь силы жить среди противоположностей»¹. И тем самым завел правую идею «консервативной революции» в тупик. Невозможность преодоления разнонаправленных тенденций, революционных с одной стороны и консервативных с другой, в конце концов, привела его «третий путь» к поражению – он не вышел за рамки дополнения к процессу развития и борьбы. Реакционные тенденции – элитаризм, империализм, этатизм и реванш – перевесили революционный социальный порыв, который был отдан на откуп пропаганды и тоталитарного конформизма. Однако ее достижением можно считать предвосхищение палингенеза – процесса возрождения общества, одним из важнейших элементов альтернативы – «третьего пути». И буржуазный либерализм, и «консервативная революция» так и не смогли избавиться от своей буржуазной империалистической основы, поэтому в дальнейшем всегда были подвержены риску – переродиться в реакционные течения. Что и произошло: риторикой «консервативной революции» воспользовались нацисты, современный буржуазный либерализм служит опорой реакционному империалистическому глобализму корпораций.

Таким образом, в представленных социальных течениях задействованы три исторических способа развития: эволюция, революция, реакция, и их частичные проявления деволуция и прогрессизм. Но где же «третий путь»? И зачем он?

«Третий путь» становится необходим при жесточайших исторических кризисах, когда ни эволюция, ни революция, ни реакция и т.д. не в состоянии решить социальных противоречий. Тогда-то и появляется «третий путь».

Национал-социализм и фашизм считаются исследователями то революцией, то реакцией (контрреволюцией). «В Италии фашистская партия родилась, превознося свой новый революционный порядок, но финансировалась самыми консервативными землевладельцами, которые надеялись на контрреволюцию. Итальянский фашизм в своём зародыше был республиканским, но затем двадцать лет подряд прокламировал верность королевской фамилии, давая возможность дуче шагать по жизни под ручку с королём, которому предлагался даже титул императора»². Коренная разница между национал-социализмом и фашизмом в принципах отношения антиномий политической жизни государ-

ство-общество, государство-нация: в приоритетах. Национал-социализм предполагает приоритет – примат нации над государством, фашизм, наоборот, примат государства над социумом, нацией (Эвола). Но исследователи до сих пор считают их однородными явлениями по многим признакам. Роднит их вождизм – авторитет, антидемократия, они строят конфессиональную модель государства. Но подобное сходство, очевидно, наблюдается у них и с империализмом, и с большевизмом. И на этом основании современный либерализм отмежевывается от этих идеологий, как от тоталитарных. Но насколько это объективно, особенно для этих идеологий стоявших в преддверии грандиозного военного противостояния, в условиях мирового экономического кризиса немалую роль в которых сыграли именно слабость и неспособность к решению новых вызовов времени «миролюбивых» консерваторов и либералов? Споткнувшемуся, но чрезмерно амбициозному капитализму на пятки наступал во всем своем ужасе и несовершенстве Советский социализм. Для многих обществ и то, и другое было неприемлемым, поэтому возникла альтернатива. Этой альтернативой стали итальянский фашизм и национал-социализм: «...ведь фашизм был совершенно новым явлением на политической арене и, в противоположность таким политическим течениям, как консерватизм, либерализм или марксизм, не имел непосредственных предшественников до Первой мировой войны... В своей идеологии и стратегии, а также организационных структурах он примыкал как к левым, так и к правым традициям и этим сломал до того времени привычную право-левую схему, что чрезвычайно осложняет определение фашизма до сегодняшних дней»³.

И в самом деле, национал-социализм и фашизм стали «третьим путем», какой предвосхищала и утверждала себя прогрессивная правая мысль 20-х гг. Они были действительно альтернативой революции и контрреволюции. Но не «консервативной революцией», а обходным эволюционным путем – инволюцией. Инволюция (филос.) [лат. involutio изгиб, завиток] – процесс обратный дифференциации, который ведет от множества к единству, от разнородности к однородности, от разнообразия к единообразию⁴. Инволюция – вот тот «третий путь», который отличается и от революции, и от реакции, и от прогресса, чьим общим знаменателем является естественно эволюция. Вот это и есть их главное сходство – новый способ социального развития – инволюция, который до этих времен не был столь четко выражен в политике (в культурном плане он в чем-то сходен с Ренессансом): «межвоенный фашизм» был продуктом кризиса капитализма, которому изнутри угрожал распад финансовых, социальных и политических структур поддержки, а снаружи — революционный социализм»⁵.

Вслед за буржуазной революцией может быть только социалистическая – такова была логика социального противостояния со времен революций 1848 года: революция – контрреволюция. Все остальное – ревизия, дополнения, либо... инволюция.

Инволюция – альтернативный революции и прямой эволюции процесс. Инволюция как категория содержит в себе амбивалентно солидаризацию – стремление к объединению, и палингенез – возвращение к нормальному состоянию из кризисного, больного. Она пыталась в лице правых 20-х гг. создать «новый тип» государства, общества и человека на основе «непреходящих ценностей». Подобное понятие приходится вводить, чтобы окончательно развести «третий путь» с аналогиями и противоречиями других идеологий. Слишком много сходств, как уже отмечалось ранее, приписывают фашизму и коммунизму либералы: тоталитаризм, культ вождя, подавление личности (конформизм); в то же время левые находят аналогии между либерализмом, консерватизмом и фашизмом – элитаризм, частные интересы корпораций, империализм; тем же занимаются и правые, сравнивая компоненты либерализма и коммунизма. Действительно назрела необходимость показать, в чем состоит «альтернативность» в сравнении с эволюцией, революцией и реакцией.

Инволюция вобрала в себя черты каждого из этих динамических процессов. До сих пор революция следовала формуле «шаг вперед – два назад». Главным в ней был слом предыдущей власти, мешающей коренным социальным преобразованиям, которые должны были «назреть» в русле исторического развития. Реакция представлялась постоянным движением назад. Инволюция же развивалась по другой формуле – «шаг назад, два вперед». То есть революции после силового бескомпромиссного прорыва приходилось выдерживать все издержки традиционного менталитета, что заканчивалось часто гражданской войной. Общественный кризис углублялся. Необходимо было восстанавливать порядок. Отсюда революционная тяга к диктатуре, империи, что оборачивалось для общества деспотией или реставрацией: директория, бонапартизм, «военный коммунизм». Новая власть, победив «контрреволюцию», была вынуждена последовательно жесткими реакционными методами восстанавливать стабильность, поглощая на эту цель значительную мощь революционного общественного энтузиазма. Инволюция же напротив призывала к начальному возврату к прошлым позициям на фоне обанкротившегося прогрессизма или реакции. К палингенезу – создать в обществе уверенность, вспоминая прошлые успехи. Опереться на лучшее, что создало общество в прошлом, а не разрушить «до основанья, а затем». Национал-социализм призывал отвергнуть Версаль, вернуться к культурным ценностям очень глубоко исторического и традиционного порядка. Сконцентрировать мощь традиции. И далее на этой основе совершить рывок – два шага вперед – учитывая насущные проблемы общества, освятить механистический прогресс связью с прошлым – преemptивность, вместо отрицания. Это и казалось революцией – формула инволюции, поистине была сама по себе новой, революционной. Она фактически исключила жестокое братоубийственное кровопролитие классического понятия революции. Поход на Рим и выборы в Рейхстаг тому реальное подтверждение. Таким образом, национал-социализм и фашизм стали инволюциями, антикризисным обходным путем, компромиссом революции и консервативной реакции

на фоне битвы пролетариата и буржуазии – альтернативой развития, модернизации, консолидации, усиления и мобилизации общества, необязательно сразу, но последовательно прогрессивного. От революции в них было желание изменить мир, но в русле своей самобытности, что, конечно же, ближе к элитаризму и реакции. Вот, казалось бы, «золотая середина». Именно довоенные успехи этих идеологий и режимов на их основе так привлекательны для многих и по сей день. И они плод формулы инволюции.

Однако, до конца посередине, между двух огней пройти не удалось и весь революционный и прогрессивный потенциал был сведен к реакционному империализму и милитаризму. То есть фашизм и национал-социализм трансформировались в *прогрессивную реакцию*⁶ империализма. Не в малой степени это произошло и из-за того, что фашизм и национал-социализм ошибочно считались революциями, но не были ими в подлинном смысле этого феномена. Они подверглись в дальнейшем именно логике революции, став еще более мощной формой контрреволюции. Диалектика этой трансформации приблизительно такова: после «шага назад» и мощного рывка «два шага вперед» – инволюции, случилась катастрофа – «два шага назад». Фашизм и национал-социализм не смогли отказаться от искушения империей – в этом их незаконченность. Вместо того, чтобы прагматично строить «*настоящее государство*»⁷ правых, они пошли на поводу у буржуазного авантюризма радикальных реакционеров.

Инволюция длилась, увы, недолго. Но у этого явления есть перспектива реализации в настоящее время, как четко осознанного и последовательно проводимого курса. Формула инволюции может стать очень многообещающей для современной прогрессивной правой идеологии.

¹ Moeller van den Bruck A. Das Dritte Reich. Hamburg, 1931 (3. Aufl.). S. 300-322.

² Умберто Эко, Вечный фашизм/«Пять эссе на темы этики», Санкт-Петербург: Симпозиум, 2000, с. 49-80 [ISBN 5-89091-125-2]

³ Люкс Л. Фашизм в прошлом и настоящем, на Западе и на Востоке. Международные дебаты о понятиях и объектах сравнительного изучения правого экстремизма. Под ред. Роджера Гриффина, Вернела ЛО и Андреаса Умланда//Вопросы философии – 2007. – №2. – С.189.

⁴ Dictionnaire HACHETTE encyclopedique. – Paris: Hachette Livre, 1993. – P.821. См. также: Словарь иностранных слов. – М., 1949. – С.248.

⁵ Роджер Гриффин. Отрицание марксистами и либералами революционных регалий фашизма.// «Revolutions and the Revolutionary Tradition in the West 1956-1991» (Routledge, London, 2000) под редакцией Дэвида Паркера// Константин Л. Метлов <metlov@fzu.cz>, Прага 31/12/2004.

⁶ См. Очерк «Консерватизм и Реакция» в моем же сборнике «Конец истории – конец борьбы?»

⁷ Evola J. Il fascismo visto dalla Destra (con note sul III Reich). Settimo Sigillo: Roma, 1989, ч.1, гл. 13. (Перевод с итальянского Виктории Ванюшкиной) – www.nationalism.org

4. Национальная сущность социализма

Ничто не способно разрушить то, что возведено на фундаменте истины.

Савитри Дэви

Зрелый и динамичный социализм 19 века – то есть уже идеология – изначально базировался на тезисе классовой борьбы. Наиболее основательным и достаточным условием его построения было свержение правящей верхушки, самой влиятельной реакционной силы общества. То есть для его построения и осуществления социалистических принципов необходима государственная власть и ее социалистическая политика. Таков был постулат социализма со времен Великой французской революции. Социализм метафизически, таким образом, представляется, как идея развития из самого общества, из общественной структуры, без учета ее культурно-исторического своеобразия. В нем общество рассматривается как универсальная открытая система. Но возможно ли полностью оторваться от специфики конкретного общества, в котором происходят социальные процессы, их становление, эволюция? Можно ли не считаться со своеобразием, самобытностью – исторической, культурной, геополитической того или иного общественного образования? Что до сих пор представляло собой само общество, в котором происходило социалистическое строительство? По здравому размышлению придется признать, что то или иное общество – общность развивались не только в экономическом или социальном плане – как взаимоотношение классов, но одновременно и как культура, как опосредованное ландшафтом и этничностью объединение людей, как, в конце концов, политическая государственная система. Помимо классовой структуры на протяжении истории формировалась система взаимоотношений государства, его подданных, его соседей, сдобренная всевозможными особенностями этнического, культурного, ландшафтного характера. В рамках истории происходит не только социально-экономическое развитие общества, но в то же время и этногенез – трансформации этноса от примитивных форм до нации. Нет ли пересечений и переплетений, закономерностей в социалистическом развитии общества и в становлении его национального самосознания?

Чтобы установить генетическую связь идей социализма с идеей нации, следует обратиться к культурно-историческому процессу становления социалистических идей. Взглянем на появление и становление социалистических идей с точки зрения тенденций всеобщей истории Европы. А они показывают, что идеи социализма возникли в эпоху становления европейских наций, их наци-

онального самосознания, в то же время, когда Европа постепенно начала отказываться от средневекового религиозного универсализма. Перевод Писания на национальные языки и отделение от единой церкви вызвал первое мощнейшее массовое национально-освободительное движение в Западной Европе – Реформацию: в Германии, Швейцарии, Чехии. Одновременно с этим взрывом национального самосознания и самоопределения в эту эпоху европейского Ренессанса возник и проект социального преобразования общества. Он развивался двояко. С одной стороны – это естественное право и «общественный договор» Гоббса, Локка и Спинозы на основе эмпиризма, что послужило, в конце концов, основой становления буржуазного общества. Эмпиризм никак не противоречил идее нации, в некоторых тезисах он ее утверждал, как приоритет. С другой стороны – дерзкая мысль о построении Царствия Божьего на Земле, начиная с «Утопии» Томаса Мора. И далее в русле философии рационализма идеалы социальной идеи расходятся с нацией в силу именно искусственных рациональных построений социума, намеренной оторванности от исторической реальности. В духе своеобразной протофутурологии. Все построения – и эмпирические и рациональные брали за основу дух Платона и Аристотеля. Через утопические построения прошло все Просвещение: Дидро, Руссо, Лейбниц попытались себя в утопиях. Свифт и Вольтер довели своими опусами идеи рационалистов, эмпириков и просветителей до глумления и гротеска, схожих с нынешним «постмодернити». Последнее гипертрофированное детище средневековья – светский абсолютизм, который избавил в какой-то мере нацию от чрезмерного давления религиозного универсализма пришел к коллапсу социально-экономических противоречий. Буржуазный строй должен был установиться окончательно. Великая французская революция совершила свой переворот. В ней все идеи Нового времени – рационализм, нация, либерализм, социализм – объединились ради достижения общей задачи европейской цивилизации, ее прогресса. Сословное общество было разрушено. Новое буржуазное классовое общество полностью приняло идеи рационализма, отчасти либерализма. Что касается нации и социалистических идей, то буржуазия оказалась к ним не слишком благосклонной. Идеи нации она научилась эксплуатировать ради своих корыстных интересов, для становления буржуазной формации, а вот социалистические идеи оказались лишними. Конечной целью буржуазной формации стал новый универсализм – экономический. Империализм. Он показал ясно и наглядно, что для новых властителей мира – и нации, и социум всего лишь «пушечное мясо». Однако социализм вещь диалектическая, то есть способная к развитию и борьбе, к синтезу. Он искал своей новой опоры в теории, в действительности, своего способа экспансии. Социализм примерял на себя самые разные институты и идеи – государство, демократию, религию, экономику, гегемонию и т.д. Не минула чаша сия и нацию. Идеи нации и социализма, родившись в одно время, начали неизбежно сближаться¹.

И вот снова возвращаемся в 19 век, когда после Великой французской революции социализм начал обретать теоретические «научные» идейные формы и практическую реализацию в виде рабочего движения.

Отметим сразу тот факт, что мысль о построении социализма в отдельно взятой стране прозвучала уже в «ортодоксальном марксизме» (ревизионизм, реформизм)², который описывал в данной версии построение социализма эволюционным путем в наиболее развитых капиталистических странах, в соответствии со схожими историческими закономерностями возникновения предыдущих экономических формаций. Реалии жизни подводили этот тезис естественно под национальное государство. Государственная власть базируется на основе национального суверенитета. И поэтому социализм с непреодолимостью исторической закономерности всегда становился в первую очередь национальным. Такое свойство он обнаруживал в своем становлении и развитии до сих пор, как бы не искажался революционным теоретическим и пропагандистским пафосом.

Даже материалистический исторический детерминизм напрямую позволяет сделать вывод о том, что социалистические идеи прогрессируют лишь в эпоху становления нации – как высшей формы развития народа, до этого все мечты о «светлом будущем» признаются иллюзорными и идейно незрелыми³. Нелишним будет вспомнить, что распространение социалистических идей в России зародилось в движении «народничества», когда о политической дееспособности и сознательности рабочего класса в Российской империи не могло быть и речи.

Но подобные собственные же естественные выводы никак не удовлетворяли революционным амбициям вождей пролетариата. Они считали, что их знание исторических законов развития позволяет им отважиться на дерзость, на переделку мира, на перескок через этапы: «скачок человечества из царства необходимости, в царство свободы»⁴, то есть на мировую революцию. Рационально-материалистическому духу 19 века было свойственно это дерзновение человека, как ниспровергателя богов, как хозяина и покорителя природы и ее законов, зловещего Экспериментатора-Франкенштейна, как, собственно говоря, творца. И с социальным организмом и институтами передовые умы решили поступить как подлинные новаторы. Смоделировать общество на основе научной теории. Сконструировать механизмы и методы прорыва, передела, революции. «Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым»⁵ Титаны марксизма – эти социальные Франкенштейны – в теории пошли дальше. Они записали и сам социализм в низшую стадию построения своей главной грезы – коммунизма. То есть в явление вторичное, временное, подчиненное, обесцененное⁶. Для их «продвинутой» коммунистической идеи основными концепциями стали диктатура пролетариата, интернационализм, перманентная мировая социалистическая революции. С появлением коммунистического Интернационала, с его безграничной верой в

солидарность рабочего класса – «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и мировую революцию происходит перекося в развитии социалистической идеи. Идея мировой революции отвергла постепенный «эволюционизм», самонадеянно полагаясь на универсализм классовой борьбы и солидарность пролетариата, против универсализма империалистического. И, конечно же, принципиально противоречила логике предыдущих буржуазных революций, которые происходили «в отдельно взятой стране». Мировая социалистическая революция провалилась из-за ее же антагонизма со своими организаторами, потому что социализм абсолютно не сочетался с моделью империалистической гегемонии, по лекалам которой задумывалась эта революция, со всеми ее буржуазными предрассудками, биржевым и финансовым капиталом, стоящим за ней⁷. Она диссонировала социализму и капитализму одновременно, но интернационализм пытался поднять знамя социализма, ради чуждой тому гегемонии. И мировая революция, как калька с империалистической гегемонии, и сам империалистический капитал в основании своем были антисоциалистическими – мондиалистскими. Уже поэтому идея социализма не могла выйти за рамки национального государства. Интернационализм и космополитизм оказались лишь корыстными попутчиками – средством разрушения консервативных устоев старого порядка и стереотипов народных масс: в ту пору империалистический буржуазный национализм (шовинизм) был серьезным сдерживающим фактором для построения социализма⁸. Но в дальнейшем и сам социализм нуждался в первую очередь в суверенитете, хотя бы имперском, близком к национальному, ради защиты своей государственной целостности и строительства, от чужого буржуазного национализма и империализма извне и буржуазных пережитков изнутри. История показала, что и социалистические революции также произошли «в отдельно взятой стране». Мировой солидарности не получилось. Интернационализм стал лишь методом распространения социалистической идеи, но не способом построения социализма. Строительство социализма, его бремя, легло целиком и полностью на национальный организм во всех вариантах построения социализма⁹. И здесь интернациональная идея стала рабством, тюрьмой народов, разрушением высоких национальных культур. Именно по этой причине социализм подспудно борется в дальнейшем с интернациональными факторами внешней угрозы: советская империя упраздняет Коминтерн (несмотря даже на его активную антифашистскую деятельность)¹⁰, выдавливает основную массу яростных революционеров и интернационалистов из своего организма – особенно разного рода мелкобуржуазную мразь. А китайский социализм сразу же становится на национальную основу – ему пришлось обеспечивать государственный суверенитет, также как до этого Советской России воевать с интервенцией враждебных буржуазных национализмов, объединившихся в своеобразный имперский интернационал для уничтожения на российских территориях какой бы то ни было государственности.

Марксистский интернационализм – это социальная форма универсализма, порожденная по образу и подобию рационального материалистического метода

философии и науки. Из диалектики природы по Энгельсу: интернационализм есть стремление к единству, но единству совокупному, логически-рациональному. Он искусственно конструируется, не учитывая органичности социума, естественности его роста и развития, «лепит» единство из не сочетаемых элементов, не считаясь с целостностью, как необходимым принципом любого единства¹¹.

Что касается создания на Западе частичного социализма – института социального государства и «государства благосостояния», то необходимость социализации этих стран также состояла в противодействии интернациональному капиталу и одновременно Интернационалу мировой революции. Здесь социализм был еще средством, а не целью. Он был необходим для борьбы именно за национальную целостность против безумия международного биржевого капитала, мировой революции и их смертельного противостояния – с двумя попытками мировой гегемонии: «железной пяты» и «диктатуры пролетариата». Против их универсализма, как внешнего, так и внутреннего стояла нация. И так как основой этого противостояния была универсалистская «классовая борьба» непримиримая с обеих сторон, которые в свою очередь порождали и поддерживали друг друга в соответствии с догмами материалистической диалектики, то само собой напрашивалось единственное разрешение этой бури – национальное. Необходимость социалистического общества стала исторической закономерностью, но в тотальном ключе борьбы «интернационала пролетариата» и мировой империалистической реакции капитала ее разрешить не удалось: «Ангсоц» Оруэлла, также как и «Железная пята» Лондона – модели гегемонии диктатуры пролетариата и олигархии остались неосуществленными.

В западных странах, как и положено в буржуазном обществе с его частным принципом жизни, социализм стали строить как частичный, национальный и социальный институт через либеральную демократию, создание среднего класса, систему социальных гарантий и страхования, создание социальных фондов. При этом буржуазия сегодня утверждает, что социализм как уклад жизни невозможен, хотя для них это естественно – ведь такой задачи буржуазное общество и его частный принцип себе не ставили и неспособны осуществить по определению. Однако именно благодаря идее социализма сформировался развитый капитализм. Это – факт, и он очень неприятен для буржуазии. Но фактом остается и то, что социализм не был построен до конца, речь уже не идет об эфемерности коммунизма, который своей принципиальной практической непоследовательностью всему этому поспособствовал. В связи с этим у либеральных идеологов появились основания называть систему наиболее социально-развитых государств «социал-капитализмом»¹²: переходная половинчатая форма. Но без «социал» уже не обойтись. Причем данную «почти» социалистическую модель удалось реализовать в рамках только национальных государств. Сегодня эта система рухнет вновь из-за усиления универсалистских тенденций буржуазной реакции, последнего проекта империа-

лизма – экономической глобализации. Система западного социализма – социал-демократия – разваливается из-за неспособности в должной мере обеспечить своими стандартами насильственно космополитизирующееся новыми «архитекторами» разума общество и государство. Западная социал-демократия и христианская демократия перешли к реформизму на базе национальных государств, хотя по-прежнему отрицают национальную природу социальных достижений во имя универсализма либеральных идей, что сегодня приводит к всплеску правого ультранационального радикализма – нации не хотят делиться своими достижениями с другими, с «мировым пролетариатом». К примеру, социал-демократическая партия Швеции требует, как и ранее «развития всех и каждого» на волне экономической глобализации, но на деле Швеция в силах обеспечить этим развитием только шведов, граждан Швеции, а не остальные 6 млрд. населения планеты. То есть «шведская модель» – национальная: лозунг ее построения был двойным «Швеция – для всех шведов». В известный всем шовинистический тезис добавили идею социальной справедливости и равенства. Она не может удовлетворить через свои гуманные социальные принципы нахлынувшие орды мигрантов. Глобализирующиеся правящие элиты государства в рамках своего гегемонического интернационального проекта вообще не заинтересованы в стабильности, которую ранее обеспечивали национальные институты. Международные правительственные организации намерено требуют у государств соблюдать их системам социального обеспечения универсалистские принципы, чтобы надорвать, перегрузить их непомерным давлением социальной ответственности, а затем лживо показать, что социализм невозможен и вновь, повернуть вспять исторический прогресс ради империалистической прослойки господ. Таким образом, западная модель социализма рухнет вне пределов общности, которая ее создавала, и которую этот социализм поддерживал, иными словами теряется равновесие, ставшее возможным лишь в рамках нации, но не способное быть «всемирным», «всеобщим», «общечеловеческим». Что лишний раз убеждает в том, что социализм способен развиваться только в отдельно взятой стране, для отдельно взятой нации и лишь со временем распространяться, как образец, а не экспансия на другие сообщества. По-преимуществу так было со всеми предыдущими историческими формациями.

В связи с этим приведем еще интересный факт, относящийся к становлению «государства благосостояния» – частичного западного социализма. Столь ярко провозглашающей себя как социал-демократия «шведской модели» для достижения подлинной солидарности в рабочем движении и профсоюзах в 20-х гг. прошлого столетия пришлось ввести объединительную концепцию «государства как народного дома», заимствованную у националиста Рудольфа Челлена, который ввел в мировой обиход понятие «геополитика». Челлен видел в «народном доме» автаркию, а социал-демократы, взяв само понятие, сделали упор на социальную справедливость и гармоничное развитие¹³. Именно эта идея стала основой одной из самых успешных форм общественно-экономического устройства XX в. Использование понятия «народный» красноречиво

говорит о необходимости учета идеи нации и ее традиций и менталитета в социальном строительстве. Однако выверты нынешнего извращенного сознания представляют «национальное», как культурно-историческое дополнение (комплиментарность) к социальной системе. Хотя очевидно, что культура и история самый что ни на есть детерминизм любой социальной системы. Она вырастает из исторического культурно-расового своеобразия, обретает свою форму, свое содержание и направление развития. Поэтому-то *современная геополитика является на деле ничем иным, как конечной формой национализма*, определяющей поведение всех участников международного сообщества. И никто не отказывается от участия в этой игре.

Но посмотрим, что творилось с социалистической идеей там, где она пробивалась революционным путем.

В государствах, где социализм как идея победил полностью в силу крушения национального империализма и монархий, не удалось создать демократии, по причине острой необходимости отстаивать новые завоевания и становление нового уклада в упорной беспощадной борьбе с империализмом и его гегемонией. На империю, тотальный социализм смог ответить лишь империей. В разных случаях мировая революция довольно быстро сходила на нет, так как остро стояла задача суверенитета нового строя (Советский союз).

Или же мировая революция была отвергнута вовсе, в связи с необходимостью национального возрождения, которое было невозможным без решения социальных проблем в небуржуазном ключе. Однако и в противовес мировой революции, и в противовес внешнему империалистическому давлению, как национальному, так и интернациональному (что естественно мешало национальному возрождению) пришлось опираться на национальную буржуазию как на врагов Версаля и мировой революции, которые взаимно выступали против национального возрождения. Но национальная буржуазия также не была врагом своему капиталистическому укладу и по-прежнему лелеяла национальную имперскую гегемонию. Случилось это так, потому что буржуазию чрезмерная социалистическая перспектива пугала больше, нежели привычная национальная империалистическая. В конце концов, имперский – буржуазный национализм перевесил социализм, который больше эксплуатировался для усиления нации, но для буржуазных целей. Таков был «третий путь», вариант построения социализма в Германии. Его неудача лишней раз показала, что на компромиссах с буржуазией никакого социализма не построишь. Светлые идеи были втоптаны в грязь старого мира¹⁴.

В СССР социализм также стал подчиненным имперской идее гегемонии мировой революции, что и привело его к крушению – социализм строился ради гегемонии социализма, от своих реальных целей: работы на социальную защиту, обеспечения общества он отошел. Но в обоих случаях, в общем и целом он строился в рамках одного государства, в значительной степени опираясь

на национальную сущность, на становой хребет основной нации¹⁵. А разрушен был повсюду извне – идеями гегемоний, как идеей единой империи под эгидой одной нации, так и гегемонией интернационального капитала, впрочем, как и гегемонией интернационала рабов этого капитала, которые в борьбе своих элит пытались разрушить устои друг друга.

За социально-политический прорыв и интенсивное антагонистическое противостояние социалистической и буржуазной систем культурно-историческими сообществами была заплачена огромная кровавая цена. В итоге интернационалы капиталистов и коммунистов (блоки) разрушали нацию и социализм ради всеобщего пролетарского стада, другие просто свергали правящий класс, чтобы перехватить пролетаризацию у своих противников, обещая массам «все» и социализм, ради их энтузиазма.

Таким образом, можно сделать вывод, что социализм – не гегемония и неосуществим вне нации. Он является таким же антиуниверсальным феноменом как и нация¹⁶. Социализм – уклад на основе внутренне единой общины, каковой в максимуме может быть только нация. Социализм базируется на нации и потом распространяется на периферию социума и на государственный организм в целом. В рамках универсальных проектов – гегемоний и империй, социализм оказался нежизнеспособен и существовал исключительно за счет эксплуатации национального базиса – культурного и исторического. Исходя из этого, можно смело утверждать, что социализм может быть только национальным.

Однако новое злокачественное перерождение империализма, усвоившее принципы экспансии интернационала – глобализм и нетократия: транснациональные корпорации, международные правительственные организации, международные финансовые организации – *не хотят* никакого социализма. Коммунисты-интернационалисты *не могут*, не в состоянии его полностью построить, особенно в мировом масштабе. Получается, социализм невозможен, а нация и теми и другими вообще сегодня отрицается. Интернационализм в политике показал, что он есть разрушительное начало. Его еще в какой-то мере можно признать для культурного диалога в творчестве, в науке, в международной интеграции, но не в политике¹⁷. Интернационализм в политике, как показывает история, это союз, направленный на разрушение чего-либо цельного, национального, государственного. Иными словами он представляет собой на практике метод разрушения: он объединяет лишь для разрушения, для победы над чем-либо суверенным и сильным, единым (цельным), ради власти и доминирования. И в первую очередь он против национального суверенитета. Подлинный же национализм в своей основе от альфы до омеги подчинен нации, ее единству и суверенитету. Он, как народничество, направлен на внутреннее созидание, как патриотизм – на сдерживание внешней экспансии, и лишь как буржуазное, т.е. реакционное явление на внешнюю экспансию. Интернационализм разрушает целостность ради частных целей элит или диаспор. Универсализм разрушает различия, характерные признаки своеобразия

разных сообществ, также ради господства агрессивных элит, диктатур, олигархий¹⁸. Это универсализм «золотого тельца» – потребление и деньги, то, чем он измеряет мир, то, что объединяет нынешних господ. Таким образом, и пролетарский и буржуазный интернационал и потребительский универсализм являются политикой разрушения нации, ее суверенитета, ради власти над народом¹⁹.

Но вместе *нация и социализм* – изгои интернационалов имеют много общего. Нация – это община, социализм был изначальным общинным укладом, как примитивный социализм – родовой строй. Сейчас ему предстоит стать вновь таковым на более высоком (национальном) уровне через тысячелетия жесткой социально-экономической стратификации, которая пришла к своему кризису развития, и вынуждена возвращаться к глубоким традициям – либо к реакционным, либо к народным и общинным. Социализм станет сначала социальным и государственным институтом, затем государственным строем, и, наконец, он станет социальным укладом, способом жизни всего общества и нации. Будет ли он исторической формацией жизни всего человечества загадывать преждевременно. Но, в первую очередь, социализм станет *национальным идеалом* – не либеральным или интернациональным, а высшей ценностью народного духа.

Идейная борьба политической дихотомии «правое» vs. «левое» за последние 100-150 лет исчерпала себя. Для нынешнего политического поколения итогом стал постмодернизм, который не сделал практически никаких позитивных выводов из право-левой борьбы. Но если очистить от шлаков, коррозии истории и философии это поле битвы, то мы получим следующий довольно бескомпромиссный результат: *есть безусловно верные левые идеи, и есть безусловно верные правые идеи, которые необходимо воплотить в обществе органично в единое целое*. Поэтому естественным образом и возникает учение, идея, которая называется национальный социализм.

Идея национального социализма не есть изобретение. Она объективно детерминирована условиями исторического развития социалистической идеи. Ее появление закономерно и логично, так как национальные отношения социально значимы и приоритетны для любой политической системы до сего дня. Подобно тому, как социал-демократия отделилась от идей марксизма, отказом от насильственного метода построения социализма: диктатуры пролетариата и мировой революции, также и национальный социализм должен был появиться внутри бурного моря социалистических идей, как вариант, как антиномия и Альтер-эго интернационализму – универсальной части социалистической идеи.

Сущностью нового социализма может стать народническое государство. Недавно азиатские коммунисты дали своим государствам определение «народная

республика», хотя там пока что «диктатура пролетариата». Социализм не может быть диктатурой или демократией, как не может быть и чем-то средним. Его задачей является: дать форму правления и структуру государства, которой не было еще до сих пор в истории, которую предстоит изобрести, а скорее выстрадать, органично вырастить. Есть и опыт «вождизма», «культы личности», и «диктатуры пролетариата», «однопартийной системы», которым не хватает демократии. Есть и опыт «демократизации общества», «социального государства», которым не хватает в свою очередь авторитета, народной собранности, единоволия и порядка. Истории и новым поколениям предстоит разрубить «гордиев узел» этих социальных противоречий.

Национальный социализм – очевидно более естественная и закономерная эволюционная модель построения социализма и развития культурных наций.

Комментарии

¹ Так, например, национальная сущность социализма проявляется в принятой в 1875 г. программе Социалистической рабочей партии Германии, известной, как «Готская программа»: *«Рабочий класс действует для своего освобождения прежде всего **в рамках современного национального государства**, сознавая, что необходимым результатом его стремлений, которые общи рабочим всех культурных стран, будет международное братство народов»*. Конечно, интернационал никуда не делся, но Маркс в своей критике этой программы фактически обвиняет ее создателей в отказе от интернационализма. Хотя делает это тоже с весьма красноречивыми оговорками (см. ниже). А вот, что пишет его друг Энгельс: *«Так называемое «социалистическое общество» не является, по моему мнению, какой-то раз навсегда данной вещью, а как и всякий другой общественный строй его следует рассматривать как подверженное постоянным изменениям и преобразованиям. Решающее его отличие от нынешнего строя состоит, конечно, в организации производства на основе общей собственности сначала отдельной нации на все средства производства»*. Sapientis sat, как говорится.

² Подробнее об эволюционной концепции и вообще о развитии социалистической идеи см. Вебер М. Социализм// Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – Том II. – Выпуск 3. (Речь для общей информации австрийских офицеров в Вене(1918 г.)). Идею о том, что социализм возможен в результате эволюции вначале в самых развитых странах, подхватили правые социал-демократы (Второй Интернационал), несогласные с методом насилия – революцией. Они считали достаточным такие методы борьбы, как стачка, забастовка, партийная и парламентская борьба, просвещение. Они прямо пошли на оппортунизм с буржуазией – вместо классовой борьбы, сотрудничество классов. Притчей во языцех стало предложение известного шведского социал-демократа П.А. Ханссона «не забивать «корову капитализма», а доить ее на благо всего народа». Зато куда менее известна оборотная сторона самого значимого триумфа социал-демократии – «шведской модели». 60 тысяч граждан этой страны, не являющихся этнически чистыми шведами, были принудительно стерилизованы в период с середины 30-х до середины 50-х годов. В городе Упсала был создан институт по расовой биологии. Именно здесь с 1922 по 1946 гг. велись активные исследования в области евгеники – науки об улучшении расы. Шведский

исследователь Мацей Заремба напрямую сравнивает идеологию правящей тогда и сейчас социал-демократической партии Швеции с идеологией национал-социалистов Германии. Шведским социал-демократам принадлежит идея создания социальной модели всеобщего равенства (получившей название «Народного дома»), где основополагающую роль играла солидарность работодателей и рабочих. Однако в проекте «Народного дома» был заложен один существенный нюанс: солидарность предполагалась хотя и между людьми разных классов, но одного расового, читай нордического, происхождения. Стерилизации подверглись в основном шведы с примесью цыганской, еврейской и славянской крови. Демографы А. и Г. Мюрдали, осуществлявшие прогрессивную семейную политику в Швеции в те же годы, также придерживались точки зрения о сохранении расовой и этнической гомогенности в интересах национальной защиты. (см. напр. Панкратова С. Самый стерильный социализм// <http://www.bmw2.ru/inter-skandal.html>).

Очень кстати будет упомянуть настойчивые утверждения Леона Дегреля в «Эпопея: история Ваффен СС» о достижении фюрером классового сотрудничества в Третьем рейхе. Дегрель в своем пафосном героическом жизнеописании той исторической эпохи выписывает социальное развитие Германии 30-х прямо-таки в социал-демократическом ключе вплоть до идеи Евросоюза.

³ «Само собой разумеется, что рабочий класс, для того, чтобы вообще быть в состоянии бороться, должен у себя дома организовать **как класс** и что непосредственной ареной его борьбы является его же страна. Постольку его классовая борьба не по своему содержанию, а, как говорится в «Коммунистическом Манифесте», «по форме» национальна» (Маркс К. Критика готской программы//Избранные произведения. Том II. – М., 1948. – С.17).

⁴ Энгельс Ф. Анти-Дюринг. – М.: Издательство политической литературы, 1977. – С.288.

⁵ Маркс К. Капитал. Т.1. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. – С.754.

⁶ Практически во всех словарях советской поры социализм считается в соответствии с догмами марксизма какой-то очень временной, переходной, транзитной стадией на пути к коммунизму. Причем он всего лишь часть внутри коммунистического строительства, весьма несовершенная. Для примера: «Социализм и коммунизм – две стадии коммунистической общественно-экономической формации: социализм – ее первая, или низшая, фаза, коммунизм – высшая фаза. В основе их различия лежит степень экономической зрелости» (Философский словарь. – М.: Издательство политической литературы, 1963. – С.420.).

Хотя именно наше поколение стало очевидцем, что даже эта «переходная» стадия оказалась недостижимой для коммунистов. А все потому, что нельзя идти против логики собственного историзма и законов истории вообще – революционный рывок возможен, причем с неоднократными реставрациями старых, традиционных, консервативных, а порой и реакционных устоев (о чем сами же вожди марксизма-ленинизма не раз писали), что мы сегодня и наблюдаем на примере нового империализма – глобализма. Но перескок через стадии, либо очень быстрое их прохождение – это утопия. За презрение к истории, к становлению поплатились все формы социализма. Практически все архитекторы социализма сделали заключение, что им не хватило времени его построить. Скорее им не хватило терпения – внешнее давление врага –

буржуазии – было очень сильным, и они бросились в самые непредсказуемые исторические авантюры.

⁷ «Подтверждением служит знаменитое решение времен войны **[Первой мировой – Б.З.]** — создание Второго интернационала. Он собрался за день до начала войны в Европе. Там была принята резолюция о том, что никто не будет голосовать в поддержку войны, потому что это буржуазная война и рабочие в ней не заинтересованы. Двумя днями позже они все проголосовали за военные действия — в Англии, Германии, Австрии, Италии, везде. Они все поставили национальный интерес перед классовым чувством. То же самое произошло и в России после революции: лозунг о построении социализма в отдельно взятой стране и восстановлении империи вытеснили цели и лозунги мировой пролетарской революции». (см. Валлерстайн И. Система переживает коллапс//© РУССКИЙ АРХИПЕЛАГ – TraditionalLib.narod.ru)

⁸ Вожди мирового пролетариата очень даже понимали угрозу национальной сущности социализма для их интернациональной борьбы. Разбирая политическую ситуацию после роспуска Думы в газете «Наше слово» №10 от 13 января 1916 (!), Л.Д. Троцкий с присущим ему ехидством замечает однако, что «в сущности между черносотенством, с одной стороны, национальным либерализмом и национальным социализмом, с другой, нет никакой пропасти» (Троцкий Л.Д. События идут своим чередом. Европа в войне (1914 – 1918 гг.). С еще большим беспокойством и негодованием к «социал-национализму» отнесся В.И. Ленин в своей небольшой статье «К вопросу о национальностях и об «автономизации» (Ленин В.И. Избранные произведения. Том 3. – М, 1969. – С.700-705). Причем он оправдывал его для национальных меньшинств, перекидывая вину за него в форме подспудного «великорусского шовинизма» прямо на русский народ (а заодно на Сталина и Дзержинского, как на «обрусевших инородцев»). В данном документе интернационализм предстает во всем своем цинизме. Главный принцип коммунистического интернационализма – это унижение и самоунижение «великой» нации перед инородцами во имя упрочнения пролетарской классовой солидарности: «Необходимо отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой. По отношению ко второму национализму почти всегда в исторической практике мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми в бесконечном количестве насилия... Поэтому интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактической... Для этого нужно возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцу то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством великодержавной нации... потому что ничто так не задерживает развития и упрочненности пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость, и ни к чему так не чутки «обиженные» националы, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства, хотя бы даже по небрежности, хотя бы даже в виде шутки, к нарушению этого равенства своими товарищами пролетариями. Вот почему в данном случае лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить». Вот такая большевистская логика: всеобщее равенство за счет неравенства – унижения национального большинства. На деле политика интернационализма – это вывернутый наизнанку империализм.

⁹ Даже Сталин признал основополагающую роль титульной нации в жизни Советского государства. На приеме в Кремле в мае 1945 года Сталин провозгласил свой знаменитый тост во славу русского народа: *«Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа и, прежде всего, русского народа. Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза. Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение».*

Левый социалист Отто Рюле в 1939 году прямо обвиняет большевизм за его скрытую национальную сущность: *«Большевизм является националистической доктриной. Призванный изначально и по существу решать национальную проблему, он был позднее превращен в теорию и практику на международном уровне».* Хотя большевизм эксплуатировал нацию, а не возвышал ее, особенно в Советском союзе, через интернационалистическую уравниловку. (Подробнее об этом различии см. концепцию об «анагогическом» и «катагогическом» тоталитаризме у Ю. Эвола «Фашизм: критика справа»).

¹⁰ Сам Коминтерн (III Интернационал) создавался как замена, потерпевшего крах Второго Интернационала, и был, таким образом, свидетельством очень серьезных противоречий внутри Мировой революции. *«В партиях Германии, Англии, Италии и других появилась болезнь «левизны», сектантства»* – т.е. политическое дробление усугубилось право-левой моделью, где советские коммунисты были правыми, считали свою точку зрения единственно правильной, а левые коммунисты и центристы – были либо сектантами, либо оппортунистами буржуазии. К началу сороковых пламя мировой революции потухло. *«Дальнейшее руководство компартиями из единого центра могло лишь тормозить рост коммунистического движения. Еще VII конгресс Коминтерна в своей резолюции по докладу Исполкома подчеркнул все возрастающую роль и ответственность каждой секции и необходимость сосредоточения оперативного руководства в самих секциях. Конгресс предложил тогда Исполкому избегать непосредственного вмешательства во внутриорганизационные дела компартий. Учитывая новую обстановку, Президиум ИККИ с одобрения подавляющего большинства коммунистических партий в мае 1943 принял решение о роспуске Коммунистического Интернационала»* (см. Политический словарь. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. – С.275-278). Налицо «феодалная раздробленность». Все разбежались по своим национальным норам.

¹¹ Резко против марксистского интернационализма и его попытки мировой революции и одновременно буржуазной «социальной» политики в защиту национальной сущности социализма выступил один из виднейших лидеров немецкого «национально-революционного» движения 20-х, идеолог «консервативной революции» Меллер ван дер Брук: *«Революция прежде всего исказила социализм. Лишь из нее вырастает в пролетариате в качестве "движения снизу" то, что мы называем его участием в жизни нации. И это участие должно быть безусловно осуществлено в Третьем Рейхе, если ему суждено иметь в людях прочность: но не только как материальное участие, как того и поныне требует коммунизм, путающий класс с нацией. Социализм не дает осуществлять себя снизу, как предполагает марксизм. Социализм не дает осуществлять себя и сверху, как допускала бисмарковская и вильгельмовская социальная политика. Социализм даст осуществить себя лишь путем сотрудничества низов и верхов, а не путем социализации прибылей, как полагал Маркс, не делав-*

ший различий между предприятием и гешефтом. Он осуществится лишь как социализм самого предприятия, основанный на взаимодействии хозяйственного руководства и трудовой отдачи и устанавливающий равновесие между доходами и запросами». (см. Moeller van den Bruck A. Das Dritte Reich. Hamburg, 1931 (3. Aufl.). S. 300-322.: Последняя глава этой книги имеется в И-нете на русском языке и практически полностью посвящена данной теме в русле германской исторической ситуации). Далее можно уже перейти к понятию *органичности* – как важнейшему свойству нации и социализма. Как нельзя лучше это понятие раскрывается у Х. Ст. Чемберлена в «Арийском мирозерцании»...

¹² см. напр. Зубко М. *Шведская модель справедливости*//

<http://www.pnp.ru/archive/12090734.html>

¹³ Лукьянов Ф. *Шведская модель и геополитика*://

<http://www.globalaffairs.ru/articles/0/4478.html>

¹⁴ «Например, в программе национал–социалистической партии был и такой: «Уничтожение процентной кабалы». Но роль процентов осталась прежней, если не большей, капиталы по–прежнему размещались и приумножались, превращались в замки и бриллианты, а если что и уничтожалось, то отнюдь не проценты...» (Бенн Г. Двойная жизнь // <http://magazines.russ.ru/inostran/2000/2/gbenn.html>)

¹⁵ «Мне нет необходимости разъяснять своему другу-коммунисту, что для меня народ и нация нечто иное, чем для красная с золотой цепочкой от часов на откормленном брюшке. Русская Советская система, которая отнюдь не доживает, последние дни, тоже не интернациональна, она носит чисто национальный русский характер. Ни один царь не понял душу русского народа, как Ленин. Он пожертвовал Марксом, но зато дал России свободу. Даже большевик-еврей понял железную необходимость русского национального государства», – так писал Й. Геббельс в 1925 г. (цит. по Север А. Предисловие к книге О. Штрассера «Гитлер и Я»). В те годы в Германии была весьма популярна теория о «молодых народах» в «национально-революционной» среде, в «консервативной революции», которая рассматривала немцев и русских, как народы, бросившие вызов старой системе мира, вообще западной цивилизации. Революции в России и Германии расценивались практически, как новое великое переселение народов (см. А. Север, С.Г. Алленов, Ю. Ригер). Вообще же исследователи находят много сходств между двумя противоборствующими политическими течениями 20 в. Одни ангажировано очерняют их посредством структурных сходств, взаимосвязей, общностей (Х. Арндт, В. Райх), другие находят сходства, но также искренне отмечают и частные различия, делая выводы о разнице между этими течениями (Л. Люкс, Р. Гриффин). Но они пользуются в основном терминами и методологией, не учитывающей подходы самих этих течений. В частности, различия между коммунизмом и НС становятся закономерными и абсолютными при введении такой категории НС-мышления, как «полярность». Особенно наглядно обстоит дело именно с социализмом. Для коммунизма, социализм явление скоротечное, несовершенное. Для НС – конечная цель. Далее абсолютно полярными, антагонистическими концепциями в рамках социалистического строительства стали материалистическое у коммунистов и идеалистическое у НС-мировоззрения, интернационализм vs. расиализм и т.д. Марксизм и НС – «полярны», но не «противны». Их общая ось – социализм. Но и тому и другому течению «противна» буржуазная формация, и подлинные силы, ею

управляющие* . И здесь снова возникает «полярность», много споров о природе и необходимости «классовой борьбы». Но это тема уже для специальной дискуссии. Все же спекулятивные тождества коммунизма и НС относительно такого понятия как «тоталитаризм» легко обнаружить в любой из форм империализма, даже в его «демократических» ипостасях.

¹⁶ Исчерпывающее изложение антиуниверсальной природы нации дано в «Мифе XX века».

* Чтобы окончательно поставить все точки над *i* мы рассмотрим причину появления марксизма и нынешней священной борьбы через призму эзотерического учения – *Weltanschauung*. Слуги Демиурга вновь как в конце дохристианской эпохи решили перехватить инициативу *великого алхимического превращения Сумерков старой эпохи в новорожденный здоровый жизненный цикл*. Это действие обычно протекало в русле истинного арийского Архетипа (тогда давно, шла новая волна, новый цикл – Великое переселение народов). Здесь вновь на излете эпохи были посланы миссионеры, чтобы **искажить** правильный Архетип (социализм – благую весть Ренессанса) для спасения своего паразитического наследия. Как некогда «апостол» Павел (фарисей Савл), Ф. Лассаль, К. Маркс, К. Каутский, Бернштейн и т.д. принялись перекраивать и объяснять социализм посредством экономической теории (вокруг экономики крутится практически весь марксизм): экономическим «Ветхим заветом» от А. Смита – фарисейством буржуазного мира, также сформированным в конце эпохи, перед стадией ее заката. В этом алхимическом процессе до того бурлили чистые идеи – большинство «прометеев» социализма были казнены и преследовались апологетами христианства и буржуазии, они героически отдали себя на заклятие нового возрождения «золотого века». Борьба шла снова в духе истинного Архетипа, выработав противоядие от тысячелетней отравы, с помощью гомеопатических процедур (т.е. посредством национального возрождения и Традиции). Однако старый мир, желая сохраниться, в лице самых своих больных элементов, готовил новые снадобья. И опять была влита доза фальшивой примеси в алхимическое превращение (Как настойчиво и яростно великий Ницше предостерегал нас от фальшивомонетчиков идей!). Для слуг Демиурга и для Белых Предателей – чистая субстанция есть погибель, поэтому они такие приверженцы всяческого смешения. Они высасывают из отравленных организмов народов молоко и мед, отравляя их взамен своими токсинами. В общем, цель у слуг Демиурга и Белых Предателей – оставить процесс превращения незавершенным, украсть «золотой век» у арийских народов. Поэтому они так боятся расплаты – «конца света», «конца истории» и «страшного суда» и запугивают этими угрозами всех остальных. Однако белым народам бояться нечего, т.к. в соответствии с истинным Архетипом и вечным возвращением произойти должно следующее. Эпоха рыб закончилась и в жертву должен быть принесен ее переродившийся гипертрофированный и всепожирающий хозяин – Левиафан. Талласократия (господствующая на морях держава), верх ее проявления, так называемая англо-саксонская, а на деле уже выродившаяся в паллиатив, в масонерию система, падет. Этот торжествующий ныне Карфаген – США, извращенный в эпоху Великих открытий и после Архетип мореплавателя, освоителя земли (правильным Архетипом были викинги, особенно дохристианской поры). Земля освоена и хозяином должен стать Водолей, свергающий Левиафана, т.е. Россия...

¹⁷ Тезисы данного абзаца хорошо иллюстрирует статья «Сущность власти» А. Бойлера.

¹⁸ В настоящее время в рамках экономической глобализации реализуется концепция «либерального интернационализма» – многосторонности (мультилатерализма). Подробно см. Моро-Дефарж Ф. Многосторонность и конец истории: «Концепция многосторонности лежит в основе многих западных принципов универсальной направленности. Равенство участников, продвижение письменных норм, мирное урегулирование конфликтов – все это задумано для универсального применения. В то же время многие многосторонние организации оказываются инструментами в руках давно устоявшегося распределения сил. Генеральная Ассамблея ООН, в которой все государства-участники равны между собой, лишь дает рекомендации. Юридическая власть, которая предполагается в главе VII Устава ООН, остается в руках олигархического органа – Совета Безопасности. Международный валютный фонд (МВФ), объявляющий свои принципы универсальными, является выразителем финансовой ортодоксальности: взять хоть небезызвестный «консенсус Вашингтона». ВТО вынуждает все страны-участницы соглашения подчиняться либеральным торговым правилам и ничего не хочет знать о фактическом неравенстве положений, так как все страны – и развитые, и развивающиеся – подразумеваются равными. Равенство – всего лишь фрак, надеваемый, чтобы узаконить превосходство западных стран. К тому же, все эти многосторонние структуры развивают бюрократию, которая видит себя выразителем общих интересов человечества, а на деле навязывает всему миру собственные нормы».

¹⁹ «Сегодня ориентированные на космополитизм государства Запада располагают всеми козырями и возможностями, чтобы в полной мере использовать новый властный ресурс под названием «права человека»: темы глобального гражданского общества предоставляют сообществу западных государств, действующему по всему миру, идеологическое оружие для всемирно-экономических и военных «крестовых походов» (Бек У. Космополитическая глобализация. <http://www.globalaffairs.ru/articles/2328.html>). См. также Бек У. Трансформация политики и государства//Свободная мысль XXI. – 2004. – №7. – чудовищный антинациональный манифест либерального интернационализма.

5. Концепция развития НС в современных условиях

Русским энэсовцам нет смысла постоянно озираться назад вглубь исторических хитросплетений – не надо сегодня рядиться в шкурки «штрассерианцев» (хотя сами Штрассеры были людьми очень умными, деятельными, полностью соответствовали образу национал-социалиста), вообще спорить над изъеденным молью историческим хламом. Очень многие представители нынешнего НС-движения пытаются изображать из себя нестигаемых принципиальных адептов Гитлера, эсэсовцев, воинов чести, в общем, подражать предшественникам. Из педагогики известно, что подражание – начальный этап и метод социализации личности. Далее с ростом сознания, методы мышления и познания усложняются. Нечто аналогичное происходит и с современным НС-движением, тем более что в нем много молодежи. Конечно же, героизм и возвышенность нужно культивировать постоянно, с этого начинать надо обязательно.

Однако нельзя останавливаться в развитии лишь на воспроизведении предыдущего опыта. Подражательный аспект – свойство ведомых, а не ведущих. У ведущих ценится, прежде всего, личность, а не подобие. Сегодня нет смысла действующему политику писать фолианты. Достаточно поставить четко выверенную задачу, обозначить тему, вопрос и раскрыть их. У правого учения давно сложилась уже вполне основательная, фундаментальная философская и практическая база. Причем его корни гораздо глубже, чем это можно судить по «Майн Кампф». Этот труд лишь обозначил исторический перелом, когда идеи стали осуществляться в реальности, через воплощенную в личности волю к власти. Этим он так важен. Революционерам 20 века пришлось сделать рывок, осуществить прометеевский прорыв, иррациональный, не обоснованный условиями исторического развития в классической версии. Из этого теперь модно расписывать их ошибки. На самом деле, они были обречены на поражение и в ближайшей перспективе это прекрасно понимали, предвидели реставрацию и реакцию старого мира. Но они сознательно шли на Великую Дерзость. Важно было создать прецедент – *необходимость* изменения мира. Показать нам весьма далекие горизонты, практически недостижимые для сознания человека 20 века, вообще сознанию всей нынешней уходящей эпохи. Однако эта эпоха для нас уже позади. Мы не первые, мы – новые. Нам же предстоит быть более последовательными и прагматичными. НС-движение до сих пор шло по проложенному пути, но наступает момент, когда этот путь обрывается дебрями нашей современности, через которые уже нынешнее поколение обязано проложить новый путь, и вполне возможно не всегда соответствующий пройденным планам и этапам. Поэтому важно не то, что там думали и делали в НС полвека назад, важно, что думаем сегодня мы, что собираемся делать, какие убеждения отстаивать. У нас своя историческая ситуация.

Сегодня идет полемика так сказать за «истинный» НС. И порой тут «копья ломаются» понапрасну. Потому что истинный НС объяснить без подготовки всем подряд нельзя. «Шоковая терапия» не всем на пользу. Правдой поливать как холодным душем незакаленные личности, а тем более народный организм, опасно, он и так сильно истощен своими историческими и социальными болячками. Первичная задача НС – сохранение нации и ее здоровья. Поэтому необходимо создать дополнительно к «истинному» учению – «последовательный» НС. Его цель – направлять русских людей к истинному НС, помочь освободиться от стереотипов и оков настоящего и старого мира. Современная политика требует научиться «оставаться чистым, моясь в грязной воде» (Ф. Ницше).

У каждого учения есть своя Правда и свое правдоподобие – популярное толкование.

Национал-социализм – понятие политическое, очень точное, реалистичное, в чем-то по-хорошему грубоватое. Вполне полезным, однако, будет придать ему метафорическую форму, отделенную от рутины повседневного политического

процесса с его, чего уж там говорить, весьма солидными историческими издержками. К примеру, М. Серрано и С. Дэви дали такую форму под названием «эзотерический гитлеризм». Но, к сожалению, его невозможно обращать открыто, тем более в народные массы, даже не из-за возможного негатива или социального преследования, а просто потому, что массы этого не поймут. Их сознание загружено историческими стереотипами и насущной «бытовухой». Для эзотерического учения главный принцип – «сакральное должно быть сакральным, трансцендентальное – трансцендентальным». То есть нужно более современное, доступное и понятное изложение учения, контуры которого сегодня и должны обозначиться развернуто.

Для привлечения к НС широких народных масс по всей видимости придется создавать умеренную систему НС-взглядов, отвечающую их национальным и социальным стереотипам, их простым идеалам счастья. Манипулировать массовым сознанием. Гитлер никогда не скрывал необходимость управлять массами. В этом и заключена суть вождизма. Достаточно вспомнить сколько внимания уделялось пропаганде в Третьем рейхе. Для масс был создан вполне удобоваримый для них плакатный миф. В то же время существовали «Туле», «Аненербе», орден СС – организации закрытые.

На сегодняшний день в России созрела необходимость разделить НС-учение на две составляющие на экзотерический (внешний, популярный) НС – для убеждения широких масс и эзотерическое (внутреннее) учение НС – для активной части движения.

Это связано напрямую со сложнейшей задачей – вернуть НС в открытый политический процесс. Легализовать его. В 20-х гг. эту задачу пришлось решать фюреру, сегодня она усложнилась из-за десятилетий методичного, целенаправленного отрицания и демонизации НС, как безусловного зла. Победителям было выгодно списать все грехи на побежденных, утаив свое зло, а заодно прикрывая и поддерживая силы, против которых НС выступил в своей борьбе. Эти силы сегодня безнаказанно творят произвол и убийства уже над самими победителями, жонглируя их выродившимися и втоптаннами в грязь «святынями».

В Европе попытки легализации делаются под видом национал-демократии, ревизионизма, «Новой правой», традиционализма. С позиций «истинных» НС можно оценить эти попытки, как неудачные. Но честнее было бы заявить об этом, лишь попробовав самим добиться более позитивных реальных результатов.

Ведь неспроста европейским «правым» приходится использовать самые разнообразнейшие социальные концепции, как левого, так и правого происхождения. Это не только дань пропаганде и работе с широкими народными массами. Все-

таки историческая драма Второй мировой накладывает отпечаток на деятельность НС-мыслящих людей. Был Нюрнбергский процесс. Была непрерывная травля НС-идей в течение всего послевоенного периода и по сию пору. Миф о холокосте на Западе, у нас поколения выращивались на Великой Победе: шла вовсю идеологическая торговля жертвами, ради отвлечения людей от их насущных проблем и оправдания значимости правящих элит – хотя груз испытаний лег не на них, а на нации. «Есть поражения и смерти которые могут пробудить нацию к жизни, также как есть такие победы, что могут погрузить нацию в спячку» (Никола Йорга) – так можно сказать про нашу былую Победу сегодня. С помощью закабаления сознания европейцев «виною, нечистой совестью и все что им сродни» поработались и уничтожались новые поколения. Предыдущими нашими же жертвами, присовокупляя свои ложные, враги нации и расы оправдывали наши новые жертвы во имя своих корыстных интересов, под соусом гуманизма и патриотизма они обеляли нашей кровью свою подлинную геноцидную политику.

Врагами по всему миру были инспирированы изменения законодательства, преследующие НС-идеологию. Это обстоятельство в немалой степени заставляет НС-оппозицию по всему миру порой мимикрировать в борьбе с режимом, увы... Так в России идеи НС шифровались под РНЕ и ДПНИ...

Думаю, что именно 282 статья и активная «антифашистская» деятельность «правозащитников» приводят сегодня к попыткам ввести омонимичные аббревиатуры НС, как например, «Народная самооборона», которые подразумевают подспудно направленность на идеи национал-социализма. Хотя в данном случае семантически в развернутом виде расшифровки не совпадают. Более синонимичной – близкой по смыслу была бы, например, метафора «нордический социализм», тоже при сокращении образующая сочетание «НС».

Движению надо придти к власти как можно более «чистеньким» и «гуманным». В овечьих шкурах. А уж потом создать с помощью системы права и полицейского аппарата машину террора и подавления врагов. Надо учиться у своих врагов, которые сейчас у власти. Необходимо понимать методы, которые им помогают удерживать власть. Методы закулисы: они не стесняются подраивать массы их заветными фетишами типа «демократия», «равенство», «социальная справедливость», «борьба с бедностью» и прочей «заботой». Всякими небесами обетованными и райскими кущами. Нынешнему социальному Сизифу (обществу) дали Танталовы иллюзии, чтобы ему было интересней катить камень бремени человеческого в гору. Надо делать также. Надо проповедовать эти ценности, а не щетиниться и лаять на них. Их не надо бояться, их нужно понять, нужно уметь ими манипулировать, а не отрицать: отрицать ума много не надо. Надо стать более циничными.

«Политика искусство возможного», как сказал Бисмарк. Почему бы и нынешнему НС не «поиграть в демократию», в чем-то высмеять, в чем-то обличить,

в чем-то раскрыть это явление в свою пользу. Что толку орать, что «демократия – отстой». За последние 15 лет людей ежедневно зомбировали демократией, до блевоты. В каждом учебнике пишется, что «демократия – хорошо». И кто это делает? Люди, которые всеми своими действиями доказывают, что никакой демократии не существует. И сложилась такая ситуация – что тот, кто выступает против демократии вообще подыгрывает антинародным властям – те становятся «борцами» за эту демократию. При этом нынешний курс ненавидит тех, кто наоборот выступает за демократию, но за другой ее образ, противоречащий официозу. А фюрер поступил еще умнее – он подыграл демократическому официозу и получил власть. *«...Гитлер дошёл до поста канцлера демократическим путём, победив на выборах. Он вёл избирательные кампании подобно любому другому политику. Он выступал на митингах, агитировал, используя плакаты на рекламных щитах, его речи привлекали огромные аудитории. Всё больше и больше людей соглашались с тем, что он говорил, и всё больше и больше людей голосовали за членов его партии на выборах в парламент. Гитлер не пришёл к власти насильственным путём, он был должным образом выбран народом и должным образом назначен канцлером президентом Германии генералом фон Гинденбургом. Его правительство было легитимное и демократическое».* Так пишет Л. Дегрель в своем докладе, представленном на ревизионистской конференции Института по пересмотру истории в 1982 году «Эпопея: история Ваффен СС». Этот труд является очень красноречивой попыткой «демократизации» НС. Или у того же Дегреля про социальную справедливость: *«Мы желали вернуть людям веру в их высокое призвание, стремились навести должный порядок в работе предприятий и учреждений, мечтали о социальной справедливости, которая бы основывалась на надёжном сотрудничестве различных общественных классов».* Его описание НС сильно смахивает на правую социал-демократию по тезисам. Да и первая лекция Г. Федера по сути более радикальная модель правых социал-демократических взглядов с основополагающим уклоном на нацию, что в конечном итоге и взрастило НС как таковой. Вспомнить хотя бы эту высокопарную продемократическую фразу *«Выстоит тот народ, который сам определяет свою судьбу».* У НС есть достаточно возможностей и оснований выстроить свою спекулятивную форму демократии. Даже Сам дал нам эту ниточку для такого рода трактовок: *«Сравните с этим подлинную германскую демократию, заключающуюся в свободном выборе вождя с обязательностью для последнего – взять на себя всю личную ответственность за свои действия».* Дальнейшие комментарии, как говорится, излишни. Уже из этих нескольких рекламаций складывается более благоприятный демократический образ НС в сравнении с нынешней «суверенной демократией» РФ, которая фактически через комментарии к законодательству сделала ничтожными референдумы, ограничило массовые собрания, отменило выборы губернаторов, а также ввела однопартийную систему, «систему преемников», речь уже не идет о плюрализме и свободе слова. Однако все формальные атрибуты этой псевдодемократии освящены законом и непоказ выполняются. С точки зрения формы правления нынешняя «вертикаль» в существующем авторитарном режиме практически не противоречит взглядам

многих энэсовцев, но никто же не скажет, что в России сейчас – НС-государство...

Также мне хотелось бы затронуть и еще один немаловажный аспект сегодняшних реалий НС-движения. Слишком много внимания уделяется понятию силы. «Право сильного» и т.д. Нельзя не согласиться, что в своих общих аспектах социал-дарвинистские взгляды вполне объективны и повсюду заметны в реальной жизни. Нынешние либералы через понятие конкуренции, экономической эффективности также вводят в свои концепции эту теорию насилия, чтобы оправдать свой произвол над обществом, нацией, государством (!). В нынешнем НС-движении, как мне кажется, культ насилия выражен чрезмерно натуралистично, прямолинейно. Безусловно, силу надо прославлять, но больше как здоровье (во всех смыслах), а не насилие. Мне же идея единения: «соборности», «солидаризма» (Ю. Ригер), «соратничества», «мужского союза», представляется первичной, нежели идея силы. Во всяком случае, в стратегическом плане она предпочтительнее. В этом плане идея силы никуда не исчезает, она развивается в плане «масса – как сила» (значение количественного фактора). Ницше недаром обозначил важность изучения «черной дыры» масс, этой скрытой иррациональной силы... И тут уже открывается дверь в дискуссию об элитах-массах, но об этом как-нибудь в другой раз. Могу отметить лишь, что идея единения очень хорошо описана в уже упомянутой «Эпопея: Ваффен СС» Л. Дегреля – от 200 человек до 1 млн.

С идеей силы, по-видимому, связана и еще одна проблема современного НС. Многие люди правых взглядов единственно потому еще не присоединились к НС, что излишне «гуманны» по своей натуре. Они готовы быть и радикалами – нельзя сказать, что радикальные идеи чужды им, но не могут начать с радикализма, как с призыва убивать. Их мучают всевозможные исторические вопросы, нестыковки, стереотипы... А там чего только нет. Да, эти «правые» люди, пусть и не «профессиональные борцы», «революционеры», но определенно те, кто может работать в системе, быть профессионалом. Им НС нужен просто как система жизни, а не как борьба. Далекое не все люди способны на прямое грубое насилие. Эти также не могут собственными руками убивать врагов: для мирной жизни убийство – табу, для борьбы – необходимость. Они из мирных: не могут резать, но могут писать законы сродни «Нюрнбергским». Короче делать всю государственную рутину. Работать, допустим, в биологических проектах типа «Лебенсборн», воспитывать и обучать молодежь. То есть заниматься полномасштабным строительством НС. Они не против насилия в принципе, но их сейчас отпугивает яростная «патетика насилия» участников НС-движения. Они люди рациональные и прагматичные, «почтенные бюргеры», одним словом. Соответственным образом их придется и убеждать – чтобы их рациональность и прагматичность в дальнейшем послужили на благо НС. Здесь уместно будет вспомнить о «разрушителях» и «созидателях» Ницше в «Так говорил Заратустра». Так вот эти люди – созидатели, разрушители – борцы идут впереди них. Однако новому порядку нужны и те и другие: поэтому

надо сделать все для их сближения и взаимопонимания, чтобы они не чурались «недостатков» природы друг друга, ради общего дела.

НС-движение должно жить более сложной идеологической и интеллектуальной жизнью, чтобы быстрее достичь политической зрелости (способности осуществить приход к власти). НС-движению очень желательно привлечь к себе даже не просто интеллектуалов, а интеллигенцию. Адольф Гитлер писал, что интеллигенция (особенно молодежь) – лучшее, что есть в нации. Именно интеллигенция идейно влияла на становление революционного (революция по Парето – есть смена элит) движения до сих пор. То есть это люди умственно одаренные, принципиальные в моральном аспекте, но резко несогласные с существующим режимом власти, вообще с существующим порядком, а то и попросту не любящие власть. В этих людях помимо «рацио» есть еще и вера, собственные убеждения. Интеллектуалы же люди без вдохновения, они прагматично идут туда, где кормят, они попутчики – полезные, если профессионалы. Поэтому в среде интеллигенции, в их разуме и сознании, надо сеять сомнения относительно правильности современного мира, его порядка. Причем весьма проработанной, грамотной критикой – они чувствуют фальшь и не любят бравады. Но именно они, заряженные романтизмом мифа о новой жизни, в состоянии влиять на прогресс движения, формообразовывать и структурировать массу движения, выкристаллизовывать его в сплоченную организацию, правильно помогать организовывать выполнение тактических и стратегических задач интеллектуалам (профессионалам) и мужественным воинам движения, как впрочем, и рядовым участникам.

И далее, обобщая все вышеизложенное, хотелось бы определиться с какими правыми силами НС должен взаимодействовать, консолидироваться. На сегодняшний день самые разнообразные правые с каким-то невообразимым упорством и порой педантизмом критикуют один другого. При этом обвинения в адрес реальных врагов практически блеклые, неразвернутые, по большей части эмоциональные, а не конструктивные. Вся же проблема внутренних разногласий правых заключается в споре об устройстве власти, в вопросе элит, их обновления, циркуляции. Консерваторов, как впрочем, и буржуазных либералов интересует только институт государства и их экономическое благополучие – все остальное в стране занимает для них обслуживающее и подчиненное положение. Этих людей раса и нация не интересуют – только шкурные интересы. Тотальная мораль господ в буржуазном ключе, начиная с Мальтуса – при кризисах выживают богатые: таков их ключевой императив. Реакция в чистом виде. Основа их мировоззрения – экономизм. Геополитику, созданную преимущественно учеными-националистами, они выхолостили ради интересов госаппарата, крупной буржуазии, и в современной версии своих притязаний на гегемонию – глобализме всеми силами стараются подчинить капиталу окончательно институт государства, и полностью отречься от понятия нации. Никогда проблемы этноса и расы в династическом плане не интересовали представителей т.н. буржуазной аристократии, кроме быть может, еврейской. Их

матримониальные союзы освящены лишь интересами капитала – «деньги идут к деньгам». Они готовы идти на сотрудничество с другими идейными принципами лишь при угрозе их положению, и будут пытаться всячески переиначить любое дело на свой лад. Для них марксизм – проблема только когда он направлен против них. На самом деле Маркс говорит на их языке, экономизме, и считается в своей критике буржуазного общества вполне достойным либеральным критиком, экономическим теоретиком. Сегодня же марксизм и его интернациональные выродки стали для буржуазного класса кладезем методов и прецедентов для подавления национального сознания, какого бы то ни было расового и национального своеобразия. [В качестве иллюстрации: «Кажущаяся оппозиция между христианством и иудаизмом была искусной демиургической ловушкой, схожей с той, что существует сейчас в псевдо-противопоставлении марксизма и капитализма». (Серрано)]. С каким бесстыдством либералы используют «антифашизм» и жертвы Второй мировой, чтобы облить грязью любые проявления национального протеста, любой борьбы с реальными проблемами европейских народов (депопуляция, незаконная иммиграция, выдвливание отовсюду со всех территорий Африки, Азии, в РФ с Кавказа, сокращения их жизненного пространства, культурной и нравственной деградации)! Очень умело консерваторы и либералы от «золотого интернационала» ведут надуманную конфронтацию по вопросу о демократии. Причем их устраивает образ обезличенной, схематичной демократии, исключающей саму ее сущность, которую заменили отношением индивид – толпа: в русле рационализма и материализма. Еще добавили концепцию «открытого общества». И свели все к вульгарному экономизму доходов, фактически к тому же марксизму. Это такие же враги правой идеи, как и крайне левые интернационалисты.

Подлинная правая идея начинается там, где во главе угла стоит раса и нация, а не вопрос власти – вопрос первичный хоть для правых, хоть для левых, но не конечный. Власть ради власти приводит вновь и вновь к буржуазному империализму. Кто же сегодня стоит на позициях расы и нации? Только эта часть правого движения может нас интересовать. А это традиционалисты (неоязычники, родноверы, фелькиш-философы, ариософы и т.д.), сторонники расовой теории (ее биологических, антропологических сравнительных аспектов), «новая правая» с ее геополитическими и социальными построениями на основе недавней истории: ревизионисты, консервативные революционеры, национал-демократы и т.д. Также напрямую с нацией и расой связаны НС-движения от умеренных, близких к правой социал-демократии, т.н. «штрассерианцы» до радикальных неонацистов и молодежных субкультур. Естественно что интересы нации оказываются в сфере разного рода буржуазных националистов: национал-капиталистов, национал-либералов, национал-патриотов, монархистов, национал-христиан и т.д. Еще можно было бы упомянуть попытки левых увязать свои идеи с понятием нации, но это уже не правые взгляды. Для буржуазных националистов и левых концепция расы вообще малозначима, а нация, обычно эксплуатируемая категория.

НС-движение может интересоваться сотрудничество с традиционалистами, расиалистами, «новой правой», так как мощной объединяющей идеей этих мировоззрений является раса. Различие взглядов лишь относительно вопросов государственного устройства. Однако сегодня проблема расы куда глубже и важнее, чем проблема государственного устройства. Мне могут возразить, что только решение проблемы государственного устройства решит проблему расы. Я же скажу, что, наоборот, идея расы решит проблему государственного устройства. Наша раса имеет уже достаточно достижений в развитии социальной и государственной сферы – в моноэтнических государствах типа Австрии, скандинавских странах социальный вопрос практически решен. Все проблемы создаются мировым биржевым капиталом. Экономизмом (маммонизмом), его гнетом, он затирает расовое сознание, поднимает постоянно вопрос о форме правления: этим методом он пользуется со времен буржуазных революций. Весь капитализм именно вырос на методе смены формы государственного правления (разрушение монархии), и в дальнейшем занимается жонглированием этими формами ради достижения своей главной формы – олигархии. Идея социализма изначально была замутнена этими буржуазными стереотипами – форма правления, доминирование экономических теорий построения какого-то идеального экономического и социального уклада общества. На самом деле, смысл социализма – подчинить экономику интересам общества. (Когда-то буржуазия подчинила государство тезисом «Государство – это средство», теперь нация имеет право выдвинуть свой тезис «Экономика – это средство», а не базис по Марксу). Какого общества? Реально – нации: подчинить экономическую машину интересам нации. Это вполне возможно, опыта достаточно. Тут легко можно копировать позитивные аспекты уже реализованной в действительности социальной политики других стран: семейной, пенсионной политики, борьбы с безработицей и нищетой и т.д. В общем, надо все рядить в национал-социалистические одежды. Для масс сначала должен быть создан образ их места в будущем обществе, и лишь после вводить образ конфронтации с другими политическими силами. Дать массам для начала то, что они *хотят*. Чтобы они поняли то, что им *нужно* необходимо длительное систематическое воспитание и просвещение. Зачем сотрясать воздух глобальными проблемами перед широкими массами, считая их неспособной понять эти проблемы потребительской толпой далекой от высоких идеалов борьбы? Нет же, все наши правые как сговорились, трубят о конфронтации в вопросе государственном, социальному вопросу уделяют второстепенное значение: повсюду раздор.

Вот поэтому для объединения правых вопрос государственного устройства не главный. Главный – это проблема расы. Необходимо восстановить миф крови среди белого населения, всесторонне избавить его от стереотипов буржуазного космополитизма и интернационализма, от всего рационалистического универсального хаоса (итогом которого стал уродливый постмодернизм). Именно НС – как головная теория должна выступить с инициативой объеди-

ниться «новых правых», традиционалистов, расиалистов под знаменем широкого мировоззрения, тем более, что Традиция (неоязычество), расовая теория и геополитика являются неотъемлемыми частями, вдохновляющими изначально НС-учение. В данном контексте вряд ли стоит опасаться, что какая-то из перечисленных правых теорий сможет перевесить НС, выдвинуться вперед. Это маловероятно. Вся хитрость в социальном вопросе. Безусловным преимуществом идеологической конструкции НС в сравнении с остальными правыми теориями, о чем писалось выше, является наличие социальной составляющей, как важнейшего компонента. В НС рано или поздно как в точке сходятся все правые взгляды. Данный тезис подтверждается практической реализацией этих правых идей. Однако все же лучше добиться правой консолидации, нежели бесконечно фрондировать друг с другом. Центральной проблемой, лейтмотивом этого объединительного мировоззрения должно стать не расовое превосходство, а *расовая необходимость*. То есть проблема сохранения расы, и соответственно проблемы нации, миграций, развития культуры.

НС может и должен стать многоликим, загадочным. Для сотрудничества с *прогрессивными правыми* («Новая правая», родноверы) можно создать объединительную расширенную концепцию на основе ариософии. И в то же время публично он должен выражаться просто и непредвзято. НС на самом деле и есть просто и логично. Он – закономерная попытка решить национальный вопрос и социальный вопрос. Причем с взаимной помощью одного и другого. Разрешить противоречие органичным подходом. Естественно, что тот перед кем стоит центральная задача решить два этих насущных политических вопроса становится национал-социалистом. Все остальное это уже история, теория и практика – где, конечно же, можно пойти и неверным путем, что отчасти и показала история. Если же современное НС-движение оппоненты будут увязывать постоянно с прошлым НС, значит они тем самым отрицают сами Нюрнберг и Победу, создавая тем самым пусть и негативную, но вневременную и объективную ценность НС. Но мы в праве утверждать, что все, что до этого было в истории, к нам не имеет никакого отношения. Нынешний национал-социализм не является правопреемником германского. Поэтому Нюрнберг старый мир пусть оставит себе. Мы умываем руки. Мы строим свой собственный национал-социализм с чистого листа.

Вот так отчасти выглядит перспектива развития НС в современном социально-политическом контексте. Чтобы описать все нюансы, понадобилось бы весьма объемное исследование, но для практического диспута достаточно и краткого анализа. Наверняка есть и другое видение этого процесса, но проблемы, скорее всего, будут подниматься те же, что описаны или упомянуты в данном обзоре.

6. Национал-социализм не нуждается в оправдании

(Всем сомневающимся посвящается)

*Великие эпохи нашей жизни наступают тогда,
когда у нас появляется мужество переимено-
вать наше злое в наше лучшее.*

Фридрих Ницше

Все случилось в далеком 1989 году... Берлинская стена рухнула, Германия воссоединилась. Наша Победа была продана советским правительством за один день. Ей подтерлись, ее скомкали и вышвырнули задарма. Воссоединение Германии было концом Победы, очевидным оправданием и прощением немцам. И никого из народа не спросили, а прощаем ли мы? Крушение Берлинской стены не принесло русскому народу ни копейки дивидендов, в отличие от возмещений евреям за Холокост. Таким образом, советская власть фактически реабилитировала нацизм. Раз власти сами простили немцев за нацизм в угоду Западу, значит они никому не могут запрещать национал-социализм. И поэтому национал-социализм не нуждается в оправдании...

* * *

Сегодня среди людей понимающих неизбежность того, что современность, обстоятельства дня насущного требуют от правых встать на путь национал-социализма, возникает много колебаний и сомнений, которые связаны с прошлым национал-социализма. Мол, как же так, мы же воевали, наш народ понес огромные потери в этой войне, мы оказались ведь правы, были чудовищные преступления, зачем нам подражать немцам и т.д. И поэтому многие правые находятся в смутных метаниях по поводу того, как бы оправдать национал-социализм, рационализировать его в связи с историческими фактами... Одни сразу отменяют какие-либо оправдания на основе увлеченности идеями национал-социализма, порой с долей фанатичности убеждений; вторые же ищут оправданий в других виновных – мол, не немцы виновны, не они начали, у них были основания; третьи делят национал-социализм на «правильный» – штрассерианство, к примеру, и, по их мнению, «неправильный» – гитлеризм. Есть, наверное, и еще разные теории на этот счет. Все три способа объяснений приводят этих людей к взаимному недопониманию, да, что там, к самого разного рода грызне, от низкосортной бравады, до головоломной зауми.

Но давайте обратимся к самим себе, к тому, что мы есть, здесь и сейчас. Если люди исповедуют национал-социализм, нравится он им и все тут, то зачем им перед кем-то оправдываться? Разберемся с обоими вопросительными объектами «зачем» и «перед кем».

Во-первых, зачем оправдывать свою принадлежность к национал-социализму, когда существует еще немало других не менее радикальных идей на белом свете. Кто оправдывается, к примеру, за анархизм или коммунистические взгляды? Это вопрос выбора, а не совести. Был Нюрнберг, скажут. А почему не было подобного осуждения инквизиции? Почему Папу Римского с кардиналами не повесили? Их казематы, орудия пыток и казни не менее ужасны, чем все прочие. Во имя любви к Господу. То же и к коммунистам, и к буржуазным империалистам. «Нацизм проклят навеки», бубнят нам со всех сторон. Христианство тысячелетиями проклинали и топтали язычество и многобожие, но никто же нам не запрещает сегодня восхищаться памятниками античности и подвидами Геракла, Прометея и Персея, философией Аристотеля и Платона. Уже давно развенчан миф о том, что де язычники преследовали христиан, скорее уж наоборот. Так что все анафемы – глупость. Ненависть в прошлом ищут как раз для оправдания своей экспансии в настоящем и будущем против живых – это нормально и естественно для всех в борьбе против всех. И таких апологетов ненависти среди врагов нашего народа немало в последнее время. Видим ли мы немцев среди наших врагов? Или Гитлера среди них? И немцы уже почти все позабыли, да и мы уже не считаем их врагами – сотрудничаем. Так, что сейчас оправдания не актуальны, актуальна борьба с новыми врагами и ответная ненависть к ним. Не до оправданий сейчас.

Перед кем же от национал-социалистов требуют каяться? Разве нынешние национал-социалисты кого-то массово убивали? Их идеи могут привести к этому? Пожалуйста – идеи демократии привели к этнической резне сербов в Хорватии, к голоду в Ираке, ранее к выжиганию напалмом Вьетнама и Лаоса. Вообще же демократические режимы грозят человечеству полным уничтожением – они содержат огромные арсеналы оружия массового поражения, демократы первыми применили ядерное оружие против людей. Про коммунистов мы знаем тоже немало кровавых страшилок – ГУЛАГ, «культурная революция» в Китае, война в Афганистане, режим Полпота и т.д. А сколько обвинений друг к другу предъявляют страны бывшего соцлагеря и Союза? И кто перед кем оправдывается? Правильно, никто. Потому что продолжают дальше жить и вести политическую борьбу за свое будущее. Мало того, ВСЕ СЕБЯ В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ СЧИТАЮТ ПРАВЫМИ: что доказывает, что «кровавые» принципы, приписываемые нацизму, абсолютно объективны и социально обусловлены историей, геополитикой, национальными интересами, амбициями морального превосходства, неважно с позиций обиженных – как в случае с Холо, хотя и Версаль тому также пример, или с позиций доминирования. – Разве НАТО говорит не с позиций силы? США вообще начинает войны на безосновательных предлогах, не считаясь с мнением «мирового сообщества». Получается тогда, что нацизм – это правда, а правду нет смысла оправдывать. И так с Вестфальского мира (и тут на Германии завязано все оказалось) – все решает право сильного: посмотрите новости.

Ах, да, вспомнят, что «еще живы ветераны и те, кто страдал в застенках концлагерей». А когда они умрут, то будет можно? Надо только подождать?.. Кто вообще оправдывается перед жертвами (ситуация в Южной Осетии свежий тому пример)? В основном оправдываются перед победителями и теми, кто сильнее. Кто кается за отрезанные скальпы индейцев, сегодня? За уничтоженных аборигенов Австралии? За геноцид в Ирландии? За огораживания в Англии? За колониальный гнет? За работорговлю? Такими глупостями никто не занимается: все это позволило заработать «кучу бабла» и поднять экономику многих развитых капиталистических стран, укрепить их политические позиции. Многие и сейчас этим не брезгают заниматься, им нацизм до лампочки. Ну а после, захавав хороший капитал, можно «отыгрывать» показной гуманизм на публику.

А что наши ветераны? Были почести. Однако советский режим сгноил их немало сразу же после войны, многих превратил в социальных побирušек. Но кто дожил подольше, получил удовольствие подраться с «однопольчанами» в очередях за подачки государства, гуманитарную помощь получить от побежденных, при либерализме ветераны испытали унижения в полной мере – вспомнить хоть про пенсию. А вот немецкие ветераны живут очень достойно. Кто тут виноват – Гитлер? «Если бы не наши отцы и деды мы бы сейчас не жили». Да, тогда победили, в полном соответствии жестоких реалий закона выживания – побеждает сильнейший. А что сегодня? Вымираем. Из-за Гитлера и национал-социализма? Слишком уже много времени прошло, пора бы перестать верить в старые сказки. Нацию должна заботить не история, а день сегодняшний. А его центральный вопрос – выживание народа, в первую очередь русской нации. Для русских сегодня важно будущее (прогнозы весьма неутешительные), а не прошлое. Будут ли жить наши дети и внуки, наш народ. ТОЛЬКО ЭТО-ТО И ВАЖНО СЕГОДНЯ. Гитлер им жить не помешает.

Да, и конечно же, Гитлер – самый яркий штрих для всей палитры упреков в сторону национал-социализма – «Гитлер во всем виноват». Перед кем из ныне живущих? Да, была когда-то война, была нарушена некая историческая справедливость, она же была в результате Победы восстановлена. Гитлер погиб за свои идеалы. Все. Дальше снова, без передыху началось очередное противостояние. И в последние годы, только Союз рухнул, вновь бед и врагов не счесть. В нынешних бедах Гитлер, что ли виноват? Полноте, господа! «Во всем виноват Чубайс» – справедливости никакой, а у него все в порядке. И ничего, терпим разных хапуг, да вымираем на радость «рыночной экономики», во имя «преимуществ» вступления в ВТО. А Гитлер что ж? Кто сегодня предъявляет претензии к Александру Македонскому, Карлу Великому, Чингисхану, Ивану Грозному, Наполеону и т.д.? Таковых сущая малость, остальные в основном восхищаются этими людьми, как гениями: хотя их дела давно уже занесло песками времени. Самый известный биограф Гитлера И. Фест, как-то выразил мысль о том, что если бы Гитлер погиб в 1938 году в результате покушения, то его можно было бы считать одним из самых выдающихся немцев за всю

историю Германии. А с претензиями на оправдания можно и до распятия Христа добраться. Обвинить евреев за это. Между прочим, они как раз и не считают, что должны за это оправдываться. Типа все люди виноваты.

Нам нужно задуматься вот над чем: почему уже почти повсюду забыли ту войну, а во многих частях света о ней и не знали, но при этом находятся те, кто по прошествии 60 лет не хочет забывать «ужасного Гитлера». Уже и Ленина наши дети не помнят, а Сталина только бабушки все никак не забудут. А вот про Гитлера напоминают без конца. Если присмотреться среди этих «напоминателей» немало людей враждебно относящихся к России и русскому народу. Не странно ли то, зачем они это делают для тех, кого ненавидят? Не подозрительны ли их опасения и уже прямые обвинения русского народа целиком, а не отдельных персонажей в «русском фашизме», как если бы им уже кто-то сделал плохо. Зачем заранее беспокоиться о подобной угрозе? – А вот зачем: ведь национал-социализм не возникает на пустом месте. Он есть закономерный этап современного буржуазного кризиса, его преодоление. Буржуазные кризисы, явления объективные, циклически повторяются. Значит, будет серьезный кризис, схожий по силе и следствиям с европейским начала прошлого века – будет и национал-социализм, неважно в какой стране. То есть национал-социализм исторически и социально-экономически, психологически с точки зрения массового сознания детерминирован, диалектически также объективен: ему предшествует позор и деградация нации, унижение и экономическое порабощение общества спекулянтами, криминалом и иностранным капиталом, утрата самостоятельности и суверенитета, глумление над национальной культурой (мало ли тех, кто с пеной у рта доказывает, что русской нации вообще не существует?). И осознание, что это все не справедливо, более того смертельно опасно, и с этим что-то надо делать. Что кто-то за эту гнусность, за конкретные грязные дела и предательство, продажу Родины должен ответить. Почему бы и нет? И чтобы мир обновился, нация возродилась и жила по-новому, воплотила бы в жизнь свои чистые идеалы. Что ж в этом плохого? Такова вот архитектура исторической ситуации, такова динамика развития событий. Так и появляется национал-социализм. Это неизбежность. Плохо будет тем, кто ненавидит эту, прозревшую нацию – все логично.

Поэтому нет ничего удивительного, что кто-то сегодня считает и называет себя национал-социалистом. Сегодня молодые люди часто обращаются к национал-социализму в знак протеста нынешнему далеко не радужному, лживому миру. Зачем же оправдываться, если ты любишь свою Родину, свой народ, если ты честный рабочий человек, а не вор, не бандит, не казнокрад, не убийца, не проститутка, не торговец суррогатом, не холуй, не спекулянт, не приватизатор... Кто с этих и прочих ублюдков сегодня требует оправданий? Напротив, многие из них в почете и во власти. А ведь они помимо очевидно недружелюбных соседей русского народа (с чем вообще нельзя поспорить), уничтожают титульную нацию. Перед кем же должен оправдываться нынешний национал-социалист, видя все это? По всей видимости, национал-социализм как протест

помог многим морально избавиться от пораженчества и пессимизма, от иллюзий лжи и декаданса, исповедуемых нынешней российской властью и той сворой, которая перечислена выше. Помог уже сегодня ясно осознать, что угроза гибели русскому народу и его стране – реальна. И значит, может морально помочь и другим русским людям. Почему бы и нет? Национал-социализм к тому же обладает и реальными перспективами созидания и роста нации за счет внутренних резервов. Именно период с 1932 по 1939 гг., показавший, на что способно строительство национал-социализма, притягивает к нему многих ученых, мыслителей и заставляет их признавать его социальную эффективность, а то и восхищаться этим феноменом. Многие из того, что было создано в тот период, в немалой степени способствовало восстановлению Германии после войны. Достижения национал-социалистической науки, кстати, помогли созданию американских баллистических ракет (да и наших тоже)... Много еще каких достижений национал-социализма было использовано его победителями. Нам есть к чему стремиться.

В заключение стоит еще раз напомнить, что все требования покаяний и оправданий идут в основном от людей нерусских, часто русофобов. Они торгуют жертвами ради удовольствия и преимуществ всякого рода паразитов. Выгоды они своей ищут. Прикрываются культурой, гуманизмом, интересами государства, народа. Только видим ли мы это все в действительности, видим ли мы развитие, гуманизм, культуру? Скорее обратное. Потому что плевать они хотели на жертвы и дневник Анны Франк! Который они сами-то и не читали, его они заставляют читать тех, от кого ждут оправданий. И покорности – «не станьте такими» грозят они пальчиком. Они боятся, что появится историческая сила, не желающая слушать их ложь, терпеть их подлость и хамство. А вот что-то кроме жертвенно-оправдательно-ненавистного мифа им предложить русскому народу нечего. Нас пытаются воспитать только на отрицательном образе. Такую же ошибку делали и коммунисты, огульно очерняя Запад. При собственном идейном банкротстве вышло, как нам известно, обратное. Но, что взять с наследников этих банкротов, которые ввергли страну в хаос поражения ради прелестей того, чем вчера нас запугивали.

Для молодежи уже ясно, что нынешний мир движется к своему краху. И последней попыткой разрушить его во всех его гнилых проявлениях был именно национал-социализм. Поэтому так не хотят его легитимного возвращения сегодняшние хозяева мира. Национал-социалисты, – те, кто может потребовать оправданий с них.

7. «Русский национальный социализм» – становление понятия (обзор)

Понятие русский национальный социализм все прочнее входит в лексикон современной политики и в обиход русского национального движения в частности. Видимо пришло время. Само сочетание «русский национальный социализм» не ново и употребляется уже достаточно давно, но носило до нынешней поры очень размытую смысловую нагрузку. Вот и попробуем рассмотреть в небольшом ретроспективном обзоре становление понятия «русский национальный социализм», оценим разнообразие смыслов, которое в него вкладывали до сих пор, и которое оно обретает на сегодняшний день. А звучит этот политический манифест все чаще. И, похоже, битва за «русский национальный социализм» в правом движении началась.

Термин «Русский национальный социализм» активно начали употреблять еще в 90-х самые разные радикальные правые национал-патриотические авторы.

Одно из первых упоминаний «русского национального социализма» в России можно обнаружить в труде М.В. Александрова «Внешнеполитическая доктрина Сталина» Canberra: Australian National University, 1995, <http://grachev62.ru/alexandrov/content.htm>, где в заключении автор делает следующие выводы:

«Сталинизм в его философском аспекте отразил в себе идеологию русского национального социализма, разработанную патриархом русской социалистической мысли А.И. Герценом [с. 135] и развитую затем в трудах русских революционеров-народников. Позднее концепция русского социализма легла в основу программы партии социалистов-революционеров (эсеров). Разгромленная интернационал-коммунистами при помощи иностранных войск (латышских стрелков) в роковые дни 6–7 июля 1918 года, народническая идея не умерла. Она продолжала жить в многомиллионной массе русского крестьянства. "Термидор" Сталина, происходившего, кстати, из православной крестьянской семьи, стал историческим реваншем русского социализма над чужеродным, привнесённым с Запада марксизмом».

Тут идет привязка «русского национального социализма» к тому, что происходило в истории России в 20 веке, к сталинизму. И далее показывается разница этого «русского национального социализма» с германским национал-социализмом:

«С учетом вышесказанного, систему философских взглядов, на которой основывалась внешнеполитическая доктрина Сталина, можно было бы условно обозначить как русский национально-государственный социализм. Причем, сразу же необходимо провести различие между этой доктриной и немецким

национал-социализмом. В отличие от сталинской, доктрина Гитлера базировалась не на общенациональной, а на расистской предпосылке, предусматривающей превосходство германской расы над всеми другими. Ничего подобного ни у русских народников, ни у самого Сталина найти не удастся. В основе русского социализма лежало не этническое [с.137] происхождение того или иного лица, а принцип гражданства, принадлежность к многонациональному народу России. Другой важной отличительной чертой было то, что в практике нацистской Германии было очень мало чего-либо по-настоящему социалистического. В этом смысле Гитлер заметно уступал даже Муссолини, который все-таки пытался осуществить кое-какие социалистические преобразования».

Фактически уже здесь проявляются две основные тенденции в интерпретации понятия «русский национальный социализм» в будущем, то есть по сей день: отождествление с Советским Союзом, либо со сталинизмом и отмежевание от германского национал-социализма.

В середине 90-х часто использовал термин «русский национальный социализм» некий А. Елисеев. Например, в его рассуждениях в статье «Национал-социализм и собственность» на страницах журнала «Нация» №1, под «русским национальным социализмом» подразумевается «русский социализм», уходящий корнями в дореволюционную артель, коллективизм, кооперацию, даже упоминается «православный» характер этого социализма:

<http://www.nationalism.org/rnsp/Nacia/Eliseev2.htm>

«Россия должна стать действительно социалистической державой, решающее слово в которой будет за национальным коллективом тружеников. Следовательно, преобладание коллективной собственности является обязательным компонентом экономической доктрины Русского Национального социализма.

И оно вполне вписывается в общую картину Русского традиционализма, тесно связанного, в экономическом отношении, с общинно-артельным хозяйством. Общины и артели – живое подтверждение того, что коллективистский проект не нужно считать какой-то утопией. Поэтому их необходимо изучать, и использовать опыт наших предков, применяя его в новых условиях, на новой основе. Попробуем сделать некоторые шаги в этой области, предварительно отметив, что наибольший интерес для нас представляют артели, так как они распространялись в основном в сфере промышленно-городской жизни, которая сегодня выступает в виде главной сферы национального бытия».

Далее в газете «Штурмовик» № 37 за 1997 год он декларируется как некая цель, альтернатива и антагонист тирании интернационального капитала против России и русского народа. Но четкого представления и содержания, что такое «русский национальный социализм» пока не дается:

<http://www.nationalism.org/rnsp/st37.htm>

«Всем известно, что в результате капиталистических, рыночных реформ, уровень жизни Русской нации резко упал, что число Русских людей в России сокращается катастрофическими темпами. Известно ли вам, что у большинства матерей нет денег, чтобы рожать детей и обеспечивать их жизнь? В родильных домах не редкость сегодня такая сцена — мать отказывается от своего же ребенка. Около 500 тысяч (полмиллиона!) детей живут в детских домах, хотя у них есть родители. Ежегодно в России производится три миллиона аборт, три миллиона узаконенных убийств новорожденных, из них триста тысяч приходится на молодых женщин в возрасте до 19 лет. Всеобщая нищета, отсутствие социальных гарантий, неуверенность в своем будущем и будущем своих детей — неотъемлемый атрибут сласти интернационального капитала. При этом прозападном, реформаторском правительстве и президенте, число Русских людей будет продолжать сокращаться. Единственно достойный выход — прогнать разжиревших нуворишей и установить в стране Русский национальный социализм. Вот тогда все изменится».

В том же далеком 1997 году заявляет о русском национальном социализме и небезызвестный А. Дугин в своей книге «Тамплиеры пролетариата» в главе «Фашизм – безграничный и красный». Дугин вслед за Елисеевым отождествляет русский национальный социализм и с «русским социализмом» и с некой новой формой «красного фашизма»:

<http://anticompromat.ru/dugin/fashizm.html>

«2. Русский социализм

Совершенно неправомочно называть фашизм «крайне правой» идеологией. Это явление гораздо точнее характеризуется парадоксальной формулой «Консервативная Революция». Это сочетание «правой» культурно-политической ориентации – традиционализм, верность почве, корням, национальной этике – с «левой» экономической программой – социальная справедливость, ограничение рыночной стихии, избавление от «процентного рабства», запрещение биржевых спекуляций, монополий и трестов, примат честного труда. По аналогии с национал-социализмом, который часто называли просто «немецким социализмом», о русском фашизме можно говорить как о «русском социализме». Этническая спецификация термина «социализм» в данном контексте имеет особый смысл. Речь идет об изначальной формулировке социально-экономической доктрины не на основе абстрактных догм и рационалистических законов, но на основе конкретных, духовно-этических и культурных принципов, органически сформировавших нацию как таковую. Русский социализм – это не русские для социализма, но социализм для русских. В отличие от жестких марксистско-ленинских догматов, русский национальный социализм исходит из того понимания социальной справедливости, которое характерно именно для нашей нации, для нашей исторической традиции, для нашей хо-

зайственной этики. Такой социализм будет более крестьянским, чем пролетарским, более общинным и кооперативным, чем государственным, более регионалистским, чем централистским – все это требования русской национальной специфики, которая найдет свое отражение в доктрине, а не только на практике».

В этих ранних упоминаниях «русский национальный социализм» звучит еще не столь выразительно и определенно. Насколько справедливо и объективно отождествлять его с дореволюционной традицией «русского социализма», в которую *volens nolens* попадают и большевики? Хотя там свои довольно серьезные и интересные исторические перипетии и идейная борьба, все же нельзя сопоставить в полном объеме «русский социализм» и «национал-социализм» и слепить из этого всего «русский национальный социализм». Возможны лишь какие-то допущения. Тот же вопрос и к дугинскому «красному фашизму». Да здесь у авторов много «русского», много «социализма», много «национального», но состоится ли из этого вот так вот достаточно эклектичного синтеза «русский национальный социализм»? Во всяком случае, стоит отметить, что везде в этих работах выражается сильная оппозиция «капитализму» как таковому и «национальному капитализму» в частности.

Также с середины 90-х (**Доброслав. Природные корни русского национального социализма // Русская правда, 1996. Спецвыпуск № 1 (3).**) и в начале двухтысячных понятие «русский национальный социализм» внятно, но в своеобразной духовно-нравственной упаковке излагается в трудах язычника Доброслава:

<http://dobroslav.tk/>

«Русский Национал-Социализм есть политическое выражение Русской Национальной Идеи. Если в двух словах, то РНС — ЭТО НАЦИОНАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ И СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ. Мы — националисты, потому что любим свой народ и боремся с его поработителями. Мы — социалисты, потому что капитализм есть узаконенный грабёж тружеников. Мы — революционеры, потому что только Революция спасёт Родину от захватчиков, а народ — от геноцида. РНС — единственная подлинно русская, народная, созидательная и победоносная Идеология: идеология сохранения РУССКИХ КАК НАЦИИ И РУСИ КАК ДЕРЖАВЫ».

(Язычество как духовно-нравственная основа русского национал-социализма)

Доброслав ставит «русский национальный социализм» в рамки «русского национализма», как нечто чисто методологическое, инструмент, обозначает его вторичность:

«Второй основой Русского Государства должен стать хозяйственный уклад, способный установить социальную справедливость. Этой социальной справедливости не было в прежнем обществе, лживо именовавшим себя социалистическим, не может ее быть и при капитализме, куда нас тащит правительство национальной измены. Капитализм и марксизм — две стороны единого долгосрочного плана завоевания мира иудеями. У России — свой, самобытный путь. Это русский национальный социализм, основанный не на частной и не государственной, а на общественной собственности на средства производства. Подлинный социализм возможен лишь на духовно-нравственных устоях, и именно у нас такие устои есть: общинное мышление русского народа, сложившееся в условиях русской сельской общины благодаря отсутствию частной собственности на землю. Необходимо различать социализм и марксизм. Социализм — это мечта о справедливом обществе. Марксизм в своих целях паразитировал на этой вековой народной мечте. России навязывают ложный выбор: или марксизм или капитализм. Как говорится: кума! Выбирай сама, на какой верёвке тебя повесить: на пеньковой или на шёлковой? А нам нужен социализм с русским лицом! И если уж говорить русским языком (а социализм есть не наше слово), то нам нужен Русский Общинно-Вечевой Строй, Русский Порядок в справедливом распределении благ».

(Великославие Русского национализма)

«Исконно русская жажда ПРАВДЫ — МИРА, ГДЕ ПРАВИТ СПРАВЕДЛИВОСТЬ — ЭТО И ЕСТЬ ИДЕЯ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА. Ведь социализм — это, прежде всего СПРАВЕДЛИВОЕ ПО-СОВЕСТИ распределение жизненных благ. И если понимать социализм как осуществление ПРАВДЫ — СПРАВЕДЛИВОСТИ НА ЗЕМЛЕ, ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС (а не в загробных «райских кушачах»), то мы — русичи — прирожденные социалисты.

Социализм — это не марксизм. «Социальный» в переводе означает общественный, общинный, товарищеский, т.е. понятия чисто русские. Подлинный социализм — это общественный строй, обеспечивающий достаток ТРУЖЕНИКАМ и исключающий благоденствие кровопийц-ростовщиков и тунеядцев. Идеалы социализма — это и есть наши естественные национальные идеалы ДОБРА, БРАТСТВА И СПРАВЕДЛИВОСТИ».

«Русский национальный социализм» Доброслава носит довольно узкий утилитарный смысл, притом, что погружен в весьма громоздкую религиозную оболочку язычества. Теряет конструктивизм и привлекательность для широких слоев русского населения. Утилитаризм социализма слишком прост для восприятия, и к нему испытываешь некое недоверие — многое из этого люди уже слышали от предыдущих властей. С другой стороны язычество, родноверие еще не слишком распространено в массовом сознании, и налагает серьезные ограничения в распространение данной концепции «русского национального социализма». Хотя выдвигается очень много верных тезисов, полезных для

становления «русского национального социализма». То есть опыт Доброслава есть смысл изучить.

Перейдем уже к близким нам временам. Понятие «русский национальный социализм» приобрело еще несколько расширенных значений. Одним из нюансов стало приписывание «русского национального социализма» к «советскому социализму», к сталинизму, как некой формы общественного строя, накопившейся и проявившейся в период существования Советского Союза. Подобную аллюзию можно найти в статье 2005 года «Нечленораздельный вопль небытия» некоего Владимира Карпеца, где он анализирует разные проявления «коммунизма – социализма» у нас и на Западе:

<http://www.pravaya.ru/look/5637>

«Возвращаясь к политико-историческому контексту, укажем, что окончательная победа «ленинского призыва» над «ленинской гвардией» произошла уже в 1937-38 гг. А на XVIII съезде ВКП(б), происшедшем сразу же после «контрреволюционного переворота», Сталин уже прямо – не называя адресата – оспорил ленинские тезисы из «Государства и революции» (лето 1917) об отмирании государства при социализме при переходе к коммунизму. «Путь к коммунизму (курсив наш – В.К.) лежит через укрепление социалистического государства в условиях капиталистического окружения», – сказал Сталин. Это был полный разрыв с марксизмом как таковым в его историософии, и разрыв этот совпал с физическим уничтожением «последнего российского марксиста» – Льва Троцкого. С этого момента окончательно сформировалось два коммунизма – русский национальный социализм и интернациональный марксистский коммунизм, борьба между которыми шла и идет до сих пор не на жизнь, а на смерть».

С этим допущением можно спорить: в «совке», увы, государство не было средством для нации, скорее, наоборот, нация эксплуатировалась ради политического курса государства. Однако эта тенденция закрепились, как в прокламациях адептов «русского национального социализма», так и в критике оппонентов. У многих все еще сохраняется желание воспринять из недавнего отечественного прошлого то положительное, что создавало позитивный рост государственной системы, вытекающее из энергии и участия русской культуры и русского народа, как таковых, не опосредованно. Внятный компромисс в этом плане выразил совсем недавно в 2008 году М. Малютин в историческом обзоре развития социализма «Левые и социализм XXI века: итог и остаток»:

<http://worldcrisis.ru/crisis/433641>

«...без созданных Петром «двух наций и культур» большевизм никогда бы не победил, но находились они в ожесточенном антагонизме, пока индустриальный город не «сожрал» деревню и традиционный русский народ, живший 1000

лет соседской общиной. Максимальная степень «русификации марксизма-ленинизма» была достигнута реально в СССР между осенью 1941 года и 9 мая 1945 года, но для многонациональной «территориальной империи» русский национальный социализм был самой страшной из возможных внутренних угроз (особенно в ситуации, когда под контроль попала восточная Европа и часть восточной Азии). Сталин пытался «остановить мгновение», потом устраивать демонстративные «зачистки» сначала «русской партии» в Ленинграде, затем «космополитов», но борьба двух этих тенденций (национальной и территориально-имперской) в конечном счете развалила СССР.».

Как видим, вполне обосновано показана несочетаемость сталинизма с «русским национальным социализмом», и в то же время значение русского народа в социалистическом строительстве, и итог внутренней борьбы двух антагонистических тенденций в социализме: национальной и космополитической.

Или вот еще интересное размышление Е. Ихлова в «Мартовские иды для Цезаря» (воспоминания о будущей революции) «по поводу истории» от 27.02.2007, где включено понятие «русский национальный социализм»:

http://www.zaprava.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=736

«О том же, что ждало бы нас в случае поражения Октября, можно судить по идеологической эволюции Белого движения и Белой эмиграции. Скорее всего, нас ждал бы «умеренный фашизм» — что-то среднее между Пилсудским и Муссолини. Ну, не страшнее, чем Франко.

Но если бы сорвались еще глубже, и у нас построили бы русский национальный социализм, тогда конфигурация Второй мировой прошла бы по иному. Легко быть в России и антифашистом, и патриотом. Но как должно было бы сегодняшнее (альтернативное) российское патриотическое сознание воспринимать строчки из учебника о наступлении осенью 1941 года на Москву (столицу Великороссийской социальной державы войск) Германской Демократической Федеративной Социалистической Республики...».

Вообще с 2007 года понятие «русский национальный социализм» стало все чаще и чаще декларироваться в русском национальном движении. Начинается так сказать «битва за флаг». То есть каждая заинтересованная сторона пытается дать собственное понимание и определение «русскому национальному социализму» в рамках своих программных установок.

Вот как объясняет «русский национальный социализм» организация «Научно-культурный центр русской цивилизации» в своей книге Экономический вектор развития России: кооперация и социализм»:

http://titanage.ru/e-store/books/index.php?ELEMENT_ID=1825

ISBN: 978-5-89552-257-8

Год выпуска: 2007

Издатель: Издательство научной литературы Н.Ф.Бочкаревой

Число страниц: 96

Автор(ы): Антипенко Л.Г. / Гарасько М.И. / Мартынюк В.А. / Разживин В.С. / Самарин А.Н. / Чуринов Н.М.

«Тема выступлений сотрудников Научно-культурного центра русской цивилизации обязывает нас сразу же дать объяснение того, что понимается под русским национальным социализмом. Его идеи и исторический опыт не имеют ничего общего ни с нацистским социализмом гитлеровского типа, ни с космополитическим социализмом Троцкого. Общим во всех трёх случаях остаётся лишь термин «социализм». Но мы не можем избежать его употребления, так как должны считаться с историческими законами словотворчества вообще и с утвердившейся социально-политической терминологией в нашем русском языке. На наш взгляд, вряд ли была бы оправданной замена латинского (по своему происхождению) термина «социализм» другим, скажем, греческим термином «киновия», адекватным по смыслу первому.

Сам по себе термин социализм связан со стремлением людей к построению общества на началах социальной справедливости. Но на историческом опыте мы убеждаемся в том, что невозможно достигнуть справедливости социальной, упуская из виду справедливость национальную. Явления социального паразитизма могут быть искоренены только вместе с явлениями паразитизма национального, кланового. Но особенность русского национального социализма состоит ещё и в том, что он провозглашает справедливое отношение людей к Природе. Одна из программных установок нашего Центра гласит: «В традициях Русской цивилизации заложено стремление к установлению в обществе социальной справедливости. В то же время имеется понимание и того, что не может быть социальной справедливости без справедливости национальной, не может быть того и другого без справедливого отношения к Природе. Необходимым условием бытия Русской цивилизации, равно как и цивилизаций других народов, является существование и экологически-нормальное функционирование Земной биосферы. Центр объединяет сторонников защиты Земной биосферы от чисто потребительского, хищнического отношения к ней со стороны современного капитализма».

В том же 2007-м о «русском национальном социализме» упоминает в своей работе «Социализм без ярлыков» в Интернет издании «Спецназ России» №6 (129) за июнь месяц Андрей Борцов в связи с анализом социологических опросов о социализме, где он также отождествляет его с «русским социализмом», с опытом Советского Союза:

<http://www.specnaz.ru/article/?1098>

«...выходом для русской нации в нынешней ситуации является не просто русский социализм, а русский национальный социализм. Впрочем, если социализм русский, то это значит, что он национальный, не так ли? Но для ясности стоило обозначить».

То есть «русский социализм» и «русский национальный социализм» вроде бы одно и то же. И даже слово национальный как вроде лишнее, плеоназм. Само сочетание «национальный социализм» вводит в подобное заблуждение в сопоставлениях с «русским социализмом», «немецким», «шведским» и т.д. На самом деле, понятие «национальный социализм» несет содержание гораздо шире, чем просто принадлежность социализма к какой-либо нации. Оно само по себе – то есть уникальная форма социализма, отдельная высшая эволюционная ветвь социалистического учения в ряду «социализмов», разных идейных социалистических течений – социал-демократия, марксизм, прудонизм и т.д. «Русский социализм», «шведский социализм» – это условные обобщения исторического опыта социалистического строительства в той или иной стране, с очень запутанной спецификой, течениями. «Национальный социализм» – это цельный, обособленный термин, фактически одно слово, отдельная идеология. Поэтому-то и необходимо обозначать дополнительную принадлежность к нации к «национальному социализму»: германский национал-социализм, русский национальный социализм. «Русский национальный» – это не «масло масляное»: сочетание делится на «русский» – относительное прилагательное и «национальный социализм» – неразделимое сочетание двух слов.

Продолжим далее наш обзор становления понятия «русский национальный социализм». Еще один пример из 2007 года – редакционная статья из журнала «Кром» «Эпоха национального социализма», в которой «русский национальный социализм» провозглашается застрельщиком нового этапа истории:

http://community.livejournal.com/revolution_ns/7833.html

«Общество, в котором русская земля будет принадлежать русскому народу; в котором Природа вновь станет для человека матерью, а не средством наживы; в котором природные богатства не будут расхищаться кучкой олигархов для того, чтобы поддерживать экономику других стран; в котором торгаши, воры и аферисты перестанут считаться героями; в котором богатеи не будут купаться в роскоши, в то время как трудящиеся могут позволить себе лишь самое необходимое; в котором честным рабочим не придётся стыдиться своего положения; в котором не будет места бюрократам и ростовщикам. Такое общество невозможно при господстве идеологии капитализма или при утопических интернациональных доктринах марксистского типа. Единением русского национального самосознания и русской идеи о справедливости станет качественно новый общественный строй – русский национальный социализм».

Или вот еще небольшой манифест «русского национального социализма» уже наших дней, гуляющий по ЖЖ:

http://oblog9igexa.blogspot.com/2009/05/blog-post_11.html

«За русский национал-социализм! Нет национал-буржуизму!»

Хватит оперировать понятиями «правые» и левые!»! Русский человек настолько масштабен, парадоксален и непредсказуем, что его мировоззрение нельзя ограничивать какими-либо форматами. Заимствованные извне идеологические штампы к нам неприменимы.

Настоящий русский национализм не может быть «правым» или «левым». Национальная справедливость не может существовать без справедливости социальной, национальное освобождение невозможно без освобождения социального. Идеологический консерватизм, традиционализм, империализм, антисемитизм и гомофобия должны сочетаться с лозунгами справедливого распределения доходов, полной национализации крупного и среднего производства, безусловного превалирования государственной (общественной) собственности, государственного регулирования и планирования, государственной монополии на внешнеторговую и банковскую деятельность, конфискации незаконно нажитого имущества.

Список врагов русского национализма не исчерпывается сионистами, извращенцами и нелегальными иммигрантами. Старый и однозначный враг русского народа – буржуй-эксплуататор. «Буржуазный национализм», «национал-капитализм», «национал-либерализм» – это псевдонационализм. По крайней мере, псевдорусский. Общинное сознание нашего народа предполагает заведомое неприятие западных либерально-капиталистических ценностей. Русский человек должен быть подлинным хозяином своей Земли и своего Труда».

Таким образом, до 2008 года «русский национал-социализм» был не единожды заявлен, получил определения разных авторов. Из недавних можно упомянуть определение «русского национального социализма» Я. Бутакова, которое он дал в своих «17 ответов с точки зрения русского национального социалиста»:

<http://www.rus-obr.ru/opinions/1590>

«Человек, пробующий рассуждать о русском национальном социализме, должен сразу уяснить себе, что связь с «национал-социализмом» тут чисто словесная. На самом деле, русская национальная социалистическая традиция, черпающая свои истоки в творчестве таких разных деятелей, как консерватор Константин Леонтьев и революционер Александр Герцен, это, прежде всего –

поиск особого русского пути к универсальной общественной гармонии. Поэтому русский социализм имеет вселенскую нацеленность, не знающую границ между расами и народами.

Но русский социализм, одновременно, отличается от интернационализма тем, что выделяет именно русский народ как главного творца нового строя для всего человечества. Даже такие радикальные русские социалисты, как Бакунин, отрицая государство, считали, тем не менее, что сами нации не исчезнут при социализме. Нация, следовательно, естественное единство людей. Аналогичным естественным единством, более высокого уровня, является раса».

Это определение также не выбивается из общего хора выше обозначенных тенденций в определениях и описаниях «русского национального социализма».

Можно даже обнаружить утверждение «русского национального социализма» в небольшом фельетоне сего года «Чем дышит будущее?» на сайте «Русское дело»:

<http://www.russkoedelo.org/novosti/>

«У нас же – да будет иначе! И не спустя двадцать лет. Русский национальный социализм разбудит великое созидательное творчество наших людей, если мы вырвем себя из нынешнего мрака, конечно. И тогда всего через десятилетие жизнь наполнится такими вестями:

«Свыше 30-ти миллионов Русичей воротилось с чужбины на Родину в ответ на призыв Великого Вече о собирании Русского Народа. Почти половина переселений произошла из украиноязычной провинции Евросоюза – бывшей «Незалежной Украины»...

«Казначейство Великой и Белой Руси оставило неизменной ежегодную ставку рублёвых ссуд для зарубежных заёмщиков: 18%. Запрет на взимание лихвы («процентов») по займам с граждан Руси остаётся неизменным»...

Тут уже понятие «русского национального социализма» становится литературным феноменом – его употребление становится шире, выходит за рамки историко-философского и строгого публицистического стиля.

Но политическое понятие не может исчерпываться лишь упоминаниями, определениями, декларированием, манифестацией, стилизацией. Оно служит для выражения концепции, то есть ему необходимо содержательное наполнение, чтобы стать действительно идеей, идеологическим течением. Что касается «русского национального социализма», то его расширенным содержательным аспектом как раз с 2008 года и по сей день активно занимается М. Калашников. Он уже без обиняков и намеков прямо пишет о «русском национальном

социализме», как таковом в целом ряде материалов: «Национальный социализм как русская перспектива», «Русский национальный социализм», «Диктатура развития и русский НС в СССР-2». Начинает Калашников как и большинство предыдущих теоретиков с «русского социализма» – подробно в работе «От деградации к подъему (опыты национального социализма)». Понятие «русский национальный социализм» еще не звучит, но все идет к сравнениям с национал-социализмом. Тут Калашников резко выступает против опыта Третьего рейха. Это понятно. Иначе невозможно будет легализовать эту идею, не прервав предыдущую традицию с ней связанную. Но возможно ли сделать это до конца? Калашников встраивает «русский национальный социализм» в свои уже довольно обширные и обстоятельно ранее проработанные идеологические теории по отношению к развитию «Государства Российского»:

<http://forum.msk.ru/material/lenty/467249.html?pf=4>

«Создавая русский национальный социализм, мы должны, конечно, выдвигать сильных, харизматичных вождей. Но при этом нужно создавать свои структуры коллективного думания и действия, свои сети и мозговые тресты. Надобно изобретать государство нового типа, аппарат управления на самых революционных, антибюрократических принципах, думать о технологиях местного самоуправления и превращения наших организаций в громадные, надличностные, разумные «мы». Ведь это и есть – дорога в мир завтрашнего дня, в следующую эпоху. В этом и заключается главный смысл русского национального социализма». (26.05.2008)

(Национальный социализм как русская перспектива)

В данной работе понятие «русского национального социализма» обретает содержание и прагматический характер.

Далее:

<http://m-kalashnikov.livejournal.com/20875.html>

«Это – русский национальный социализм, бесконечно далекий от гитлеровского НС: футуристический, нацеленный на построение реалий новой эпохи: Нейромира-нейросоца. Русский национальный социализм, враждебный примитивному гитлеровскому расизму, нацеленный на торжество людей-творцов над высокопримитивными полуобезьянами. Это – создание невиданного ранее типа государства, идущего на смену умирающему национальному государству и уродливым мутантам, «государствам экономики и политики! Сюда органически ложатся Пятилетки развития – и многоярусная экономика, включающая в себя и высшую креаномику, и социалистический сектор, и ярус свободного рынка. Здесь же – и применение высших психотехнологий и оргтехнологий для полного искоренения коррупции – равно как и для отбора людей высшего

качества. Здесь же – и антибюрократические технологии самоуправления – «разумные города» по Игорю Бощенко». (18.04.2009)

(Диктатура развития и русский НС в СССР-2)

Сама же статья «Русский национальный социализм» (17.04.2009) <http://m-kalashnikov.livejournal.com/17347.html> – содержит данное понятие только в заголовке, и посвящена она раскрытию его, как оригинальной идеологической концепции.

В чем-то М. Калашников повторяет Доброслава. Если у того «русский национальный социализм» в раскидистых ветвях родноверия, то у Калашникова вместо родноверия футурология. Насколько будет воспринята эта версия «русского национального социализма» пока что рано судить? Но внимания она заслуживает.

Во всех трудах упомянутых апологетов «русского национального социализма» неизменной также остается тенденция размежевания с германским национал-социализмом, утверждение собственной самобытности в пику гитлеризму, нередкое отрицание и осуждение опыта этого последнего. Кто-то делает это центральной темой, кто-то акцентирует на частных моментах и различиях. Избавиться от сравнений и ссылок на Третий рейх вряд ли удастся в ближайшее время. И трудно определить – насколько это нужно.

Александр Усовский, к слову сказать, смело апеллирует к созидательному довоенному опыту Третьего Рейха. И тем самым вполне свободно связывает с ним и понятие «русского национального социализма», цитируя в связи с ним АГ:

<http://www.usovski.ru/?p=446>

Наш русский национальный социализм – это не марксистский интернациональный социализм Ленина и Хрущёва; как известно, «марксизм отрицает в человеке ценность личности, он оспаривает значение народности и расы и отрицает, таким образом, у человечества предпосылки его существования и его культуры» – и поэтому мы изначально определяем, что строим своё общество и государство лишь для коренных народов России. Наша борьба за построение НС России не будет лёгкой, и впереди нас ждут отнюдь не розы – а только лишь кровь, слёзы и пот. Но если мы откажемся идти по этому пути – то очень скоро на некогда нашей земле будут жить совсем другие народы, для которых «русские» будут лишь персонажами смутных сказаний. Как писал Адольф Алоизович, «если же окажется, что тот или другой народ в своей борьбе за права человека потерпел поражение, то это значит, что он был слишком легковесен и недостойн сохраниться как целое на земле. Вечно справедливое провидение уже заранее обрекло на гибель тех, кто не обнаружил достаточной готовности

или способности бороться за продолжение своего существования. Для трусливых народов нет места на земле».

(Проблемы современного русского национал-социализма. Какой будет наша социальная политика?)

...Однако теории теориями, но любая идея ждет своего проявления, своего исполнения на практике. И в настоящее время «русский национальный социализм» уже берется либо частично, либо в основу деятельности и программных заявлений конкретными политическими движениями. 2009 год – год манифестации «русского национального социализма», его выход на открытую публичную политическую арену.

По-новому и серьезно взялся за судьбу идеи «русского национального социализма» пока что только «Руссовет». Они формируют «русский национальный социализм» с чистого листа, отменяя старые предрассудки, учитывая лишь позитивный опыт прошлого, делают его реальной политической идеей русского национального движения, заявляют о нем открыто, внедряют его как основу своей политической деятельности. В этом – в реализации и серьезном научно-практическом подходе – пожалуй, за ними приоритет. В «Итогах и перспективах Русского движения» отмечено следующее:

<http://russovet.org/2009-02-11-10-14-38/119-2009-01-06-19-52-28>

«За последние пол-года на политическом поле Русского национализма произошли кардинальные изменения. Идея Русского национального социализма, вложенная в антикризисные организационные формы Руссоветов и некоторых левых организаций, на сегодняшний день является единственной вразумительной альтернативой курсу неэффективного чиновничества и произволу олигархии, ведущей Россию к развалу, а Русский народ к катастрофе...»

«Под Русский национальный социализм теперь и будет переформатироваться всё Русское общественно-политическое движение».

«В сложившейся за последние пол-года кризисной ситуации РНС новый импульс для развития в качестве перспективной антикризисной идеологии. Так идея формирования органов антикризисного управления на местах воспринята некоторыми организациями Руссоветов и даже за его пределами. Уже в социал-демократических и прокоммунистически настроенных кругах намечается поворот к национальному самосознанию Русского народа и РНС, поскольку то и другое – закономерные следствия кризиса и реакция на него».

«Для РНС – это создаёт благоприятную среду поисков и выбора союзников. Причём, в отличие от стоявших на торгах между властью и центрами зарубежного влияния – национал-демократов, РНС имеют все возможности для реали-

зации собственных приоритетов в процессе отбора союзников слева. Абсолютная независимость РНС от каких бы то ни было финансово-политических институтов современного общества даёт ему такую возможность».

«...идея Русского национального социализма, вложенная в антикризисные организационные формы Руссоветов и некоторых левых организаций, на сегодняшний день является единственной вразумительной альтернативой курсу неэффективного чиновничества и произволу олигархии, ведущей Россию к развалу, а Русский народ к катастрофе».

Подобные установки широко распространены и в других документах «Руссовета». Именно участники «Руссовета» подвели итог многолетнего становления понятия «русский национальный социализм». Учитывая весь накопленный опыт, они смогли дать вразумительное идейно-практическое определение понятия «русский национальный социализм», и дали конкретные программные направления его развития – то есть снабдили его реальным идейным содержанием. О чем можно узнать на страницах сайта «Tabula Rasa» в одноименной статье «Русский национальный социализм»:

«Русский национальный социализм – это качественно совершенно иной, нежели прежде национал-социализм. Все что до этого было в истории, к нам не имеет никакого отношения. Русский национал-социализм не является преемником германского. Так что Нюрнберг старый мир пусть оставит себе. Мы умываем руки.

Мы строим свой собственный национал-социализм с чистого листа – «tabula rasa». Главное, что будет отличать наш национал-социализм от всего, что было ранее – его качество: он будет Русским. То есть он будет создаваться на коренных культурно-исторических, этнических принципах жизнеустройства русской нации: мирное освоение земель, раздельное неконфликтное сосуществование народов и рас на территории русского национального государства, в общем, на всем том, что нам дорого, как народу – ничего хорошего мы не забудем. Также русский национал-социализм будет примером внедрения в народное хозяйство самого передового научно-технического опыта, как отечественного, так и мирового...

...Русский НС (РНС) – высшая форма развития Русского национализма, в которой прогрессивные эволюционные традиции Русского народа обретают смысл безусловных национальных ценностей. Потребительские же или иные ценности предыдущих стадий общественного развития утрачивают в РНС свою безусловность и отмеряются исключительно по заслугам в достижении национальных».

На этом можно завершить обзор по понятию «русский национальный социализм». Ждем ваших отзывов по теме.

8. Этногенез и национал-социализм

Многие видели в национал-социализме новый всемирно-исторический идеал в смысле культуры и политики, новую форму государственного устройства, новый строй жизни нации. Но не заметили в нем намного далее идущую перспективу, вызванный им сдвиг в биологической истории человечества, эволюцию сознания ноосферы – национал-социализм явился преодолением этногенеза, его биологически обусловленности и порочной социально-экономической закономерности финала. Фактически национал-социализм явил нам преодоление человечества. Тезис Ницше «Я учу о сверхчеловеке» перестал быть абстракцией, определилась действительная сущность этого процесса.

Однако осознать в таком ключе роль национал-социализма было бы сегодня невозможно без учения Вернадского о ноосфере, без не менее колоссальной и трагической идейной борьбы Достоевского, без ясной теории этногенеза Гумилева – без русского менталитета. Немецкий ум не все прозрел и узрел. В этом плане он идеалистичен, мистичен и романтичен. Русский ум – это воплощение мистики в реализм. Попробуем по-русски осознать и раскрыть миссию национал-социализма в бытии.

Закономерность развития этноса наиболее четко была показана Львом Гумилевым в его теории этногенеза. Из нее мы исходим. В самом общем виде его этногенез представляет собой жизнь живого организма, этноса, выраженную фазами: упрощая – рождение, взросление, старение и смерть. В этом цикле, конечно же, нет ничего особо нового в исторической науке. Еще до Гумилева культурологи, историки и философы описывали аналогично развитие и закат цивилизаций, культур, империй. Заслуга Гумилева состоит в том, что он опирался в своей теории на органическую естественность: на биологическую компоненту, на пространство, опираясь на факты естественных наук. То есть мы получаем не просто объективность, но сознательность этих процессов – что именно и важно для дальнейшего разбора.

Очень уныло и пессимистически разворачивались трагедии мира в трудах Гиббона, Моммзена, Гобино, Ратцеля, Шпенглера, вплоть до Хантингтона. Неизбежный закат культуры, которой на смену идет дикость и варварство. Прогрессисты же, однако, не разделяли подобной скорби. Для них в историческом процессе личность является общим местом. В историзме «по спирали» одна эпоха сменялась на более экономически продуктивную, накапливались производительные силы, менялось общество, его социализация давала обновленные формы и структуры. Новое сменяло старое. Что тоже казалось вполне естественным и объективным. Но пессимистов мучила некая утрата, потеря блеска, золотого века. Исчезновение уникальности довольно длительного эпохального события, его наполнения, его форм. Но более всего их терзал уход из истории целого типа человека, фактически его смерть. То есть гибель народа и государства. Именно это их и заставляло страдать. Да, они также

делали вполне закономерный вывод – одна эпоха идет на смену другой, одни народы сменяют другие. Прогрессисты не видели в этом никакой печали и скорби через призму универсализма своих теорий: одна формация сменяет другую. Они нашли выход из тупика и одномерности истории – новая стадия социально-экономического развития: социализм или коммунизм с позиций общечеловеческого гуманизма. Но что же делать тем, кто по всем признакам ощущает грядущую смерть, прерывание преемственности. Кто эти другие народы, идущие на смену? Они молодые, но они же чужие, они не дети старых. Старые вырождаются вследствие декаданса, их потомство хилое – оно безжалостно ассимилируется, растворяется, аннигилируется. Ужас небытия для целого архетипа, для целой народной души!

Действительно, с прогрессистами можно согласиться – исторический процесс, как социализация и развитие экономики явление вполне позитивное, объективное, жизненное. Но что делать с явлением, ведущим к увяданию и смерти? Прогрессисты все обобщили и унифицировали, избавились от лишних индивидуалистических культурных переживаний. Пессимисты не смогли отделить развитие государства и общества, цивилизации в полной мере от развития этноса-народа – вырвать антропологию из истории, вычленив социогенез из этногенеза. Их безусловная заслуга в том, что они все же обозначили эту проблему, как ключевую в человеческом существовании. Теория Гумилева как раз успешно справляется с культурно-историческими нагромождениями, когда она ставит этнос во главу угла. Однако выводы Гумилева тоже не внушают оптимизм и не идут далее выводов народоведения Ратцеля. Он также становится заложником эсхатологической идеи. Этногенез заканчивается увяданием, редукцией, растворением. Конец и вновь начало – как слабая ироничная надежда состоящая в штрихах, в продолжении в других, во влиянии прошлого на будущее. Но, увы, не продолжение этого прошлого в будущем.

Печальный исход приводит к следующей дилемме – так ли важен прогресс и развитие, как важно само существование типа? Насколько для типа значимо возвышение в сравнении с его первоначальной основой, с его непосредственным существованием во времени. И почему же нельзя преодолеть условности этногенеза, заката, декаданса? Почему эти условности мешают продолжить род, сохранить народ?

Над этим уже давно задумывались. Платон и Аристотель – гении античности осознавали закат цивилизации, вырождение народа. И видели разрешение в своих моделях идеального государства, как формы существования народа. Аристотель видел некую политику – форму правления лишенную недостатков демократии и аристократии. Платон также воображал гармоничный союз черт бытования антагонистов Спарты и Афин: спартанских обязанностей и афинских свобод. Их умозрительные идеалы выдержали проверку временем, но не воплотились в реальности. Породили целый сонм утопий Нового Времени. И,

в конце концов, теоретики вычленили из этого идеала сам народ во имя улучшения общества, государства и гражданина. Что проявилось в либеральной и социалистической идее. В прогрессизме.

Вернемся вновь к телеологии трагедии. Самой впечатляющей иллюстрацией процесса гибели типа стала для Запада гибель Рима. Гобино, Чемберлен, Шпенглер, Ратцель, Гюнтер, Розенберг, каждый по-своему связывали крушение высокой культуры именно с фактором возвышения – социогенезом: насыщенным социально-историческим, экономическим и политическим процессом. В русле его бурных перипетий возникал хаос – расовый ли, народный ли, культурный. Прогресс начинал доминировать над основой, над первоначалом, давшим ему импульс. Государство, экономика, культура постепенно стали доминировать над расой и нацией. Экспансия вела к смешению пространств, отношений и соответственно народов. Импульс крови растворялся и со временем затухал, империи ветшали и на их руинах уже властвовали декаденты и новые орды неизвестных народов. Сопоставления с современностью давали и дают нынче также неутешительную картину будущего нынешней глобальной уже цивилизации, построенной белой расой после Рима. Бремя белого человека становится невыносимым.

Исходя из подобной исторической проекции традиционалисты – сторонники изначальности в ее совершенстве (фёлькиш, консерваторы и т.д.) попробовали пойти в своих взглядах в разрез с прогрессом, объясняя его инволюцией, регрессом. Сделав, таким образом, историю общества и культуры в целом процессом пагубным для типа. Тип в процессе социальной истории «изнашивается», смешивается, растрачивается начальная его чистота и сила. Таков вывод Гобино, такова же основа закона цикла Генона: от «золотого века» к «железному». Далее к неминуемому окончательному крушению в духе всевозможной мистики типа. Однако традиционалисты в своем стремлении к чистоте и мистической метафизике так и не представили до сих пор выхода из тупика этногенеза и декаданса. Эсхатология слишком большая ценность их жрецов. Они сумели отделиться от социума в космос, научились парить над землей и временами, стали «потусторонниками».

Центральной фигурой, попытавшейся в 19 веке преодолеть весь этот декаданс, пессимизм и вытекающий из него финальный нигилизм этногенеза и культуры стал, конечно же, Фридрих Ницше, который восстал как против «потусторонников», так и против всего современного ему, да и нам общества. Раскрыть всего Ницше не хватит и жизни. Поэтому отметим Главное – он потребовал от мира, от человечества Вечного возвращения к основе. То есть перманентного к ней движения. Единственной реальной основой, к которой стало возможным применить принцип Вечного возвращения, стала раса. Однако ни сам Ницше, ни его последователи, ни пангерманисты, ни арманисты, никто из тех, кто занимался Традицией тогда и сейчас, не преодолели смерти типа. Они нашли ценность расы, ценность традиции – колоссальный труд и

достижение, но не свет в конце тоннеля. Прогресс и Традиция оставались в непримиримом противоречии.

Выход же был найден провинциальным австрийским подданным из Браунау. Человеком страстным и увлекающимся, пусть и не обладавшим энциклопедическими знаниями, но ставшим «гением сердца» Нового мира. Он разработал и внедрил, пусть и не во всем совершенстве и изяществе мысли, Мироззрение вневременного типа. Миф. Миф существовал и ранее. Его изучали, его брали за основу, ему следовали. Но не ставили его как постоянную величину Настоящего. Он всегда был прошлым или основным, но не настоящим. Миф также следовал закону увядания. Теперь же Миф взял за основу вечное возвращение к первичности типа – расе. Идея непрерывности-перманентности через стремление к изначальности, к основе.

Национал-социализм бросил вызов смерти народа – финалу этногенеза, как когда-то давно Христос сделал вызов смерти человека – пессимизму античности, отравленному «малоазиатским» универсальным мировидением. То, что сделал Гумилев позднее в теории – поставил органичность на первое место – что дает нам сегодня новый метод для представленного тут анализа и оценок, то национал-социализм частично осуществил в мифе и на практике. Он стряхивал старую «басню об истинном мире» напроочь, во имя Нового мира, но при этом же возвращаясь к расе, сохранял тот же народ, что и всегда был. Другие не предполагаются ему на смену. Палингенез – новое рождение/возрождение – преодоление этногенеза стал понятен только сегодня (За эту истину спасибо англичанину Роджеру Гриффину). Именно через изучение «третьего пути» – фашизма и национал-социализма.

Объединив понятия этногенез-национал-социализм-палингенез, в остатке получим следующий итог. Народ – первичен. Он есть форма и движение государства, цивилизации, а не государство – форма народа. И существует народ для того, чтобы стать совершенной расой, а не совершенным государством. В этом именно порок увядания! Что цивилизация создается народом, а не народ возвышается цивилизацией! Государство – это средство! Экономика – это средство! Культура – это средство! То, что не разглядели пессимисты от истории, как впрочем, и прогрессисты всех мастей, опиравшиеся лишь на социогенез.

Последствия появления национал-социализма оказались еще более глубокими. Национал-социализм не отрицает через основу сам прогресс! Наоборот развитие должно было послужить перманентности основы, движению по пути к ней, по пути расы. Также как и основа, своим понятием о прошлом и грядущем «золотом веке», о его чистых понятиях справедливости, чести, уклада подталкивала прогресс на верный путь, на путь социальной справедливости, солидаризма разных слоев населения – в пику непрерывной классово-борьбе

и истории «войны всех против всех». Таково на самом деле внутреннее содержание национал-социализма – этого коренного переворота в истории человечества, ноосферы и биосферы, новый его этап развития.

Часть II. Раса

1. Расизм в Новейшей истории

Человек есть то, что он есть, – дикое животное с могучим инстинктом выживания и самосохранения.

Роберт Хайнлайн

Человеческое существование и развитие в историческом и экзистенциальном смысле содержит три основные составляющие: биологическая, социальная, экономическая. И три важнейших производных: из биологической (расовой и этнической) и социальной (социально-исторической) – психологическая и демографическая, из социальной и экономической – политическая. В дальнейшей своей совокупности они порождают самые разнообразные феномены человеческого бытия. Структуры существования и развития неразрывно связаны друг с другом, взаимозависимы. Их факторы перетекают с одной составляющей на другую, создавая и изменяя систему значимостей. Диспропорции и нарушения во взаимоотношении структур развития и существования ведут к различным кризисам.

Расизм нельзя назвать в общем и целом политическим движением и борьбой. Он всегда был чем-то большим, хотя и служил основой для всякого рода идеологического мировоззрения: как его опора или как его отрицание. Расизм связан в большей степени со стереотипами существования индивидуума, групп, этносов в своих моральных, культурных рамках, в своем способе жизни. Он в основании – борьба биологическая, и только затем политическая. Да, та самая дарвиновская догма плюс субъективная, экзистенциальная ее идентификация в общественном сознании. Коренная база для расистских положений и предрассудков вырастает из дорелигиозных архетипов сознания и далее развивается уже в самые разнообразные исторические формы и идеи. Это мировоззрение отменить невозможно, как и многообразие мира, и стремление к своеобразию и самобытности субъектов жизни. Но в расширенном обществе расизм обретает соответственно и более расширенное содержание: «Расистское понимание человека не может остановиться на простом биологическом уровне, иначе было бы правильным обвинение еврея Троцкого: расизм это «зоологический материализм»¹.

Современное состояние расистского мировоззрения переживает и обычные примитивные свои формы: любовь и ненависть к чужому, и существует в виде

довольно глубоких научных исследований в сфере антропологии. Немецкий философ Б. Баух справедливо отмечал по этому поводу: «Акцент на расовую идею вовсе не обязательно ведет к натурализму и материализму. Конечно, и эта идея может быть истолкована натуралистически и материалистически, то есть неверно. Но так можно истолковать любую идею»².

Что касается его политической жизни, то расизм существовал и в виде идеологии расового превосходства – нацизм, и в виде государственной и социальной политики – США (до полной демократизации в этой области социальных отношений еще далеко, они представляют собой своеобразие политической системы, как в ретроспективе, так и на современном этапе), и в виде интернационализма, интеграционных биополитических трансформаций – этногенез и становление государств в Латинской Америке и пр.: креолы, метисы, мулаты и т.д. Одно направление отрицало другое, но никогда не могло избавиться от действительной своей биологической основы.

Безрасовое общество на сегодняшний день – невозможно. Какими бы социальными стереотипами не воспитывали бы расовую терпимость, как бы ни преследовали противодействие этим стереотипам – традиционные расовые и этнические архетипы, акцент на индивидуальности и самосознании от индивида до крупных групп будет сохраняться всегда: на планете нет ни одного одинакового живого существа, но есть похожие и отличные. «Как бы сильно того ни желали «ревностные консерваторы», культурная война и расовый вопрос никуда в ближайшее время не исчезнут. Слишком многие заинтересованы в том, чтобы эти проблемы сохранились. Афроамериканцы и испаноязычные граждане США составляют сегодня четверть населения страны. Все чаще на президентских выборах они голосуют единым блоком. Наши масс-медиа также заинтересованы в сохранении и усугублении расового конфликта. Рейтинги и рекламные деньги требуют «ударных» новостей и материалов, а ничто – кроме войны, конечно, – не привлекает читателя больше, чем описание расовых конфликтов»³.

Расизм как термин в течение Новейшей истории используется по преимуществу с позиций ответной непримиримой нетерпимости. Данный подход к этой теме намерено ангажирован буржуазно-либеральными кругами в чисто пропагандистских целях. Посредством постоянных исторических аналогий и инсинуаций ведется травля и безапелляционное отождествление с расизмом таких сфер мировоззрения и исследований, как антропология, этноплюрализм, расология, расиализм – теория, «согласно которой раса – главная движущая сила истории»⁴, которые занимаются реальными объективными природными и социальными явлениями и их историческими закономерностями. Слово «раса» и «неравенство» – стали «тоталитарным табу» в обществе насильственной культурной уравниловки, социально-экономического неравенства и уничтожения национальных корней, во имя либерального утилитаризма, универсализма

и индивидуализма. Явления, стоящие в центре современных проблем человечества либо замалчиваются, либо предаются тотальному остракизму. В этом плане очевидно нарушаются права человека на свободу слова и свободу совести. Система этих «всеобщих» либеральных ценностей абсолютно не работает в сфере проблем, ею же созданных в последние годы. Либералы подавляли и не учитывали множество противоречий и социальных столкновений послевоенного периода. И теперь, вместо анализа, попыток компромисса, буржуазный либерализм страха ради иудейска выдвигает тотальную цензуру, запрет и политическое преследование, людей, ставших жертвами издержек либерализма и поднявших свой голос на защиту собственных прав. «...Если любое агрессивное поведение «расистское», расизм становится нормальным явлением, так как вражда, ненависть, агрессивность были присущи всем обществам во все времена. Если все расисты, то никто не расист. Столь расширительное толкование расизма делает неприменимыми законы против расизма»⁵. Современная модель общества рухнула. То за что «боролись» либералы (в большей степени за них это делали коммунисты), ими же сегодня и преследуется. Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем⁶.

То, что называют «антирасизмом», в принципе не существует. «Есть расизм, который абсолютизирует Иное, дабы создать Совершенно Иное, с которым никто не может иметь ничего общего. Есть другой, более извращенный расизм, который абсолютизирует Одинаковое и во имя Одинакового отрицает саму идею различий. Иное, таким образом, можно отрицать, уничтожая его отличие, или вообще отрицая, что существует иное. Подход разный, а результат один: уничтожение различий»⁷. Это политика своеобразного либерализма народов. Интернационализм и всякого рода терпимость в социальных отношениях. Такая политика общечеловеческих ценностей развивается в течение последних 60 лет в виде либерализма и демократизации общества. Она считается залогом современного процветания развитых стран, и поэтому эта политика стала доминирующей – государственной политикой многих стран. Многих, но далеко не всех. Что важно, так это то, что анти-расовая политика была не анти-расовой вовсе, а скорее социальной политикой равенства, частью тотальной либерализации общества, борьбой за права всякого рода меньшинств. То есть не было конкретного расового противостояния (кроме США и ЮАР), в либерализации были заинтересованы все слои общества. Именно потому, что реальные проблемы, возникшие в процессе либеральной интеграции общества, не брались в расчет, стали появляться движения противодействия – нео-движения разного толка. Либерализм пренебрегал идентичностью, самосознанием и стереотипами многих групп во имя своего универсализма. На сегодняшний день межэтнические и межрасовые конфликты и противоречия, которые накопились за время либерального развития общества, становятся центральной темой внутренней политики большинства стран Запада и прозападно ориентированных сообществ на весь 21 век.

«Антирасизм» также является преследованием и нарушением прав человека на собственную идентичность, самоопределение и суверенитет. Так называемый «антирасизм» отрицает принцип плюрализма в обществе (курение и алкоголь – морально-этически можно исповедовать, а любовь к своей идентичности почему-то нельзя).

Большинство нео-движений связывали с пережитками нацизма. К этим процессам не хотели относиться серьезно, не смотрели вглубь. На самом деле их появление связано с мощнейшими мировыми миграционными потоками, с послевоенной деколонизацией мира, перераспределением индустриального производства, рынка труда. Произошло грандиозное смешение культурных пространств на Западе: «сегодня сосуществуют цивилизации и культуры, находящиеся на различных стадиях развития... в этот момент сталкиваются различные цивилизации и постепенно вырисовывается образ нового человека. Этот образ прояснится только позже, но его элементы уже здесь, в бурно кипящем котле»⁸. Но вот что странно – после деколонизации мира, в деколонизированных регионах монокультурализм, моноэтнизм, моноконфессионализм стали доминирующими процессами. В Африке в 60-х гг. XX в. после освобождения многочисленных африканских стран от колониальной зависимости бывшим президентом Сенегала Л.С. Сенгором была создана концепция негритюда (расизма наоборот)⁹. Там происходит выхолащивание культурного пространства, и одновременно, эти регионы стали поставщиком мигрантов и культурного смешения для самых культурно развитых центров мира. За примерами далеко ходить не надо – в Чечне живут только чеченцы; Закавказье вышвырнуло всех русских и все русское из своей культуры; на всей территории постсоветского пространства также идет борьба с русской культурой. Что касается зарубежной деколонизации, то Запад ее уже пережил, а негатив спустил на тормозах, ради либерального процесса: просто всех беженцев там нормально, по-человечески приняли, им помогли, чего не скажешь о современной России. На гигантской периферии мира расизм, в классическом его антигуманном понимании, доминирует, хотя его всячески оправдывают тем, что это неразвитый Третий мир.

За последние 60 лет с окончания Новой истории проблемы, связанные с этническими, расовыми, демографическими, миграционными, культурологическими процессами человечества накопились в совершенно новом качестве и содержании. Они по-новому обусловлены – новая ситуация, новый дисбаланс. К концу 1980-х высокий уровень безработицы, увеличившееся количество иммигрантов и преимущественно «неевропейский» характер иммиграции привели к резким изменениям в европейских взглядах в политике¹⁰. Эти противоречия не могут детерминироваться имперским колониализмом, антисемитизмом, нацизмом прошлой эпохи. Они созданы эпохой буржуазного неоконсерватизма и неолиберализма, который также принял знамя интернационализма левых после Второй мировой войны. Но люди, оказавшиеся «по ту сторону»,

сегодня уже не несут какой-либо «вины» за прошлое – это уже новое поколение, и поэтому их «нетерпимость» к настоящему положению вещей в этой теме вполне обоснована и оправдана – их интересы не учитываются либеральным универсализмом, их мнение уже давно не спрашивают, даже, наоборот, оно осуждается, но аргументами давно ушедшей эпохи, грехами почивших поколений. Это очевидная антидемократическая дискриминация крупных этнических образований европейской цивилизации в угоду корпораций и меньшинств. С интересами большинства не считаются, а значит принцип демократии и либерализма очевидно извращен, что не удивительно для буржуазной цивилизации в целом.

Отправной точкой этих событий является «демографический взрыв» в середине 20 века в мире. «50-е годы стали переломными в мировом демографическом развитии, определили хронологическую грань в складывании сложной современной демографической ситуации. В 1950 г. численность населения мира составляла 2,5 млрд. человек, примерно десять лет спустя она достигла 3 млрд., в 1976 г. – 4 млрд., а в настоящее время – более 6 млрд. человек»¹¹. При этом продолжающееся с 60-х годов резкое снижение рождаемости в европейских странах поставило многие из них перед угрозой депопуляции. Удельный вес населения Европы в общей численности населения мира стал постепенно сокращаться¹². «Первую половину XX века народы белой расы составляли треть всех людей на Земле. К 1960 году их доля снизилась до четверти населения планеты. Сегодня на них приходится 10% населения Земли и 4% рождающихся детей. Белых народов стало меньше, чем китайцев»¹³. А в России это явление приобрело стремительные формы через одновременное падение рождаемости и увеличение смертности населения, что и создало ситуацию вырождения нации под названием «русский крест». «В России в ноябре 1992 года (впервые с XV века) смертность превысила рождаемость. За 1993-2005 годы ее население сократилось на 11 млн. человек и составило на 1 января 2006 года 142,7 млн. Главная убыль идет за счет русского народа»¹⁴.

На нынешнем этапе истории создаются условия для нового Великого переселения народов, способного уничтожить европейскую цивилизацию подобно Риму. Настоящий современный расизм (вернее было бы уже назвать его расизмом или этноплюрализмом) имеет совсем другое содержание, в отличие от старого расизма превосходства. «В настоящем расизме расовый фактор рассматривается как первичный, а не как один из множества других. Более того, подлинный расизм исходит из причинной, почти механистической взаимосвязи между расой и социально-культурной областью, причем первая определяет вторую. Расизм отрицает неравенство рас и это принципиально отличает его от расизма»¹⁵. Было бы правильнее рассматривать нынешние расовые проблемы не с позиций превосходства, а с позиций безопасности – национальной и культурной. «Фактором, увеличивающим возможность этни-

ческих конфликтов и, соответственно, повышающим роль этнической идентификации, являются миграции»¹⁶ – это очевидный вывод из сложившейся современной ситуации.

Обобщая все вышеизложенное можно сказать, что либеральная прозападная политика создала уникальные условия для развития новой формы расизма – панрасизма. Это ассимилятивный расизм, вернее его новая ипостась. Обычно ассимиляция, натурализация происходит по принципу меньшее вливается в большее. То есть большее образование (нация, суперэтнос) включает в себя меньшие группы, диаспоры, кланы и т.д. Типичным примером является Америка. Ее общество полностью построено на данном принципе, однако своеобразие было создано за счет иерархии этих групп. Новая ассимиляция происходит по принципу многочисленное маленькое растворяет единое большое. Большие группы распадаются до беззащитных и безликих индивидов. Маленькие группы не распадаются, наоборот, государство наделяет их правом не распадаться, сохранять своеобразие, а большим группам в этом праве уже отказано. Разного рода меньшинства умудряются обосновывать свою экспансию тем, что они, видите ли, жертвы того или иного большинства в историческом плане, хотя страдали не они, а лишь некоторые из их предков. «Ситуация с гражданскими правами привлекает и адвокатов. Новость о том, что где-то нагрубили чернокожему клиенту или отказались его обслужить, для адвоката равноценна выигрышному билету лотереи... Расовый рэкет набирает обороты и из проблемы национальной превращается в мировую. В Дурбане, Южная Африка, в сентябре 2000 года проходила под эгидой ООН международная конференция «Мир против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и нетерпимости». Цель конференции: добиться от США официальных извинений за «трансатлантическую работорговлю» и согласия выплатить десятки миллиардов долларов «репараций» афроамериканцам за совершенные предками нынешних белых граждан США «преступления против человечности»¹⁷. Они требуют себе *привилегированной безопасности* у государств от большинства, которыми оно управляется. Даже требуют компенсации за геноцид и колониальную политику, требуют признать и не оспаривать своей трагедии у общества. Эти требования закрепляются на международном уровне в разного рода декларациях прав меньшинств: *Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам от 18 декабря 1992 года, Рамочная конвенция о защите прав национальных меньшинств от 1 февраля 1995 года* и т.д. Уместно спросить, почему нет ни одной декларации прав большинства? Почему все обязаны признавать геноцид евреев как меньшинства в годы Второй мировой войны, но никто не говорит о геноциде русских в то же время. «По нашему убеждению, утверждать, что какой-либо народ, народность, или национальная группа «страдала больше, чем кто-либо на свете на протяжении всей истории человечества», – значит не только намеренно, в угоду низменным националистическим устремлениям извращать факты прошлого, но и сознательно вставать на позиции расизма,

лишь вывернутого наизнанку, воспитывать открытую или затаенную неприязнь ко всем и вся сеять рознь»¹⁸. Расистское *превосходство возвышенности* сменилось *моральным жертвенным превосходством* ради привилегий и преимуществ за счет других. Вот чем сейчас занимаются разные диаспоры в Европе. Их представители иезуитски утверждают, что «...в большинстве известных случаев лидирующая роль представителей этнического большинства в интеграции общества сопровождалась отказом от требований прерогатив для себя»¹⁹. А может быть им эту «лидирующую роль» навязали лоббисты от разных продажных элит? Чем подтверждается со стороны большинства отказ от прерогатив для себя? Каков позитивный результат этого отказа? Расовое европейское большинство выставляют дураками с «лидирующей ролью» либо выслушивать бесконечные упреки и требования со стороны мигрантов, которые у себя на родине не хотят работать и отстаивать свои права. Либо получать и терпеть за отказ от прерогатив для себя этническую мафию, сепаратистский шантаж и хамские нападки на традиции этого большинства со стороны этнических меньшинств, желающих со своим первобытным мировоззрением и гонором, иметь достижения развитой нации.

Для иллюстрации этой формы расовой и этнической дискриминации возьмем для начала Францию. Там каждый гражданин – француз, несмотря на национальность. Французы ради идеи равенства отказываются от своей идентичности и своеобразия в пользу всех остальных – не французов, которые в свою очередь сами не отказываются и даже борются за свою идентичность – религиозную, национальную, культурную – при этом, не признавая и отрицая любую французскую самобытность в своей жизни. То есть самих французов, как коренного народа уже не существует. Они влились в суперэтнос с аналогичным названием, растворились в нем, в то время как остальные только де-юре признают себя частью этого суперэтнуса, не хотят растворяться в нем. Налицо этническое и расовое лицемерие и дискриминация титульной нации. Что блестяще подтвердилось антифранцузскими погромами в Париже, Марселе и по всей Франции в 2005 году. Каждый француз говорит «я француз» и живет как француз, араб, алжирец, негр тоже говорят «я француз», но жить продолжают как араб, алжирец, негр, считая это своим неотъемлемым правом, требуя от правительства большей заботы к себе именно по причине своей национальной, расовой и религиозной исключительности. Им настоящие французы не указ и вообще мешают жить. «Здесь с неумолимостью физической закономерности проявилось действие сформулированного еще в 1930-х гг. «закона Хансена», который гласит: «Иммигранты третьего поколения вспоминают то, что пытались забыть иммигранты первого и второго поколений»... Потомки иммигрантов не хотят мириться с неравенством своих возможностей в стране, где они с рождения должны обладать равными правами с коренным населением. Они не могут реально оценивать ситуацию на своей исторической родине, но им необходим мифологический образ «идеальной прародины» и славных культурных традиций как способ повышения самоуважения и самоутверждения.

Эмигранты третьего поколения не стремятся, как их деды и отцы, стать «настоящими французами», многие из них выпячивают свою особенность, опираясь на этнические и религиозные традиции, отвергнутые первым и вторым поколениями»²⁰. Заметим также, что на исторической родине этих мигрантов французы преследуются и за свою культуру и за свою религию – это вроде как издержки колониального прошлого. Там французом быть и опасно, и позорно.

Если же во Франции или Германии кто-то вдруг возмутится пренебрежением к своей отечественной культуре, к своему экономическому положению, к равнодушию со стороны правительства к коренным интересам страны и ее аборигенов – он расист, нацист, фашист. Если кому-то из «обиженных жизнью» иммигрантов не понравится, хотя бы слово, поступок, рисунок, они сразу кидаются яростно, с ненавистью и первобытной нетерпимостью громить сонных бюргеров Европы, обвиняя их во всех грехах на свете. А те должны терпеть. Все ради либерализма. Мусульманские общины – будь то турецкая в Германии или алжирская во Франции – не интегрировались в принявшие их культуры и практически ничего для этого не делают²¹. Исламистские погромы в Европе происходят все чаще. Быть французом, немцем, датчанином можно только потихонечку, только по праздникам: таков удел наследников могучих нибелунгов, неукротимых галлов, яростных викингов – уж они-то арабам показали! Их потомки выбирают политическую и этническую эвтаназию – последнюю гуманитарную ценность современной Европы, соглашаясь гуманно отказаться от своей собственной идентичности, быть не хозяевами, а никем в своей стране среди сонма гостей, на родине которых их презирают. Этому даже Иисус Христос не учил.

Нельзя относиться аналогично к людям с другим мировоззрением. «Чтобы на земле восторжествовало равенство, надо сначала очень четко договориться: отнюдь не все люди равны перед богом. И винить их в этом нельзя. А уповать на моментальное перевоспитание даже не глупо, а преступно»²². Они станут «такими же, как все людьми», когда сами начнут думать так, а не лицемерить и кланчить себе привилегий, прикрываясь «общечеловеческими ценностями», и при этом культивировать местечковый изоляционизм, навязывать остальному обществу свой менталитет, стереотипы и обычаи – далеко не «общечеловеческие». «Мир близких людей сужается, а чуждые сообщества, о которых известно немного, становятся все опаснее. Поэтому понятие «чужого» обретает невиданную мощь и силу – не в последнюю очередь потому, что все мы сталкиваемся с вызовами и неопределенностями, которые делают нас чужими»²³.

Проблемы современной иммиграции и иммигрантов возникают вовсе не там, куда они приезжают – там они продолжают, а, прежде всего, в тех странах, откуда они уезжают: «новая волна миграции была отчасти результатом деколонизации, образования новых стран и политики государств, которые поощ-

ряли отъезд людей или вынуждали их делать это»²⁴. Вот где источник современного экстремизма: антидемократия и бедность, идеологическая предвзятость, нетерпимость и насилие на периферии. Почему «местным» – принимающей стороне приходится отвечать за провалы политиков стран-доноров миграции, за провал их национального самосознания – они хотели свободу, они её получили, почему мигранты бегут от своего суверенитета? Все издержки и упреки почему-то сыплются на головы принимающей стороны, ни коим образом не сообразуясь с ее проблемами и культурными устоями. Либеральные правозащитники до сих пор замалчивают и «не обращают внимание» на подлинные причины миграций. Объяснение лежит у них лишь в абстрагированных от людей понятиях экономической науки. А между тем, политические деятели, создавшие у себя невыносимые условия жизни для своих соотечественников ответственности не несут. Этот груз, еще раз повторимся, был переложено полностью на принимающую мигрантов сторону. Зачастую, люди, которые мигрируют в европейскую цивилизацию, едут не только по экономическим соображениям, многие из них преследуются по национальным, религиозным, сексуальным и другим «ксенофобским» признакам у себя на родине. Но отвечать за эту антидемократию приходится европейцам, никто не призывает к ответственности, толерантности государства-доноры мигрантов перед мировым сообществом.

Почему бы «глобальному» человечеству (в лице, например, ООН) не позаботиться о «правах человека» на периферии человечества, а не только находить правозащитные фетиши в столкновении культур? Почему требования в отношении культурности и толерантности должны повышаться к принимающей стороне, а не к приехавшим? «В отношении тех регионов и стран, где царят хаос и насилие, имперские державы должны быть вполне определёнными в своей политике. Если правительства этих стран могут быть низложены мирно, необходимо пользоваться этой возможностью. Если для их отстранения от власти необходимо прибегнуть к военной силе, не следует интересоваться мнением всех и каждого. Нужно восстановить понимание цивилизаторской миссии западного мира и следовать этой миссии. Нужно обратить миграционный поток вспять»²⁵.

Деколонизация, о которой упоминалось выше, была очень жестким, порой жестоким процессом – она в значительной степени искупает предшествующую ей колонизацию. Также ее издержки искупает тот факт, что колонизаторы оставили после себя довольно значительное высококультурное наследие и развитые социальные инфраструктуры (в сравнении с доколониальными), которые во многом обусловили возникновение национального самосознания и идею суверенитета в бывших колониях. В нынешней миграции нет такого прогрессивного культурного посыла. Наоборот, этот процесс очень ретроградный, трибалистский, реакционный и примитивный. Он подрывает идею национального суверенитета современных высокоразвитых культур. И это нагло препод-

носится как прогрессивный феномен космополитизации и глобализации общества разного рода буржуазно-либеральными идеологами. Причем этому придается абсолютно объективистский, спонтанный, исторически закономерный и правомерный характер. Мол, все само собой происходит, это эволюция. «Право общностей на защиту своего культурного наследия не означает права на защиту своих привилегий... Нам всем нужна борьба за обеспечение мигрантам подлинно равного доступа к экономическим, социальным и (обязательно!) политическим правам в той зоне, куда они мигрировали. Я знаю, что здесь будет грандиозное политическое сопротивление на основе защиты культурной чистоты и накопленного права собственности. В заявлениях государственных деятелей Севера доказывается, что Север не может взять на себя экономическое бремя всего мира. А почему собственно нет? Богатство Севера в очень большой части – результат перекачивания прибавочного продукта с Юга. Именно этот факт в течение нескольких веков вёл нас к кризису системы. Это вопрос не благотворительности, а рациональной перестройки»²⁶. А почему бы собственно европейцам подобно борцам за свободу Африки и т.д. не сопротивляться обратному перекачиванию прибавочного продукта и «рациональной перестройке»? Йорг Хайдер хуже Нельсона Манделлы потому что он белый?

То же самое смешение котлеты с мухами происходит и в России. Для русских этот процесс гораздо тяжелее. Французы, например, всегда были суперэтносом. Франция включает 13 исторических этнических областей: Бургундию, Нормандию, Гасконь и т.д. Поэтому для французов их название было всегда условным. Для русских же понятие «русский» всегда ассоциировалось с единством одного народа и страны. Единство решало любые противоречия, даже этнические. Даже те, кто не считал русскими и другие народы, все равно не утверждали различия. Идентичность была связана именно с единством. Этническая картина Российской Федерации является достаточно пестрой в расовом аспекте, так как здесь проживают свыше 130 наций, народностей и этнических групп (самый большой этнос – русские – насчитывает 120 млн. человек, самая маленькая этническая группа – керки – около 100 человек). В составе населения России этнологи насчитывают 10 малых рас. Это объясняется тем, что в нашей стране проходит граница между основными ареалами распространения двух больших рас – европеоидной и монголоидной. Процессы расового смешения имеют здесь многовековую историю, поэтому населению России никогда не был свойственен расизм как неприятие представителей какой-либо расы²⁷. Русские вроде бы со всеми жили в мире, но вот пришел мировой либерализм. И все сразу прозрели свою историческую исключительность, уникальность, самосознание и идентичность.

В то же время либеральная отмена национальности как признака идентичности, наделение гражданством всех подряд, отрицание и замалчивание любых проблем, связанных с миграционными процессами, с рынком труда привели коренное население к обезличиванию и бесправию. Они в отличие от меньшинств не имеют права бороться за свое самосознание, за свою идентичность.

Почему? Вывод прост – раз их много, они могут стать фашистами. Поэтому их бесправие закономерно. То есть надо тоже стать меньшинством, тогда можно самоопределяться.

Россияне – это все, кто живет в России. Раньше слово «россияне» было синонимом слову «русский». Даже при Советском Союзе в его интернационалистской патетике, национальное самосознание и идентичность самого крупного коренного народа никогда не низводились до такого убогого состояния, как в современной Российской Федерации. Русский человек – был «старшим братом в большой семье народов». Национальное своеобразие, пусть и довольно оригинально, прославлялось. Советский послевоенный интернационализм идеологически выступал главным образом против конфликтов на национальной почве, которых в постсоветской России и на остальном постсоветском пространстве хоть отбавляй. Миллионы беженцев из СНГ, работоторговля, исламистская экспансия, война в Чечне, конфликты в Осетии и других кавказских республиках, политика национальной и культурной исключительности исповедуемая многими субъектами федерации (Татарстан, Башкортостан) свидетельствуют о процветании расизма (этнизма) в Российской Федерации. И погромы были, только их замалчивают.

Почему это расизм, а не национализм? – Потому что очень отчетливо прослеживается именно биологизм этих процессов. «Расизм — это движущая сила национализма... Расовая теория оживляет чувства, которые восходят к донациональным формам общества»²⁸. Все антропологические (включая и расовые) и этно-культурные признаки самого архаичного содержания используются именно для утверждения своей исключительной идентичности, вместо высоких культурных достижений развития нации.

Русским беженцам даже в названии на своей родине отказывают – они русскоязычные. «Здесь слово русский – неполиткорректно»²⁹. Россия окружена чисто националистическими, агрессивными государствами, приезжие из которых требуют от российского правительства уважения их интересов и традиций, обвиняют русских в расизме, нацизме и пр. по малейшему поводу. Многие из мигрантов не бежали от своих соплеменников по политическим причинам. Они приехали сюда жить, зарабатывать. Они ежегодно вывозят миллиарды долларов в свои исторические родины. Но бесхребетная либеральная политика дает им возможность добиться большего – создать Россию без русских. То есть эти люди имеют права получать власть во всех государственных органах. Для них борьба с «великорусским шовинизмом» это уже не защитная реакция, а агрессивная стратегическая задача. Они все россияне, но ни один из них не русский. Все они против русских. А русские должны смириться с навязываемым им либеральным правительством существованием и влиться всем своим стомиллионным организмом в «дружную» карликовую семью всех остальных россиян. Ничтоже сумняшеся всяческие либеральные доброты и

правозащитники вдалбливают русским, что иммигранты и этнические меньшинства приносят пользу стране, от них зависит экономический рост государства, а коренное население испокон веков «пьяное и ленивое». То есть 30 млн. иммигрантов и этнических меньшинств кормят 110 млн. русских. Абсурд!

Таков новый ассимилятивный расизм – большое растворяют малым. Идет процесс постепенной эрозии всей европейской цивилизации. Ее шаг за шагом плавят ферменты чужих цивилизаций в виде всяческих диаспор, кланов, религиозных конфессий. «Многие меньшинства не желают интегрироваться, образуют кланы, и каждый клан выбирает свой район, который становится его центром, часто недоступным: вот мы и имеем средневековый квартал – «контраду».... Клановый дух возрождается также и в среде имущих классов. Которые под впечатлением мифов о природе удаляются от города, в район садов со своими независимыми супермаркетами, давая жизнь другим типам микро-социумов»³⁰. Кстати, слово «раса» с английского переводится как «порода», поэтому расизм можно рассматривать и не только как межэтническое противостояние, но и как классовую борьбу: любой элитаризм и аристократизм, чтящие избранность и родовитость – это своеобразный «социальный расизм».

Мигранты не несут прогресса и развития европейцам. Они лишь потребляют все европейское, хотят собственного развития: политического, потребительского, но не интеллектуального, созидательного. И уже открыто выражают свою неприязнь к дальнейшему развитию европейцев. Но самое главное – они открыто проявляют свою расовую и этническую неприязнь к европейским народам у них же дома и очень агрессивно. Кто этого не замечает в последнее время? Только либеральная и экономическая элита. Их заботит только экономика и собственность, до биологии им дела нет.

Европейская цивилизация теряет свою самобытность и содержание, остаются только названия «француз», «россиянин», «германец», которые по окончании этого процесса будут изуродованы чужими языками до неузнаваемости и, в конце концов, выродятся в фольклорный фантом с уничижительным или юмористическим оттенком: «город наполняется иммигрантами, но лишается своих старых жителей, которые используют его только для работы, а затем бегут в пригороды (все более укрепленные после кровавых событий в Бель-Эр). В Манхэттене скоро будут жить только негры, в Турине – только южане, в то время как на окружающих холмах и равнинах вырастают родовые замки, со всем этикетом добрососедских отношений, взаимным недоверием и торжественными поводами для церемониальных встреч»³¹.

Известный «антирасист» Айзек Азимов в стиле классического расизма рассуждает о необъективности и беспочвенности европейского расового превосходства: «За последние 6 тысяч лет большую часть времени Азия и Африка были, фактически впереди Европы. Передовые цивилизации развивались в Египте, на Ближнем Востоке, в Индии и в Китае, в то время как европейские народы

практиковали человеческие жертвы и красили себя синей краской. В будущем вполне может случиться, что другие группы, а не европейцы снова возьмут на себя инициативу»³². И что же даст им такую возможность как не превосходство? Почему европейцы должны уступать и во имя кого? Но «места» во всемирной истории не даются даром – нужно уметь их взять, нужно на деле доказать свое преимущество перед старыми обладателями и новыми претендентами³³. Таким образом, расовый вопрос возвращается на круги своя, где лишь «одна только наследственность достаточно сильна для того, чтобы вступать в борьбу с наследственностью»³⁴.

Все вышеизложенное лишь подтверждает изначальный тезис: Расизм не просто политическое движение. Расизм – это биологический и соответственно культурно-исторический процесс, который в разном виде опосредуется или приспособливается самыми разными идеологиями для определенных социально-экономических и политических целей. Расизм отражает один из наиболее древних и важнейших процессов биосферы – отбор.

¹ Эвола Ю. Раса как революционная идея. – <http://marsjada.ru/359/407/435/438/>

² Zeitschrift für deutsche Kulturphilosophie, Bd. 2 (1935) s.206.// Мальчевский Н. Каждому – своё. О немецкой философии в период национал-социализма. – <http://russamos.narod.ru/03-last-3.htm>

³ Бьюкенен П. Смерть Запада. – <http://libereya.ru/biblus/bukenen/>

⁴ Бенуа А. Что такое расизм?

⁵ ibid.

⁶ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – С.93.

⁷ Бенуа А. Что такое расизм?

⁸ Эко У. Средние века уже начались//Иностранная литература. – 1994. – № 4. – С. 260.

⁹ Садохин А.П. Этнология: Учебник. – М.: Гардарики, 2000. – С.103.

¹⁰ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций/С. Хантингтон. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С.309.

¹¹ Шелестов Д.К. Историческая демография. – М.: Высш. Шк., 1987. – С.145.

¹² ibid. С.144.

¹³ Голубчиков Ю. Русский народ убывает//»Природа и человек» («Свет»). – 2007. – №3. – С.4.

¹⁴ ibid.

¹⁵ Бенуа А. Что такое расизм?

¹⁶ Волкогонова О. Этническая идентификация и искушение национализмом/О. Волкогонова, И. Татаренко. – <http://www.philosophy.ru/library/volk/ident.html>

¹⁷ Бьюкенен П. Смерть Запада. – <http://libereya.ru/biblus/bukenen/>

- ¹⁸ Иванов Ю. Осторожно: сионизм!/Ю. Иванов. – М.: Изд-во политической литературы, 1970. – С.27.
- ¹⁹ Паин Э.А. Этнополитические условия гражданской интеграции российского общества//Общественные науки и современность. – 2006. – №6. – С.27.
- ²⁰ *ibid.* С.24.
- ²¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С.311.
- ²² Семенов Ю. Семнадцать мгновений весны. – М.: Издательство «Известия», 1980. – С.238.
- ²³ Ulrich Beck. The Cosmopolitan Vision. Cambridge (UK); Malden (Ma.): Polity Press: 2006, IX + 201pp. – p. 110.//Иноземцев В.Л. Ульрих Бек. Космополитический взгляд.//Вопросы философии – 2006. – №11. – С.182.
- ²⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – С.308.
- ²⁵ Иноземцев В.Л. Бремя белого человека//Независимая газета. – 2003. – 25 ноября.
- ²⁶ Валлерстайн И. После либерализма. – М., 2003. – С.250.
- ²⁷ Садохин А.П. Этнология: Учебник. – М.: Гардарики, 2000. – С.101.
- ²⁸ Эвола Ю. Раса как революционная идея. – <http://marsjada.ru/359/407/435/438/>
- ²⁹ Фраза из песни К. Кинчева (Альбом «Изгой», 2006 год).
- ³⁰ Эко У. Средние века уже начались//Иностранная литература. – 1994. – № 4. – С. 262.
- ³¹ *ibid.* С.262-263.
- ³² Азимов А. Расы и народы/А. Азимов, У. Бойд. – М.: «Центрополиграф», 2005. – С.194.
- ³³ Устрялов Н.С. К вопросу о русском империализме//Журнал внешней политики и права «Проблемы Великой России», No15, 15 (28) октября 1916 года, сс.1-5. – http://thelib.ru/books/ustryalov_nikolay/k_voprosu_o_russkom_imperializme_1916-read.html
- ³⁴ Лебон Г. Психология народов и масс//Психология толпы: социальные и политические механизмы воздействия на массы. – М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – С.48.

2. Путь расы

(Русская народ и «принцип крови»)

Чистота расы. По-видимому, нет чистых, есть только сделавшиеся чистыми расы, да и эти очень редки. Обыкновенно же бывают смешанные расы, у которых рядом с дисгармонией телесной (например, если глаза и рот не соответствуют друг другу) должны быть и дисгармонии привычек и понятий (Ливингстон рассказывает, что он слышал, как говорил кто-то: Бог создал белых и черных людей, а дьявол создал смешанные расы). Скрещивание рас ведет к скрещиванию культур и к скрещиванию моральных взглядов: такие расы бывают, большей частью, злыми, дикими, беспокойными. Чистота – последний результат бесчисленных приспособлений, усвоений, выделений, и прогресс в чистоте обнаруживается в том, что сила, существующая в расе, все более и более **ограничивается** отдельными избранными функциями, между тем как прежде ей приходилось действовать слишком много и часто в функциях противоположных: такое ограничение будет иметь наружность **обеднения** и должно быть критикуемо осторожно. Наконец, если процесс очищения удался, вся та сила, которая прежде тратилась на борьбу дисгармонических качеств, начинает служить теперь общему организму, – поэтому сделавшиеся чистыми расы всегда бывают **сильнее и красивее**. Греки представляли собой образец расы и культуры, достигших чистоты, можно надеяться, что достигнет чистоты и европейская раса и культура.

Фридрих Ницше «Утренняя заря»

В последнее время возникло немало разного рода теорий и гипотетических построений о том, как *должно* быть устроено общество, живущее на основе идеи расы, как главного движущего социального и исторического начала. Большинство мнений расовых теоретиков сходятся в том, что иерархическая структура нового общества будет зависеть от *чистоты расы*. Этим идейным построениям даются научного плана объяснения, но в основном они схематичны и оторваны от реальности, из которой им предстоит вырасти. В этих расовых «городах солнца» все проблемы смешения решаются радикально, как нечто само собой разумеющееся, будет чудесная расчудесная элита, будут царить законы природы, неравенство, будут Варны и т.д. Порой эти умопостроения доходят до полного бреда: так *должно* быть и все тут. Реальность же ставит себя так, что она никому ничего не должна. Она учит, что всего этого предстоит достичь, что за расу предстоит бороться с нынешней далеко не эфемерной системой мира, какой бы неправильной она не казалась. И здесь мне бы хотелось затронуть серьезные аспекты, касающиеся именно политики борьбы за расовую идею. В реальности надо определиться с силами и с людьми, которые будут на стороне расы, поддержат эту борьбу, с конкретной перспективой развития расы, и соответственно с политикой противодействия тем, кто против идеи расы и против представителей расы – т.е. враги.

Прежде всего, необходимо собрать разрозненные расовые силы. Я хотел бы затронуть проблему чистоты русского народа. Споров здесь много, но по-моему следует в первую очередь избавиться от излишней предвзятости и найти решение, работающее на консолидацию нации вокруг «принципа крови».

Для русского человека часто очень трудно доказать свою расовую и национальную идентичность в 3-5 колена. Это связано с индустриализацией русского народа (разрушение традиционализма), с огромной территорией освоения пространств России, с отсутствием какой-либо в истории России государственной политики, основанной на «принципе крови».

У Г. Гюнтера, чье мнение, впрочем, как это не покажется удивительным, разделяют и советские антропологи, русский человек далеко не всегда напоминает арийца. У него таков лишь великоросс северных областей Восточной Европы. Только таким видят настоящего русского человека многие ревнителы расовой чистоты. Но означает ли это, что остальные русские всего лишь биологический мусор? К каким бы изощренным аргументам не прибегали сторонники ортодоксальной ариософии, исторические победы русских как с арийской, так и неарийской внешностью показывают их весомую значимость в Европейской цивилизации, их мужественный и непреклонный характер.

Естественно то, что у расы существует мощное творческое, животворное ядро. Ядро поддерживает стабильность и направляет экспансию расы. Однако именно через экспансию возникает и периферия расы. Периферия осуществляет расовую экспансию в интересах центра, но и создает барьер, ограждение от пагубных влияний извне на ядро, сдерживает чуждые вторжения. Разложение расы начинается именно с проникновения чуждых элементов вовнутрь, в центры расы. Рыба, как обычно, гниет с головы. Смешения на периферии не так пагубны, а порой и полезны. Периферийный расовый тип, имеет хотя и меньше творческой силы, но больше способностей к сопротивлению. Его значимость недооценивается, им пренебрегают как менее чистым, и в этой неприязни «менее чистых» чаще всего не замечают, что рядом становится все больше и больше «чужих». Так происходит практически всегда из-за ослабления периферии, из-за отсутствия разумной взвешенной политики ее поддержки. Отталкивая «близких», ядро создает пространство для чужих, вместо того, чтобы подпитывать периферию, и из нее самому черпать *здоровые* силы. Культурно-расовый тип должен стремиться к внутреннему единству, а не к жесткой диверсификации, ведущей в итоге к хаосу.

Если людей оценивать жестко – то есть уже сейчас – по «принципу крови», привязывать к длинной цепи предков «истинного», «коренного» происхождения, то получится процесс, схожий с тем, что осуществляли коммунисты, исследуя в каждом человеке «пролетарское» и «крестьянское» происхождение на предмет полноценности и лояльности к власти. Такой метод – несправедлив

и несвоевременен. Он делает «неполноценными» гражданами огромное количество русских людей. То есть они будут урезаны в правах и в возможностях роста, как некогда лица не пролетарского происхождения – преимущественно самая интеллектуальная, трудоспособная часть населения. Также и с русскими людьми, живущими на окраинах, периферии страны, которых непродуманная политика государства привела к незначительному в процентном соотношении смешению с коренными народами этих окраин. Они будут ограничены в правах по отношению к тем, кто живет в столицах и центральных областях страны – очагах расовой и этнической однородности. А между тем целые поколения их предков осваивали самые трудные территории страны – Север, Сибирь, Дальний Восток, собрали мощнейший потенциал ресурсов и территорий для России. Они – те, кто создавал ее современный геополитический облик. Это люди – трудолюбивые и с высокими адаптивными способностями. Вряд ли многие кабинетные белоручки-антропологи сверхчистых идей способны долбить вечную мерзлоту, работать на вахте, создавать основу экономической политики государства. Для этого нужны люди любящие почву и труд, а не эфемерность теорий – нужны крепкие и здоровые силы народа. Получается, что опять самая продуктивная прослойка населения окажется бесправной и безвластной по отношению, прежде всего к «москвичам». Они будут осваивать, и поддерживать сложные в климатическом и геологическом плане инфраструктуры страны, сохранять её протяженные границы в угоду белоручек из центра, «ядра», и не иметь прав. Потому, что какой-то из их предков, опять же из-за «мудрой» политики этого центра был вынужден породниться с аборигенами, но абсолютно не утратил при этом своего исторического чувства, языка, да и во внешности. Приобрел только необходимые для местной адаптации качества (гены). Опять же известно, что и без смешения на длинную цепочку наследственности влияет окружающая среда: питание, вода и т.д. вплоть до космических излучений – меняется биохимическое содержание организма и соответственно внешний облик: цвет волос, глаз, кожи. Поэтому русский тип – его образ внутренне разнообразен, но духовно он един. Большинство этих людей не ассимилировались с аборигенами, а скорее благодаря индустриальному натиску ассимилировали последних. Свидетельство этому постоянное сокращение этнического разнообразия страны. Русский человек четко отличается от любого этноса, несмотря на внешность: языком, историческим чувством, внутренним осознанием себя, прежде всего, как русского человека. А другие предки – случайность, в рамках естественных процессов межэтнических отношений, причем нередко с положительным результатом. Русскому человеку унизительно будет, если его будут обмеривать всякими линейками, сравнивать по глазам и волосам с «правильным типом». Мы – славяне, а не немцы. Это противостоит для русского характера. «Что русскому хорошо, то немцу – смерть». И наоборот... Эх нам бы, европейцам, было бы лучше объединить победы нашего духа, а не паразитировать на поражениях друг друга.

Природа борется за сохранение и разделение рас. Часто после смешений во втором или третьем поколении рождаются люди с выраженными признаками

расы, противоположными родительским. Недавно в США был случай, когда у смешанной пары родились разнорасовые близнецы. Природа пытается работать по уже накатанным программам и закономерностям. Для нее это важно, она имеет механизм борьбы с гетерогенностью вида *homo sapiens* (чья роль в антропогенезе еще не полностью ясна), стабилизирует тем самым ее разрушительные перегибы: многие люди, получившиеся в результате очень противоречивого смешения не могут иметь наследников и т.д. Чистокровный не имеет проблем выбора – он либо следует расе, либо отрицает ее. Человек, прошедший смешение, должен определиться с расой. Это главное решение в его жизни. Именно в этот момент включаются социально-культурные, психологические факторы личности и ее окружения. Человек становится средоточием рас. Он тяготеет к той, что более в нем выражена, сильнее, имеет больше воли к жизни.

Не столь важна чистота, сколько перманентность расы, ее расового духа – осознание своей причастности к той или иной расе. Чистота – трудно достижимый идеал. Не потому ли так громко звучал голос о ней тех, в ком бездумно ли, намерено ли вытравили расу, расовый дух? Многие глашатаи расовой чистоты, как например вожди рейха, были далеко не чистокровными «арийцами». Но именно в них воспылало желание стать «чистыми». В них жила ненависть к настоящему – деформированному образу расы и мира. Но они любили страну своих детей. В этих и других «полукровках» силен, прежде всего, расовый дух, нежелание раствориться – в них страх этого куда живее и острее, нежели в сердцах многих равнодушных баловней расовой чистоты. Потому что борьбу за расу приходится вести не просто с чужими, но в первую очередь с собой (!): с осознанием и неприятием ликов и черт чужого в себе, как безобразного, неправильного, мешающего. Однако именно чужеродная часть может стать силой против чужого вторжения в расу извне, так как есть ясное осознание и желание очиститься, есть материал для реакции и осадка чужого, во имя более чистой субстанции. Я назову это – Путь расы.

Консервативные ревнителы расовой идеи могут обвинить тех, кто защищает смешение в том, что они это делают, потому что их «кровь не чиста». Хотя защитная реакция и тех и других – естественное для живого организма самосохранение, инстинкт. Однако идеи часто расходятся с жизненной необходимостью, до тех пор, пока сами не становятся неизбежностью в реальности. А реальность такова, что воля любого человека может избрать либо путь смешения, либо путь расы. И важно тогда защитить именно путь расы от нападков, от неприязни и попыток унижить и отторгнуть идущих по этому пути спесью чистокровности, ибо спесь не возвышает расу. Если человек чувствует в себе расу, то он есть то, что он есть и другим быть не может. Ему, чтобы вернуться к чистым истокам придется *смешиваться и смешиваться* именно по пути к расе, чтобы, в конце концов, ассимилироваться. Если процесс расового распада не

зашел слишком далеко, то он обратим. Уже в конце 30-х в Германии признавалось, что в немцах содержится лишь 50% нордической крови, и что создание чистой расы это дело будущего.

Здесь также возникает вопрос об ответственности личности за смешение – этническое и расовое. Этническое смешение с близкородственными по расе народами не является чем-то уж особенно опасным и неприемлемым. В данном случае поле ответственности простирается в сферу социализации – исторической и культурной, в отношении индивидуума и его потомства. То есть личность отвечает за выбор культурного стереотипа, традиции, национальной идентичности, которым она будет следовать в приоритете. С расами вопрос усложняется в выборе не только национальности, но и расы для приоритетов личности, иначе говоря, важно в каком направлении будет углубляться трансформация потомства, направление ассимиляции: возврат к исходному типу или переход в другой тип, как физиологически, так и с точки зрения мировоззрения. Если человек является потомком непродуманного выбора своих предков, то перед ним стоит очень серьезная дилемма – продолжать смешение или прочно связаться с наиболее близкой ему по антропологии и мировоззрению идентичности – пойти по пути расы. Полукровка, смешанный с другим этносом или расой, может достаточно легко вернуться к исходному типу – его предки отдали предпочтение основной идентичности. И так далее для 1/3, ... Очень сложно человеку с многочисленными компонентами смешения. Если он не может остановиться на выборе этноса или расы, ему остается только социальный выбор идентичности – гражданство. Для полной ассимиляции с основной идентичностью перед ним становится лишь осознанный выбор в этом вопросе, не механический. Кто смешан, тот выбирает 50/50. В сложных исторических условиях быть и за тех, и за других – аморально. Кто еще осознает валентность идентичности на 1/5, 1/6 и т.д., тот в принципе принадлежит уже к основному типу этнической или культурно-расовой идентичности. Его жизнь могут осложнить только социальные и культурные предпочтения.

Однако чтобы помочь личности в определении своей культурно-расовой идентичности, своего типа, необходима продуманная, упорядоченная, целенаправленная на решение данного вопроса государственная политика.

Впервые в политике, в жизни целой нации встает на повестку дня вопрос не просто о сохранении расы, но также и о ее долговременной, целенаправленной реконструкции. Весь раздробленный генетический расовый материал – генофонд – предстоит собрать по частицам, реставрировать, возродить. Эта колоссальная работа требует не просто труда, но и социальной и государственной воли, политики, приоритета расы.

Начинать расовую политику надо не с сопоставления себя с «неграми», «белыми», «желтыми», с провозглашения, что какой-то цвет кожи лучше «негра», особенно при наличии огромного количества «белых» ни в чем не уступающим

в убожестве «неграм», которых они зачастую им наделяют. Не надо заблуждаться на счет недоразвитости расового или этнического мировоззрения других культурно-расовых и этнических типов. Оппоненты также считают себя «лучшими», даже «избранными», а для нас находят достаточное количество уничижительных остракизмов и стереотипов. Сила многих малых народов (как и вообще малых групп) в сплоченности, в цельности и агрессивности. Клан на многое способен. Нации ему нечего противопоставить, кроме как государство, если оно лоббирует нацию, либо «темную силу» масс, которые могут возникнуть лишь в крупной нации (партия, народная милиция, разъяренная толпа погромщиков). Против традиционного местечкового мировоззрения силой может быть только мощная национальная идеология и соответствующая государственная политика.

Обвинять малые народы, меньшинства и другие культурно-расовые типы, живущие на территории нашего культурно-расового типа, в отсутствии у них расовой и этнической гигиены далеко не всегда правильно. Мне вспоминается финальная сцена из второй части трилогии Ф. Копполы «Крестный отец». Майкл Корлеоне заявляет, что он идет в добровольцы на войну с Японией во имя своей страны, которой он считает Америку. На что ему брат Санни отвечает, что добровольцы идиоты, потому что рискуют своей жизнью ради чужаков. Майкл возражает, что они рискуют жизнью ради своей страны. Тут Санни говорит фразу, смысл которой красной нитью проходит через все творчество М. Пьюзо (он же автор сценария), и показывает подлинную позицию этнических меньшинств, их отчужденность от европейского мира, изображает реальное положение вещей в западном обществе: «Страна – это не твоя кровь». И позже, Майкл Корлеоне, несмотря на либеральные идеалы своей молодости, так и остался сицилийцем, даже стал боссом, доном маленького агрессивного этнического мирка. Они-то – чужие этнические типы – как раз чтят свои традиции, свою чистоту. Другое дело их примитивизм культуры, разрушающий все высокое, чего добилась наша цивилизация. Их губительная неспособность к самостоятельному развитию в сравнении с арийскими народами. Поэтому чуждые развитию устои других типов ведут к паразитизму, к хаосу и дегенерации в пространстве и теле нордического культурно-расового типа. Они почитают только силу, и в грош на деле не ставят ни толерантность, ни гуманизм, но им выгодно, чтобы в это верили мы.

Расовая же и этническая нечистоплотность свойственна в большей степени индустриальному элементу, «торговым» народам, и как ни странно, всякого рода династическим элитам: у них принцип единства не кровь и честь сегодня, а финансы и власть. Чистота в наибольшей степени присуща сельскому, крестьянскому элементу. Периферия, порой, не обладая стопроцентной чистотой, сохраняет не разрушенным, в отличие от жителя индустриальных клоак, здоровье и инстинкты освоения и выживания, приспособления к новым пространствам. Именно им обязана наша нация расширением и удержанием просто гигантского Lebensraum (жизненного пространства).

К тому же не следует забывать о том, что потребительская машина современного мироустройства разрушает не только душу белой расы, но и остальных рас. Наши недуги мучают и преследуют также и наших врагов.

Большинство современных культур, к сожалению, существует не столько по генетическому или ландшафтному признаку, сколько по культурному (религиозному).

Идея расовой чистоты может, и должна быть разведена с идеей расового превосходства. Убивать и поработать других необязательно. Для русского человека всегда было свойственным жить за счет своего созидательного труда, своей земли. Русский метод экспансии – «устройство и освоение земель», а не колонизация народов. Однако защищать нацию и ее идентичность, ее территорию просто с гражданских и патриотических позиций сегодня уже недостаточно. Создание чистой расы возможно в современных условиях, во-первых, через искусственную селекцию – от размножения к селекции, во-вторых, через политику размежевания рас, в-третьих, через концепцию отдельного существования рас – этно-плюрализм.

Что касается первого, то тут, в общем-то, путь ясен: есть генетика – создавай чистую расу. Дело сэра Гальтона вновь становится актуальным и перспективным в связи с революционными прорывами в генетике и биологии. Нужны специализированные медицинские и воспитательные центры направленные на дело улучшение расы. Предстоит решить окончательно много разных проблем связанных с антропологией, расогенезом и этногенезом нынешних рас.

Биологам необходимо найти экстремы, при которых не происходит смешение рас, то есть когда попытки создания жизнеспособного потомства дают нежизнеспособных индивидов, либо вообще ничтожны. Экстремы – набор биологических факторов не дающих смешение, которые и будут четко свидетельствовать о расовом размежевании человечества. Это сложнейшая статистическая задача. Однако главная трудность выявить критерии человеческого организма для подобных исследований.

Что касается расового размежевания, то ничего нового, конечно же, я не общу – основных проблем в этом вопросе – две. Первая – в историческом поле рассмотрения этой проблемы, вторая – в накопленных предрассудках биологического порядка: слишком много признаков размежевания рас. Основной предрассудок – это определение рас по какому-либо одному признаку: коже, глазам, форме черепа, объему головного мозга, строению скелета. Обычно выделяется один доминирующий признак – признак живых – цвет кожи. Но расхождения в чистоте цветов очень большое. Человека невозможно полностью определить по расе на основе лишь одного признака. Наиболее выразительным является набор признаков и его статистическое ландшафтное выражение: когда «все на одно лицо». Затрудняет размежевание рас еще и сложившийся

за историю филогенеза набор устойчивых статистических (массовых) факторов общечеловеческого масштаба: брюнетов, например, больше, чем остальных; карие глаза, брахиоцифализм. Человек за свою жизнь научается отличать людей не только по расе, но и по этносу – в основном благодаря частому восприятию различий и сходств между собой и другими, если он встречается с чем-либо сверхнеобычным, то он в замешательстве и аналогии. Но это в большей степени все-таки эмпиризм, а не скрупулезное точное знание на уровне микромира и антропологической истории. В этих последних еще очень много пробелов, как в фактическом материале, так и в методологии. Например, один ученый-генетик выяснил, что все однофамильцы на Земле – родственники. Речь идет о том, что абсолютно необходима широкая просветительская образовательная база в этом направлении знаний о человеке на уровне государственной программы. Белые люди сначала должны обладать четкой информацией по расовому вопросу, а не его критикой без каких-либо знаний, как это делается нынешним гуманизмом: белых людей этим самым лишают выбора.

Концепция отдельного сосуществования выступает против либерального, демократического, безудержного стремления к универсальному всечеловечеству, к совместному сосуществованию. Западная демократия отвергает различия этнического и национального характера, как предрассудки. Эта демократия пытается изъять из себя понятие «народ», понятие нации. «Свобода, равенство, братство» – ее изначальная формула уже была искажением в пользу универсализма. Свобода – это либерализм, равенство – это социализм, социальное равенство, братство – солидарность и интернационализм. Национализм абсолютно не вписывается в универсальную концепцию мира. Он оппозиция этим принципам, если они вместе выступают против него, отрицают его значимость. И в то же время национализм необходимейшая часть их становления, так как его главная сущность – суверенитет. «Единство, неделимость Республики, свобода, равенство, братство или смерть» – эта начальная версия далека от универсализма Просвещения. В ней на первом месте – суверенитет. Суверенитет в свою очередь возможен лишь на основе коллективной, национальной, корпоративной. Он есть независимость групп. Его главный принцип – невмешательство. То есть отдельное с другими сосуществование. Универсальный же проект пытается всеми способами, под предлогом всеобщего гуманизма лишить культурные сообщества суверенитета, атомизировать их до бесправных индивидуальностей. А отсутствие суверенитета это именно бесправие. Таким образом, либерально-демократический проект с помощью искажения действительности ее разносторонности в пользу универсализма становится самым чудовищным и лицемерным за всю историю методом порабощения человечества ради интересов всех тех групп и сообществ, которые не верят в универсализм, культивируют изоляционизм, и требуют экспансии при сохранении своего суверенитета, невмешательства со стороны уже сформировавшихся и утвердившихся в истории крупных культурных сообществ. Те, кто встал на путь расы может вполне на законных основаниях спросить: почему

мы боремся за каждый исчезающий вид черепашки и не имеем права бороться за собственную уникальность, за своеобразие, за нацию и за расу? Во имя своих интересов. Кто отказался от своих во имя нас? Мусульмане, деколонизированная Африка, мононациональные азиатские государства, латино-американцы? Весь Юг планеты чтит свой суверенитет и считает белую расу им должной. Совместное сосуществование, таким образом, отдает на растерзание всяческих паразитических меньшинств все крупные, высокоразвитые культурно-расовые типы человечества. Они настойчиво требуют нас отказаться от нашей уникальности, своеобразия, этнического принципа ради своих собственных под предлогом «борьбы за равенство». Но за равенство можно бороться лишь на основе признаков сходства, как например это происходит с социальным равенством – по признаку доходов и равноправию перед законом. Раса и этнос – это признаки различия, бороться с помощью различия за равенство – нонсенс. Это очевидная попытка добиться привилегий и уступок, если от различий, от своеобразия требуют отказаться лишь одну сторону сегодня, одну расу – белую.

При раздельном сосуществовании доминировать должны крупные культуры и нации в своем устоявшемся историческом регионе. Так это и происходит в Африке, на Ближнем Востоке, на Дальнем Востоке, в Юго-Восточной Азии, в Латинской Америке. Так должно быть и на белой ойкумене. Ни о каком дальнейшем политическом праве на самоопределение малых народов и экспансии диаспор на территории нордического культурно-расового типа не может идти и речи. Это путь к войне. Война – закономерность для политического самоопределения. Его добиваются под давлением, с помощью силы, за счет других. Именно поэтому нельзя вводить новых игроков в этот процесс. За самоопределение все нынешние крупные культуры нашего типа платили кровавую цену веками. И посему не обязаны никому уступать своих завоеванных позиций, никаким вдруг проснувшимся желанием самоопределиться и эмансипироваться. Для мирного сосуществования возможно лишь культурное самоопределение, не политическое. Понятно, что сразу начнутся требования «равенства». Мы можем признать только равное с нами «право на сосуществование», но не на экспансию и управление. Право здесь не за сильным – любимая инсинуация защитников эмансипации меньшинств, желающим ничего не сделав для сообщества, плутовски, за счет правового жонглерства и мошенничества, без жертв, получить все сразу. Право на самом деле за тем, кого больше на территории культурно-расового типа, за тем, чей вклад в историю, культуру и развитие более значим – это и есть подлинная демократия. Если различия сохраняются, то есть остаются значимыми для всех сторон, то политическое равенство, уж если его требуют, обязано быть пропорциональным именно в силу значимости различий, в соответствии с количеством представителей национальных и расовых различий и вкладом в развитие суверенного сообщества. Если нордический культурно-расовый тип призывают считаться с чужой идентичностью, то и соответственно и эта чужая идентичность обязана считаться с

противоположной стороной. Только так возможно мирное сосуществование рас. Если африканец или мусульманин, живущий на территории европейского культурно-расового типа, хочет сохранять свою культуру и иметь права, да еще и с гарантией, то это значит, что, во-первых, он не должен вмешиваться в чужую расу и культуру, и, во-вторых, то же самое должно быть целиком и полностью гарантировано нашему культурно-расовому типу на территориях других типов. Сегодня же игра идет в одни ворота.

Что касается политики – то чего добились меньшинства и диаспоры за свою историю, того добились. Пусть самоутверждаются в чем-нибудь другом, политику должен определять доминирующий на своей территории культурно-расовый тип. В крайнем случае, пусть поищут себе землю обетованную среди других, на Юге. Там их ждут «толерантные» мусульмане, «многонациональные» китайцы, «демократические» племена людоедов. То есть их желанное братство. А отбирать у других нельзя – этому они сами учат, сами же пусть и блюдут свой закон. Сделать все общим? Пусть сделают общим сначала свое.

Вообще поражает лицемерие гуманистов-универсалистов, когда они дикость и жестокость направленную против белых оправдывают недоразвитостью народов, и при этом осуждают как расизм и дискриминацию утверждения о превосходстве белой расы. Иными словами, признавая превосходство, они тут же утверждают, что его не должно быть. За чей спрашивается счет?

Этно-плюрализм – мечта европейцев, для русских многовековая реальность. Как сказал Карамзин «Сколько русская нация подчинила других культур, столько их и сохранила». Русская культура и нация доминировала, решала в основном не в ущерб своим интересам, да и чужим тоже. У нас же из естественного, органичного русского проекта отдельного сосуществования был сделан ложный, спекулятивный вывод о «многонациональности» России, о смешении, о совместном сосуществовании, о «дружбе народов». Этот разрушительный миф возник в среде русской интеллигенции с ее мечтами о Всечеловечестве и Богочеловечестве, а осуществляться стал в рамках Советского феномена, через идеологию интернационализма. Цена этого заблуждения и его культивирования врагами нашего культурно-расового типа известна: минус 80 млн. русских при советском интернационализме и 20 млн. при либеральном.

Именно поэтому лицемерному интернационализму необходимо противопоставить концепцию полярного, отдельного сосуществования рас и этносов.

Подводя итог, можно сказать, что возвращение белых наций к «принципу крови» будет насыщено очень драматичной борьбой с универсализмом Просвещения и с хаосом чуждых типов, которых объединяет фетиш смешения культур, желание изуродовать окончательно образ нашей расы. И на этом

пути, Пути расы, каждый близкий расе человек, жаждущий светлого и чистого идеала для своих потомков, будет ценен, будет нужен своей нации и расе.

3. Расизм, фашизм и досуг (наблюдения диссидента)

Расовый вопрос является ключом к всемирной истории.

Б. Дизраэли

Миллионы лет у цветов растут шипы. И миллионы лет барашки все-таки едят цветы. Так неужели же это не серьезное дело – понять, почему они изо всех сил стараются отрастить шипы, если от шипов нет никакого толку? Неужели это не важно, что барашки и цветы воюют друг с другом? Да разве это не серьезнее и не важнее, чем арифметика толстого господина с багровым лицом? А если я знаю единственный в мире цветок, он растет только на моей планете, и другого такого больше нигде нет, а маленький барашек в одно прекрасное утро вдруг возьмет и съест его и даже не будет знать, что он натворил? И это, по-твоему, не важно?

Антуан де Сент-Экзюпери, «Маленький принц»

Расизм в сфере развлечений одна из самых успешных и плодотворнейших идей. Начнем с компьютерных игр, так как в них особенно ярко раскрывается расовый вопрос. Все эти «дюны», «старкрафты», «цивилизации», «воркрафты» построены напрямую на дарвиновских тезисах о борьбе за существование – подобные игры моделируют «самую жестокую борьбу между особями, все равно одного и того же или различных видов, питающимися одной и той же пищей»(1), т.е. борьбой за один и тот же ресурс. И соответственно в этой битве рас «вымирание происходит преимущественно от соперничества одного племени с другим, расы с расой»(2). К тому же в подобных компьютерных играх *преимущество* (ключевое слово в теории Дарвина) дает прогресс, т.е. «степень цивилизации играет чрезвычайно важную роль в успехе народов, приходящих в столкновение»(3). Т.о. самые популярные стратегические и ролевые игры воспитывают целые поколения агрессивных расистов. Игрок выбирает, за какую расу он играет, кому он симпатизирует, кто ему не нравится. В сети фактически программируются и в реальности появляются замкнутые сообщества геймеров именно по расовым признакам, по признакам некой виртуальной этничности (игры про мафию, уличные банды). Кстати, в столь популярных стратегиях о Второй мировой войне, например в отечественной разработке «Блицкриг» можно запросто поиграть на стороне фашистов. Также есть немало «стрелялок», основывающихся на борьбе с расами пришельцев

типа игрового сериала «Стартрек», где в отличие от кино герою надо постоянно бегать и убивать разного рода обязательно враждебных инопланетян (Unreal – 2, Mass Effect, Area 51 и т.д.). Расы врага всегда омерзительны, агрессивны, нагнетающее пугают – единственная ваша задача: полное их уничтожение. Чужие всегда отталкивающе бесчеловечны и практически как в играх, так и в кино создатели виртуального расизма воспроизводят их в соответствии с классическим сюжетом «Звездных рейнджеров» Р. Хайнлайна. «Человек есть то, что он есть, – дикое животное с могучим инстинктом выживания и самосохранения... Вселенная сама даст нам знать – имеем ли мы право на ее освоение или нет. А пока Мобильная Пехота должна быть на своем месте – на переднем крае боя за выживание расы»(4). В таком вот духе Р. Хайнлайн – один из пятерки самых именитых писателей-фантастов мира – благословляет на расизм всех нынешних создателей космических шутеров и стратегий. К тому же данная книга Хайнлайна изображает фашистское государство намного яснее и привлекательней, чем Муссолини или «Майн Кампф» Гитлера. Эту сторону произведения Хайнлайна с присущей ему иронией показал в экранизации «Звездных рейнджеров» Пол Верховен, автор остросюжетной антифашистской «Черной книги».

В кино в отличие от компьютерных игр, расизм отражался лишь тематически, он не был ведущей идеей, тем более интерактивной как в играх, на которой строится смысл отношений и действий. Чаще всего он либо пропагандировался напрямую (в Германии 30-х), либо критиковался. В общем – это всегда было «нехорошо» для общественного мнения. То же относится и к литературе. Однако именно в жанре фэнтези расовая идея обретает животрепещущую актуальность и важность – вспомнить хоть того же Дж. Р.Р. Толкина. Жестокая борьба разных существ, разного разума завораживает миллионы читателей по всему свету. И все ждут победы для разума человеческого, для расы человека. Все, что не человек – несет опасность и зло, а потому должно быть повержено выдающимися качествами нашего вида.

В кино в последнее время нередко используется расовый контраст для образности противостояния. Для примера можно посмотреть монолог агента Смита в адрес Морфеуса в фильме «Матрица» (братья Вачовски), в фильме «Эквилибриум» также в поединке противопоставляется белый герой черному антигерою – это классическая расовая образность в западном кино, варианты бывают и обратные черный герой – белый антигерой. То есть расизм ИСПОЛЬЗУЕТСЯ в практических целях. А поэтому подспудно внушается через образы.

Если брать серьезное кино, отражающее злободневность расового вопроса, то самым глубоким будет, нет, не «Столкновение» П. Хаггиса, не «Американская история X» Т. Кея, или «Время убивать» с Сэмюэлом Питером Джэксоном, или «Список Шиндлера» Стивена Спилберга. Нет, самым серьезным расовым фильмом я считаю трилогию «Крестный отец» Ф.Ф. Копполы. Большинство считает, что этот фильм посвящен мафии, даже романтизирует ее. На самом

деле М. Пьюзо не трубадур мафии, а великий социальный литератор. Он писал сценарии к первым двум частям кинотрилогии. И цель этого произведения и в кино, и в литературе, показать то, чем на самом деле является нынешний идеал космополитов – «сотен тысяч маленьких групп»(5) Эриха Фромма, иже с ним мечты о «конфигуративном» обществе меньшинств Алвина Тоффлера(6), или концепция полного подчинения государств и наций наднациональным (интернациональным) правительственным организациям и корпорациям Ульриха Бека(7), компенсация (уступки) Севера Югу за «колониальный гнет» И. Валлерстайна(8), или «ненавязчивый» аргумент о естественной интеграции иммигрантов и диаспор за счет уступок «большинства» от Э. Паина(9). Кто читал М. Пьюзо (нелишним будет упомянуть и его роман «Темная арена» о денацификации Германии после Второй мировой), тот узнал, как живут меньшинства, подобные мафиозным кланам, казино, Голливуд, и прочие пожирающие, коррумпирующие и растлевающие общество, государство, нацию, т.е. большинство буржуазные корпорации. Мне же запомнилась последняя сцена второй части «Крестного отца», иллюстрирующая тему данной статьи. Майкл Корлеоне заявляет, что он идет в добровольцы на войну с Японией во имя своей страны, которой он считает Америку. На что ему брат Санни отвечает, что добровольцы идиоты, потому что рискуют своей жизнью ради чужаков. Майкл возражает, что они рискуют жизнью ради своей страны. Тут Санни говорит фразу, смысл которой красной нитью проходит через все творчество М. Пьюзо, и показывает подлинную позицию этнических меньшинств, их отчужденность от европейского мира, изображает реальное положение вещей в западном обществе: «Страна – это не твоя кровь». И позже, Майкл Корлеоне, несмотря на либеральные идеалы своей молодости, так и остался сицилийцем, даже стал криминальным боссом, доном маленького агрессивного этнического мирка.

Отечественный кинематограф в деле пропаганды расизма и т.д. в какой-то мере оказался даже более продвинутым, чем Запад. «Обыкновенный фашизм» М. Ромма и «Семнадцать мгновений весны» Т. Лиозновой, очевидно проникнутые эстетикой Л. Риффеншталь, воспитывают эффективно не только антифашистов, но и фашистов, в чем признается составитель «Энциклопедии Третьего Рейха», которая имеется в наличии во многих провинциальных библиотеках. Это так, уж поверьте. Зловеще ныне звучат слова «старины Мюллера»: «Как только где-нибудь вместо слова «здравствуйте» произнесут «хайль» в чей-то персональный адрес – знайте, там нас ждут, оттуда мы начнем наше великое возрождение!»(10). Этой страной стала Россия. Вот, к примеру, выдающийся русский режиссер А. Сокуров стал застрельщиком мирового масштаба в деле великого возрождения. Он первый сорвал запретную печать – продолжая традицию исторической реконструкции Бертолуччи («Последний император») – снял первый художественный фильм о Гитлере «Молох». Это уж потом последовали «Гитлер: Восхождение Зла» К. Дагуэя, «Взятие Берлина» О. Хиршбигеля и проч. Вот вам и недавний пример утверждения расизма на наших экранах. С виду неприметный. Сериал «ФЭС» на 1-ом. Присмотритесь повнимательнее к главным героям. Все они эксперты в области биологии,

все практически русские, более того самые главные обладают безупречной нордической внешностью.

Однако культивируется и другая, более широкая ангажированная тенденция у создателей наших криминальных сериалов: непременно снять хотя бы одну нравоучительную серию про скинхедов или национальную рознь, где наши «доблестные» защитники правопорядка дают отпор ксенофобии и утверждают «истинную многонациональную» природу нашего общества. Причем экстремистов они задействуют в самых грязных уголовных преступлениях: изнасилования, грабеж, рэкет и т.д. с «националистической» подоплекой. Зрителя пытаются настойчиво воспитывать в духе толерантности и политкорректности. Это раздражает. Потому что в реальной жизни гораздо чаще встречаешься с хамскими приставаниями, а нередко и с безнаказанными изнасилованиями «местных» девушек, рыночным фашизмом диаспор, с этническими ОПГ, уничтожающими коренное население наркотиками и прочим беспределом в масштабах несопоставимых с действиями всякого рода радикалов. Что ж не снять, как бравые чеченские боевики «пускают по кругу» русскую девчонку или отрезают головы нашим солдатам? Как же, это «разжигание». Хотя это и абсолютная правда жизни, реальность. То есть и в данном случае нагнетается напряженность, так как морализаторство слишком уж одностороннее.

И еще одно последнее наблюдение в сфере досуга. Я не большой ценитель и гурман современной популярной литературы, всех этих Муруками, Коэльо, Уэльбека, Пелевина, Акунина (кстати, отдельное спасибо г-ну Чхарташвили за перевод с японского пьесы Ю. Мисимы «Мой друг – Адольф Гитлер») и т.д. Но книга Чака Паланика, впрочем, как и фильм Д. Финчера «Бойцовский клуб» – произведение из ряда вон выходящее. Да что там – это новая библия фашизма! Судите сами. Тут вам и культ личности, тот самый любимый Франкфуртской школой иррационализм, отрицание индивидуализма и прогресса, мифотворчество, жертвенность и героизм, «атмосфера высокого напряжения» (по Ю. Эволе), антибуржуазный пафос, разрушение основ всей нынешней универсальной цивилизации, организация орденового типа, даже внешняя атрибутика – черные рубашки (!) на смену голубым и белым воротничкам, революционный конформизм, средний класс, как основной ударный отряд движения. Произведение многим показалось левацким. Но это лишь на первый взгляд. Так как в нем нет националистического и расового подтекста. Но это если судить поверхностно. Во-первых, эта тема у Паланика штрихами, издавна выявляется в других его книгах, в колоссальной натуралистической внутренней мизантропии автора – он безжалостен к своим персонажам, он – антигуманист, он чрезвычайно «биологичен». Во-вторых, левачество предполагает разрушение «до основания» с целью построения более прогрессивной общественной формы, полный отказ от прошлого во имя будущего; в то время как фашизм опирается на вневременные трансцендентальные ценности, на прошлое. Левые стремятся к тривиальному перераспределению. В них много ма-

териализма. Фашисты полны романтического идеализма – они движутся к «нулевому пункту». В этом плане в «Бойцовском клубе» можно обнаружить потрясающие аллюзии со стилем Эрнста Юнгера: «Мы уже давно маршируем по направлению к магическому нулевому пункту, переступить через который сможет лишь тот, кто обладает другими, невидимыми источниками силы»(11). И у Паланика: «Прежде всего, надо дойти до точки»(12), «Долговременная вероятность выживания каждого из нас равна нулю»(13), «только когда теряешь все, обретаешь свободу делать все, что хочешь» (из фильма). Или вот еще: «Мы возлагаем наши надежды на молодых, которые страдают от жара потому, что в их душах – зелёный гной отвращения. Мы видим, что носители этих душ, как больные, плетутся вдоль рядов кормушек. Мы возлагаем свои надежды на бунт против господства уюта, для чего требуется оружие разрушения, направленное против мира форм, чтобы жизненное пространство для новой иерархии было выметено подчистую» (Э. Юнгер)(14). И у Паланика: «Все эти юноши, все эти девушки хотят отдать свою жизнь во имя чего-нибудь. Реклама заставляет их приобретать тряпки и машины, которые им вовсе не нужны. Поколения за поколениями люди работают на ненавистных работах только для того, чтобы иметь возможность купить то, что им не нужно. На долю нашего поколения не досталось великой войны или великой депрессии, поэтому мы должны сами объявить войну, и война эта будет духовной. Мы начнем революцию, направленную против культуры... Мы должны научить людей свободе, поработив их, и показать им, что такое мужество, испугав их»(15). Тут уж и комментировать нечего – налицо «фашистский стиль».

Подытоживая свои наблюдения, хочу обратиться к правозащитникам, гуманистам, антифашистам и прочей либеральной братии. Сегодня расовый вопрос и фашизм актуальней, чем когда-либо. Эти явления эволюционируют и проникают вовсе не там и не туда, где их ищут. Они обрели совершенно другие формы, хотя содержание борьбы осталось прежним (потому что неограниченная конкуренция – это закон природы и для рас и для буржуазной политэкономии либералов, и соответственно для классового марксизма). К тому же, как видно из вышеприведенных примеров, расизм и фашизм – это интересно и развлекательно, это фактически прибыльный бизнес, в том числе и для «правозащитников» с их «непогрешимой карательностью». В любом книжном магазине найдется полочка, посвященная истории Третьего рейха, биографии его вождей, и много другой интересной философской, публицистической и исторической правой литературы. Патрик Бьюкенен, один из лидеров американских неоконсерваторов, небезосновательно утверждает, что культурная война и расовый вопрос никуда в ближайшее время не исчезнут: «Наши масс-медиа также заинтересованы в сохранении и усугублении расового конфликта. Рейтинги и рекламные деньги требуют «ударных» новостей и материалов, а ничто – кроме войны, конечно, – не привлекает читателя больше, чем описание расовых конфликтов»(16). Недалековидно сегодня гоняться лишь за «бритоголовыми» почитателями «Майн Кампфа», когда расизм и фашизм заполонили

компьютерные игры, кино- и телеэкраны, художественную и историческую литературу. Если у самого авторитетного американского расиста и антисемита Уильяма Пирса, чью одиозную книгу «Дневник Тернера» издал Илья Кормильцев – подлинный интеллигент-диссидент, настольной книгой был «1984» Оруэлла, то пора уже задуматься, что же происходит с миром. Пора уже вникнуть и разобраться, какие объективные причины и силы движут современными радикальными правыми, да и прочими, какие идеалы. А не пестовать ту субъективированную глупость, которой либералы пичкают сами себя и широкую общественность в отношении протестных групп: «подавленная сексуальность», «психически-неадекватный» (В.В. Познер), «комплекс Фурье» (Мизес), «лузеры», «маргиналы», «неприспособленные», «некредитоспособные», «социально неблагополучные», «малообразованный», «малообеспеченный», «малоудачливый» – это далеко не полный перечень либерального дискурса превосходства и презрения к инакомыслящим; до недавнего времени «в среде умеренности и аккуратности» очень модным был истинно расистский эпитет «русскоязычный».

Поэтому закончу свой обзор словами великого Джорджа Оруэлла, который понял «*altera pars*»(17), тот духовный потенциал, управляющий судьбами народов: «Энергия, действительно делающая мир тем, что он есть, порождается чувствами – национальной гордостью, преклонением перед вождем, религиозной верой, воинственным пылом, словом, эмоциями, от которых либерально настроенные интеллигенты отмахиваются бездумно, как от пережитка, искоренив этот пережиток в самих себе настолько, что ими утрачена всякая способность к действию»(18).

1. Дарвин Ч. О происхождении видов путем естественного отбора или сохранении благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь. Сочинения, т.3. Изд-во АН СССР, Москва, 1939. Глава III.
2. Дарвин Ч. Сочинения. Том 5. – М., 1953. – С.289.
3. Там же, С.290.
4. Хайнлайн Р. Собрание сочинений. Том 2. – Харьков.: «ОКО», 1992. – С.310.
5. Фромм Э. Гуманитарный социализм.
<http://avtonom.org/lib/theory/fromm/humsoc.html>
6. Тоффлер А. Третья волна//Мир нашего завтра: Антология современной классической прогностики. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – С.373-384.
7. Валлерстайн И. После либерализма. – М., 2003. – С.250.
8. Бек У. Космополитическая глобализация.
<http://www.globalaffairs.ru/articles/2328.html>
9. Паин Э.А. Этнополитические условия гражданской интеграции российского общества//Общественные науки и современность. – 2006. – №6.
10. Семенов Ю. Семнадцать мгновений весны. – М.: Изд-во «Известия». – С.255.
11. Молер А. Фашистский стиль. – www.nationalism.org (Эрнст Юнгер)

12. Паланик Ч. Бойцовский клуб. – М.: «Издательство АСТ», 2004. – С.123.
13. Там же, С.295.
14. Молер А. Фашистский стиль. – www.nationalism.org (Эрнст Юнгер)
15. Паланик Ч. Бойцовский клуб. – М.: «Издательство АСТ», 2004. – С.253.
16. Бьюкенен П. Смерть Запада. – <http://libereya.ru/biblus/bukenen/>
17. лат. «противная сторона» в дискуссии, «другая сторона».
18. Оруэлл Д. Уэллс, Гитлер и Всемирное государство// Оруэлл Д. «1984» и эссе разных лет. – М.: «Прогресс», 1989. – С.237.

4. Судный день

Что есть судный день? Давайте оставим в стороне мистику и дела поповские. Все эти миллионы, видящих признаки конца, по большому счету не понимают реальности данного события. Им видятся потопаы и кары небесные. Этого не будет. Будет следующее.

Судный день – это не гибель человечества, это его уход из биологической истории. Сегодня этот гигантский организм пытается спастись последним, что у него осталось – рождаемостью. Он плодится вопреки всякому разумному пониманию. Но ученые уже рассчитали модель того, что народонаселение Земли достигнет своего пика, и далее пойдет на убыль.

Проблема состоит в том, что необходимо понять, что же природа оставит после человека, и что будет с человечеством в его сумерках. Попробуем понять, какой ответ дает нам наука и философия, если не брать в расчет теории прогресса и спасения рода человеческого. Два таких разных человека, как духовник Тейяр де Шарден и ученый Владимир Вернадский пришли к выводу, что природа эволюционировала с помощью человека, создала Ноосферу – новую свою форму существования. Даже если предположить, что не обошлось без сверхразума, то следует понимать, что и для креационизма требуется время и механизмы реализации. Таковыми механизмами и считаются по Вернадскому эволюционизм и номогенез. Только они не противоречат друг другу, как это пытались и пытаются доказать на всех кафедрах добродетели современной науки, они дополняют друг друга.

Самый простой, элементарный и вместе с тем гениальный вывод из этого планетарного процесса эволюции и номогенеза сделал Ницше – «человечество это то, что следует превзойти». Да, та самая крамольная идея «сверхчеловека». Ницше так и не смог избавиться эту идею от морали, потому что философия по определению не способна избавиться себя от морали – одного из основных своих объектов познания. Но он зажег искру в людях, которые были далеки от духовных метаний, были преисполнены верой в материю и реальность. Семена, посеянные Ницше взошли на ниве антропологии. Конечно же, ученые

тех лет создали образ «сверхчеловека», как некий евгенический проект, посредством искусственной селекции, а сегодня с помощью генной инженерией – ничего лучше, чем чудовище Франкенштейна и голова профессора Доуэля, люди, верящие во всеильность человека, разум и прогресс, не могли предложить. Однако природа от своей программы никуда не отступает и борется за сверхчеловека уже многие тысячи лет. У нее своя селекция, и именно те ученые, которые предлагали вспомнить об этом естественном, органическом процессе и гармонизировать соответственно ей деятельность человека, проливают свет об участи нынешнего человечества.

Смысл судного дня по преданию состоит в том, что человечество будет разделено на две группы – на «праведников» и на «грешников». Далее следует еще один невероятно мистический аспект – будут оживать мертвые. Все трубы протрубили – люди прошли сквозь огонь и кары небесные, судный день требует от них либо очищения, либо означает погибель.

По сути, сам миф о судном дне является памятью о предыдущем, когда древний человек – Адам, уступил место современному – Ною (Библейский сюжет взят мной для наглядности, уж да простят мне). То, что факт судного дня дошел до нас, говорит и о том, что предки заботятся о своих потомках. Сейчас трудно сказать, были ли наши предшественники лучше нас или хуже, но они осознали необходимость и неизбежность дальнейшей эволюции и номогенеза ноосферы. И сделали свой выбор в пользу более совершенного по их мнению человека. Вся мифология говорит нам о том, что человек всегда был несовершенен, и соответственно ему угрожала опасность гибели. Судя по мифу о потопе – а он наличествует практически во всех крупных цивилизациях – наши предки видели главную задачу в совершенствовании человека в его борьбе со стихиями – адаптации разумных существ к условиям геосферы и биосферы. Они этого добились, осознав значимость для природы и эволюции ноосферы (как они это понимали), то, что именно она и должна решить проблему обновления и сохранения человека. Наши предки сумели выполнить, поставленную задачу. Создали своего «сверхчеловека» – воплотили идеал. И ушли. Где-то, они пошли по пути упрощения, уменьшения вариативности с одной стороны (доказано, что у неандертальцев антропологическая вариативность была выше, чем у современного человека), где-то оставили возможности дальнейшего развития, но для сознательного выбора: поэтому остались инволюционная – регрессивная составляющая этого процесса, то есть издержки, недостатки, несовершенство, грозящие новой гибелью, но и другая – способная дать новое осознание судного дня, необходимости «нового человека». Понять глубину этого акта еще не представляется возможным.

Царство Ноя (современного человека) – это условно три его сына – Сим, Хам и Ияфет. Троица эта не случайна – она показывает расовое деление современного человека, намеренный номогенез для полного освоения земной территории, адаптации вида. Вполне возможно, что предки не могли освоить всю

Землю, поэтому есть миф о протокультуре, расположенной в одном центре (много одинаковых мифов есть у всех народов, вне зависимости от расы и этноса – откуда они получили такую информацию, как не из единой протокультуры?). А обстоятельства выживания требовали расселения по всей Земле. Но существует очень небольшое количество высокоразвитых животных видов, способных жить на всех территориях – с усложнением это становится все более проблемным. Поэтому пришлось прибегнуть к расовой эволюции, встать на ее путь. Расовую дифференциацию человечества до сих пор невозможно доказать лишь по наличию внешних факторов воздействия. Если и опираться на версию внешних факторов, то в результате мы получим полигенизм, то есть происхождение от разных видов разных рас. Подобная модель практически не представляется сегодня возможной, но также невозможно проследить и чистую эволюцию от одного вида к его подвидам в виде рас. Без номогенеза – это загадка. Нам важен результат этого процесса. Появились вполне устойчивые факторы неизменности, стабильности человеческого рода в виде рас для определенной земной территории. В данном случае, было бы ошибочным сводить все к довольно грубым материальным фактам. Наши предки лучше были связаны с информационным полем – Духом. В процессе перехода к современному человеку, эта связь была уменьшена до Архетипа расы. Но зато адаптация, связь с Землей, почвой усилилась. Правда, до известного ограничения – кровь и почва, которое постепенное развитие не могло не нарушать из-за своего несовершенства и ошибок. И далее уже начался процесс развития этого обновленного человечества в виде этногенеза и социогенеза, который и должен закончиться новым судным днем – осознанием того, что нужен «новый человек». То есть прошел цикл.

Что же есть воскрешение мертвых в судный день? Для наших далеких предков это было вполне нормальным понятием. Недаром часть их учения, оставшаяся в индуизме, говорит о реинкарнации. Ничего сверхъестественного в этом нет. Особенно с генетической точки зрения. Процесс животного воспроизводства – это отчасти самокопирование: мы часто стараемся примечать в детях схожесть с родителями. Возвращаясь к упомянутому выше факту о конечности количества возможных человеческих особей, можно сделать вывод, что нового генетического материала не появится, что продуктивные вариации в данном виде человечества ограничены. И со временем будет лишь самокопирование людей. Будут появляться точные копии людей, без учета их филогенеза (собственного развития организма при жизни) в прошлом. Но как это возможно, при мощной гетерогенности рода человеческого? В этой самой гетерогенности и заложено ограничение. Именно она-то и послужила приходу людей к судному дню. И поделила их на «праведников» – тех, кто останется, и «грешников» – тех, кто выродится. Копии будут возможны лишь в рамках одной расы. Смешение же будет далее разрушать и вести к гибели – количество вариаций излишне и не требуется для адаптации, которой добились древние предки. Гетерогенность до поры до времени создавала запас прочности для того, чтобы человечество могло развиваться, совершенствоваться в этногенезе и социогенезе. Сегодня

человечество на 40% – смешанное с точки зрения расы. И от этой точки ему стало ясно, что его биологическое и ноосферное развитие – ограничено, без обновления, без «нового человека». Причем это стало ясно уже в рамках разных «социогенетических проектов», с их довольно радикальными теориями и попытками создать «нового человека». Осознание судного дня – это необходимое обращение к предкам, к их опыту преодоления этого события. И именно те, кто взглянули непредвзято на эту проблему, не морально, могут прозреть главную угрозу гибели современного человека. Современный человек стал независимым от природных катаклизмов – даже при самых жестких из них он по сию пору выживал. Это очевидный факт. Есть, конечно же, опасения по поводу магнитного поля, космических объектов и т.д. Но уже сегодня есть косвенные доказательства того, что предыдущее человечество при переходе в новое сумело решить эту проблему на гигантский срок в будущем. Как? Пока загадка. Новый человек – результат этой борьбы со стихией. В нем невероятный запас прочности. Но в то же время, сегодня, да именно сегодня, стал ясен путь гибели – это сам современный человек, его воля к жизни. Мы свидетели этого факта – человечество в состоянии уничтожить само себя. В его руках диалектическая сила природы, как инструмент! Мы теперь осознаем, что мы есть в итоге, после эволюции в виде истории и социогенеза. Мы пришли к «концу истории», к последнему человеку. Но последний человек – это все же человек, и он инстинктивно стремится к самосохранению. Особенно та его часть, которая стала «грешниками», чрезмерно пользовалась биологическим запасом прочности – гетерогенностью. И это средство ради самосохранения пущено во весь оборот – пока можно смешиваться, увеличивать вариации, последний человек будет сохраняться. Но уже никогда не оживет, не воскреснет, остановится в развитии, вполне возможно деградирует, в конце концов, до мемориальной стадии (по Гумилеву) – человечество распадется на жалкие кучки диких племен. Воскресенье же и соответственно, развитие будет доступно лишь тем, кто останется расово чистым.

Далее все по Дарвину – борьба за существование, за Землю между последним человеком и расово чистым человеком. То, что мы имеем сегодня. В безумии этой войны может произойти и самоуничтожение через диалектическую мощь. Но как раз благодаря этому всестороннему кризису и возникает понимание того, что нужен «новый человек», новое человечество. То есть, нужен судный день. То, что падает, следует еще подтолкнуть. Вот в чем смысл нашей борьбы, нашего выбора и очищения. Расовая экология на половину разрушена и сегодня ее разрушение достигло пределов, как и развитие современного человека, вслед за которыми начинается гибель и деградация человечества. Мы достигли полдня и далее выбор: очищение или гибель. Грядет судный день. И живыми останутся праведники, вставшие на путь расы, на путь нового человека, а грешник – последний эклектический человек отомрет, как динозавр.

5. Расовый смысл истории

До сих пор, начиная с Геродота, история описывала прошлое цивилизаций, государств и народов – их происхождение, становление, развитие, катастрофы, крушения, гибель и т.д.

То есть историю разных общностей вплоть до нации, далее историческая наука делала обобщения в виде истории Европы, мира и т.д.: общемировая история, общеевропейская. Где по большей части опять же описывались перипетии и события взаимоотношений общностей таких как этносы, народности, нации. Были попытки метаисторических обобщений, которые совмещали доисторические данные, мифы, геополитику, мистику, философию, эпос, психологию народов для определения направлений развития тех или иных общностей и государств, их исторической миссии. Общемировая история и футурология описывали некую совокупность жизни сложившихся общностей – человечества. Однако понятие «человечество» так до конца не смогло отразиться историей, как некая общность. Оно так и осталось на поверку историей передовых национальных общностей, политических наций, их отношений. Иначе говоря, историю человечества нельзя еще назвать историей некой единой общности.

Таким образом, на сегодня историческая наука подошла к своему «концу истории» – она описывает одни и те же общности, но в то же время не может описать человечество как общность. Описательная и идеологическая история определились с «порочным» кругом своих задач. Но рассмотрим динамическую составляющую историософии.

Историзм подразумевает эволюцию общностей – биологическая история: антропогенез, расогенез, этногенез и далее политическая социально-экономическая история – государств и политических общностей: племя, народность, нация. Все это уже произошло с людьми. Но что с ними будет дальше? Логика довольно незатейлива. Вглядымся в этапы антропологической истории. Антропогенез – образуется человек, неопределенные группы людей, по сути, совокупность всех людей, которая подразумевает человечество. Далее вся эта совокупность разделяется на очень крупные региональные группы – расы. «Подвиды» по Дарвину. Которые в свою очередь в результате этногенеза дробятся на еще более мелкие территориальные... Биологическая история на этом, в общем и целом, заканчивается. Ноосфера берет бразды в свое правление и начинается история социально-экономическая, политическая. Маленькие общности – фактически родовые – этносы, размежевавшись уже до семьи, до соседской общины, начинают новый отсчет – вновь в сторону совокупности всех людей. То есть укрупняются – род, племя, племенной союз, народность. Народность уже формирует государства, фактически сложившиеся культуры, исторические и этнические типы, т.е. закрытые общности, вплоть до цивили-

зации. Цивилизации же являются совокупностями доминант разных общностей, с разным уровнем культурно-исторического, социально-экономического и политического развития. О них можно даже в каком-то смысле говорить как об общностях, но внутренне не всегда цельных, сильно разнообразных – суперэтносах. Но цивилизации это не человечество и имеют пределы развития, имеют доминантные общности внутри себя. Этногенез выражается в них окончательно во всех своих проявлениях, однако же, человечество в нем не становится единой общностью. Хотя рационалисты и прогрессисты уже делают широкие обобщения, которые не соответствуют реальности исторического развития. Им кажется, что человечество это некое «открытое общество». И что все люди есть уже нечто подобное. Но в политическом плане, с т.з. политической истории, экономики и социума, это совершенно не так. Из-за этого и возникает тупик истории, так как отождествляется нетождественное: совокупность с общностью. Биологическая история шла по вектору разделения, политическая – по пути укрупнения: государства становились больше, общности становились тоже более крупными и сплоченными. Но общности – «человечества» пока что не появилось. Возникла лакуна истории, провал между имеющимися уже общностями и общностью «абстрактной», «идеальной» – человечеством. При антропогенезе человечество – люди – освоили планету как биологический вид. При политической истории – люди также освоили всю планету, но не стали единой общностью. Они также разделены. Возникает вопрос – а может ли вообще человечество быть «единой общностью», да еще и политической? Экономическая глобализация дает вроде бы положительный ответ, есть осознание необходимости тотального объединения. Но оно происходит сегодня пока что по механизму цивилизации, то есть тоже существуют доминантные общности этого объединения. И на них этот процесс и застопорился на данном этапе истории. Внутренне эта «глобальная» цивилизация разобщена и разрознена, на разных этапах развития. И не все хотят ее объединения, более того, как доминантные группы, так и малые просто-таки разрывают ее на части. Что по классической логике истории ведет цивилизацию к закату, к упадку. К разложению. Опять же на малые группы. Опять вырисовывается стандартная картина этногенеза. Бесконечный хоровод эпохи наций. Вот теперь самое время вспомнить то логическое звено, которое никак не хотят видеть, признавать, ощущать. Из боязни быть им поглощенным, из страха выйти из той привычной удобной раздираемой распрями исторической картины мира. И встать на новую ступень развития истории, на новый путь. Путь расы.

В 19 веке понятие расы стало общеупотребительным в связи с прорывом науки в изучении эволюции животного мира. Довольно скоро в середине того же столетия понятие расы отразилось в исторической науке. И что удивительно, был очень верно показан историзм от расы к этносам, к историческим типам, то есть фазы расогенеза, перетекающие в этногенез. Во всем известном труде великого француза Гобино «Опыте о неравенстве человеческих рас», вышедшем в свет в 1855 году. В том же году появился и антагонист этой версии историзма – «Капитал» Маркса, первый том. Первый путь акцентировал на

разделении человечества – с большим уклоном на биологическую историю, второй на его всеобщем объединении – базировался в основном на социальной истории людей. Но не было показано политическое укрупнение в рамках этого процесса. Показано оно было Ратцелем в его «Народоведении». Однако же оно ограничивалось именно народами, народоведением, не пошло далее в расоведение. Идея расы замкнулась на шовинизме современной ей истории, у нее не было еще своей политической истории, своих методов. Из-за политической незрелости она опиралась на лекала исторических решений старой этногенетической истории – истории наций.

Именно из-за этноэгоцентризма путь расы был заторможен. Так как одни его понимали только для себя – Третий рейх со товарищи, другие же отрицали его вообще – марксисты и социал-демократы. Третьи же – буржуа и либералы – вообще стремились законсервировать историю, утвердить на себе ее конец, пошли путем гипертрофирования цивилизации, а не укрупнения общностей. В результате этого логика укрупнения общности была нарушена – тысячи малых общностей разрывают на части эту гипертрофированную глобализацию. Она подходит к кризису разнонаправленных бескомпромиссных движений. При этом также стоит на стороне отрицания расы в последнее время. Идет по пути Маркса – «прыжок» через стадии. То есть отрицается нормальная эволюция. Ее наиболее верный процесс для все той же политической истории, ее историческая закономерность – это объединение, укрупнение в общность расы. Раса еще не была политической общностью. Но должна ей стать. Соответственно появятся новые формы социальной жизни, обретут новые очертания государственные институты. По логике развития, история, таким образом, обретает расовый смысл. К этому осознанию мы подошли только сегодня. И огромное количество препон ставит этому пути – пути расы – весь компендиум предыдущей истории наций, национальных государств. С их дрызгами, застарелыми конфликтами, обидами, ранами и т.д. Все это тянет людей в прошлое, не дает идти дальше, не дает развиваться. Не дает им осознать себя как расу: то из-за национального эгоизма, то из-за внушаемой абстракции – «человечество». И, конечно же, из-за демонизации расовой идеи в связи с не самыми верными и удачными способами ее реализации в истории. Старому миру это выгодно, но с другой стороны он постепенно рушится, и здоровые прогрессивные силы понимают, что нужно двигаться дальше. Ведь каждый виток истории – это путь проб, ошибок, неудач, реакции, реставраций, революций и т. д.: история не приемлет «эры милосердия». Новое рождается в муках, родов без крови не бывает. Нынешняя и все предыдущие эпохи обагрены кровавой битвой народов за новую жизнь, за новые ее высоты. А значит, придется вырваться из пут прошлого, преодолеть его, бороться с ним. Ради новой исторической общности людей – расы. Расе как общности нужна своя история. Нужен свой отсчет. Вслед за эпохой наций идет эпоха рас. Наша новая родина – раса.